УИЛЬЯМ БЕРРОУЗ

ДИКИЕ МАЛЬЧИКИ

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Дикие мальчики, или Книга мертвых», первый роман «лондонской» трилогии, куда входят также «Дезинсектор» и «Пристань святых», повествует о группе подростков-мародеров, терроризирующих города Северной Африки. В гротескном, романтичном, кошмарном шедевре Берроуза технологии, плоть и насилие проникают друг в друга, сливаясь в вакханалии взаимного уничтожения. Это произведение вдохновило группу Duran Duran на создание одноименной знаменитой песни с альбома «Arena». Книга содержит нецензурную брань

- Уильям Берроуз
  - ○
  - ○
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23
  - ○ 24
  - ○ 25
  - ○ 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

Уильям Берроуз
Дикие мальчики

William S. Burroughs
THE WILD BOYS
Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.
© William S. Burroughs, 1970
© Перевод. А. Комаринец, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Уильям Берроуз – король и классик англоязычной альтернативной прозы, автор, имя которого не нуждается в пояснении. Человек-эпоха, человек-стиль, который был способен рассказать о себе много больше, чем его кто-нибудь смел спросить.

Дядюшка Матэ улыбается

Камера – глаз стервятника, неспешно парящего над зарослями чахлых кустов, грудами битого кирпича и недостроенными зданиями на окраине Мехико.

Остовы пятиэтажных зданий без лестниц, без стен… импровизированные жилища сквоттеров… этажи соединены приставными лестницами… лают собаки, кудахчут куры… когда камера проплывает мимо, мальчишка на крыше делает непристойные жесты, как будто дрочит.

Приближаясь к земле мы видим тень от наших крыльев… подвалы заросли колючими сорняками, ржавые прутья торчат из растрескавшегося бетона стальными растениями, битые бутылки сверкают на солнце… комиксы цвета дерьма… индейский мальчик сидит у стены, подтянув к груди коленки, и ест апельсин, припорошенный красным перцем.

Камера поднимается, наплывает на многоквартирный дом

красного кирпича, облепленный балконами, на которых пестрые – пурпурные, желтые, розовые – рубашки сутенеров полощутся, точно знамена средневековой крепости. На балконах мы мельком видим цветочные горшки, собак, кошек, кур, козу на привязи, обезьяну, игуану. Vecinos[1] перегибаются через перила, обмениваясь сплетнями, передавая растительное масло, керосин и сахар. Взаимозаменяемые статисты разыгрывают набивший оскомину фольклорный сюжет.

Камера поднимается к верхним этажам здания, на фоне неба – силуэты двух балконов. Балконы расположены не точно один над другим, верхний чуть уже. Здесь камера останавливается… СНЯТО.

Яркое ветреное утро, в небе полумесяц цвета голубого фарфора. Maricon[2] Хоселито, сын Тетушки Долорес, прислонил зеркало к бочке для дождевой воды и на утреннем ветру сбривает длинные шелковистые волосы на груди, напевая:

– NO PEGAN A MIO (НЕ БЕЙТЕ МЕНЯ)!

От этих невыносимых звуков звенят ложки на блюдцах и вибрируют оконные стекла. Vecinos недовольно ворчат.

– Es el puto qie canta[3].

– Сын Тетушки Долорес.

Какая-то тетка крестится. Молодой человек расстроенно скатывается с жены.

– No puedo con eso puto cantando[4].

– Это же сын Долорес. А у нее дурной глаз.

Лицо Хоселито, поющего NO PEGAN A MIO, проецируется на стену в каждой комнате. В кадре – старый паралитик, и в нескольких дюймах от его лица изо рта Хоселито вырывается рев: NO PEGAN A MIO.

– Не забывай, он же сын Тетушки Долорес.

– И один из «котяток» Лолы.

Старая Тетушка Долорес держит уличный киоск, торгует газетами и табаком. Сыночка ей явно заделал кто-то из клиентов.

На верхнем балконе – Эсперанса, она недавно пришла с гор, поскольку мужа и всех ее братьев посадили в тюрьму за выращивание опиумного мака. Это могучая баба с ручищами, как у борца, вечно скалит выпирающие зубы. Вот она перегибается через перила балкона:

– Puto grosero, tus chingoa de pelos nos soplan en la cocina![5]

В кадре волосы падают в суп и посыпают омлет, как молотые специи.

Словечко «ебаные» задевает Хоселито. Он резко поворачивается, нечаянно порезав грудь. Мучимый горем, он зажимает рану – точь-в-точь умирающий святой на картине Эль

Греко. Потом ахает:

– Mamacita![6]

И опускается, капая кровью на красные плитки балкона.

На его стон из своего логова под лестницей, из крысиного гнезда из старых газет и журналов вылезает Тетушка Долорес. Ее «дурной глаз» прибывает и убывает в соответствии с движением планет, и каждую ночь она по много часов проводит за расчетами, устроившись в своем «гнезде», пыхтит и чирикает, и корябает заметки в блокнотах, громоздящихся у кровати вперемешку с журналами по астрологии… «Завтра мое полуденное око войдет в полную силу…» Таблица ее «силы» так выверена, что она всегда должна иметь точные день, час, минуту и секунду, чтобы наверняка знать, какой глаз в асценденте, и для того таскает с собой на ремешках и цепочках уйму будильников, наручных и солнечных часов. Она умеет заставить оба своих глаза выделывать разные штуки: например, вращать одним глазом по часовой стрелке, а другим – против или вывалить одно глазное яблоко на щеку в сеточке воспаленно-красных вен, а другое упрятать в загадочную серую щель. Недавно она вывесила расписание для «ojo dulces»[7] и приобрела некоторую известность как целительница, хотя Дядюшка Матэ говорит, что предпочтет десяток ее «дурных глаз» одному «ласковому». Но он – ожесточившийся старик, живущий прошлым.

Тетушка Долорес – скорее грозная боевая машина, чем орудийная башня, и полагается на рассчитанное до доли секунды время и отражательное зеркало своего киоска, – она не создана для случайных стычек.

На наших подмостках появляется американский турист. Он считает себя хорошим парнем, но, когда смотрится в зеркало, брея этого самого хорошего парня, вынужден признать, мол, «чего уж, люди на меня не похожи, и я не слишком-то их жалую». От этого он испытывает чувство вины перед окружающими. Тетушка Долорес плотнее стягивает вокруг себя свою злобную ауру и взирает на него с каменным неодобрением.

– Buenos dias senorita.

– Desea algo?

– Si… Tribune… Tribune Americano…[8]

Поджав губы, она без единого слова складывает газету и протягивает туристу. Стараясь не обращать внимания на то, что выделывает глазами старуха, хороший парень нашаривает мелочь. Внезапно его рука выскальзывает из кармана, монеты рассыпаются по мостовой. Он нагибается их подобрать. Ребенок протягивает ему монетку.

– Gracias… Gracias.

Ребенок смотрит на него с холодной ненавистью, а он все стоит, держа монеты в руке.

– Es cuanto?

– Setenta centavos[9].

Он протягивает старухе песо. Она бросает монету в ящик и швыряет ему сдачу.

– Gracias… Gracias…

Тетушка Долорес смотрит на него ледяным взглядом. Турист неуверенно бредет прочь. Отойдя на полквартала, он выкрикивает:

– УБЬЮ СТАРУЮ СУКУ!

Он делает несколько боксерских выпадов, складывает из пальцев пистолет. Прохожие пялятся на него, дети орут ему вслед:

– Сукин сын! ‘мериканец! Псих!

Двигаясь рывками, подходит полицейский.

– Senor oiga…[10]

– СТАРАЯ СУКА… СТАРАЯ СУКА…

Перед глазами у туриста красное марево, он неистово размахивает руками, на рубашке запекшаяся кровь.

Появляется беременная женщина. Просит испанское издание «Лайф». Глаза Долорес изучают живот женщины, потом стекленеют и закатываются.

– Nacido muerto[11], – шепчет Дядюшка Пепе, бочком подобравшийся к женщине.

В дни «доброго глаза» Тетушка Долорес превращает свой киоск в цветочный ларек и лучится радостью, как самая добрая цветочница на свете.

На сцене появляется американский турист, лицо забинтовано, рука на перевязи.

– А! Американский кабальеро желает «Трибьюн»! Сегодня я продаю цветы, но газету для вас приберегла.

Вокруг глаз у нее собираются морщинки, улыбка наполняет лицо мягким светом.

– Aqui senor, muchas gracias[12].

От газеты слабо пахнет розами. Монеты сами собой оказываются в руке у туриста. Отсчитав сдачу, она вкладывает монетку ему в ладонь, смыкает над ней пальцы.

– Она принесет вам удачу, сеньор.

Турист идет своей дорогой, улыбаясь ребятишкам, а те улыбаются в ответ… «Думаю, ради такого мы сюда и приезжаем… эти дети… эта старая цветочница…»

Появляется женщина, родившая мертвого сына. Она пришла купить цветок на его могилу. Тетушка Долорес печально качает

головой.

– Pobrecito[13].

Женщина протягивает монетку. Тетушка Долорес вздымает руки.

– No senora… es de mio…[14]

Однако ее расписание требует постоянной смены декораций, аксессуаров и характера. «Мой добрый глаз слабеет с луной»… В тот день турист добирается до гостиницы чуть живой, потому что мерзкий уличный мальчишка бежал за ним от самого киоска и кричал:

– Сукин сын, puto, пидор, я подцепил триппер из твоей ебаной жопы!

Иногда в одной половине ларька Тетушки Долорес – газетный киоск, а в другой – цветочный, а сама она сидит посредине, чтобы газетный глаз оказался на одной половине, а цветочный – на другой. Переходить с «доброго» на «дурной» она умеет по двадцать четыре раза в секунду, даже глазные яблоки у нее скачут из глазницы в глазницу.

Окрыленная прошлыми победами, Тетушка Долорес выходит на балкон, переваливаясь, как старая жирная птица.

– Pobrecito…

Она гладит Хоселито по голове, стягивая вокруг себя силу.

– Скажи своему пидору-сынку, чтобы брился в доме!

Украдкой глянув на три пары часов, Тетушка Долорес оборачивается к этой неотесанной крестьянке, посмевшей бросить вызов ее грозному сглазу.

– Vieja loca, que haces con tu ojos? – ухмыляется Эсперанса. – Tu te pondras ciego como eso[15].

Выдохнув два слова: «ДЯДЮШКА ПЕПЕ», Долорес оседает на пол подле своего поверженного сынка. А Дядюшка Пепе выскакивает, подвязывая спереди штаны куском измочаленной серой веревки. Его вид – пародия на добродушие, но его душу раздирают бурные ветра ненависти и невезения. Читая газеты, он тщательно смакует несчастные случаи, катастрофы и преступления, – он полагает, что это он насылает их своими «sugestiones»[16]. Его «магия» заключается в нашептывании многозначительных обрывков фраз из газетных заметок: «никто не спасся…», «обречен на смерть…», «пожар неизвестного происхождения…», «обугленные трупы…» Такое он проделывает в толпе, где люди невнимательны, или – еще лучше, гораздо лучше – прямо в ухо кому-нибудь, кто уснул или отрубился спьяну. Если никого нет поблизости и он уверен, что не потеряет с ноги вьетнамку, он усиливает свои sugestiones, врезав жертве по яйцам, вдавив костяшками пальцев глаз или хлопнув ладонями по ушам.

Вот мужчина спит на скамейке в парке. Приближается Дядюшка Пепе. Садится рядом и открывает газету. Наклоняется и читает бедолаге на ухо хриплым назойливым шепотом:

– No hay supervivientes[17].

Мужчина беспокойно шевелится.

– Muerto en el acto[18].

Мужчина трясет головой и открывает глаза, подозрительно смотрит на Дядюшку Пепе, который обеими руками держит газету. Потом встает и охлопывает карманы. Потом уходит.

А вот парень спит в скверике. Дядюшка Пепе роняет монету возле его головы. Нагнувшись подобрать ее, он шепчет:

– …un joven muerto[19].

Иногда vecinos отгоняют его от спящего, и он ковыляет прочь, словно старый стервятник, скаля желтые зубы в отчаявшейся ухмылке.

Вот он заметил следы пьяной блевотины, а вот и сам пьянчуга – стоит, привалившись к стене, на штанах – потеки мочи. Нагнувшись, будто хочет помочь ему подняться, Дядюшка Пепе шепчет то в одно, то в другое ухо:

– Accidente horrible[20]…

Потом выпрямляется и визжит высоким фальцетом:

– EMASCULADO! EMASCULADO! EMASCULADO![21] – и трижды легонько пинает бедолагу в пах.

Он видит пьяную старуху, спящую на куче тряпья, и ладонью хлопает ее по рту и носу, нашептывая:

– Vieja borracha asfixiado[22].

Вот другой пьяница заснул в опасной близости от костра. Дядюшка Пепе тычет тлеющим окурком в безвольную ладонь и, присев на корточки, вкрадчиво шепчет:

– Cuerpo carbonizado… cuerpo carbonizado… cuerpo carbonizado… cuerpo carbonizado…[23]

Он запрокидывает голову и заклинает сухие кусты, колючие сорняки и ветер:

– …Cuerpo carbonizado… cuerpo carbonizado…

На Эсперансу он сейчас смотрит с мерзкой улыбкой.

– Ага, наша деревенская сестренка рано встает. – А сам тем временем напевает себе под нос: – Resbalando sobre tin pedazo de jabon se precipito de un balcon[24].

Описав огромными ручищами пренебрежительную дугу, Эсперанса плюхает на перила балкона половую тряпку, забрызгивая Дядюшку Пепе, Долорес и Хоселито грязной водой. Ухмыльнувшись через плечо, она уходит внутрь. Побежденная команда на нижнем балконе зализывает раны и планирует месть.

– Если бы только заманить ее к моему киоску в двадцать три

минуты десятого в следующий вторник…

– Если бы я застал ее borracho[25]…

– А я прикажу ее пристрелить! Скажу pistoleros[26]…

Так похваляться Хоселито позволяют его диковинные отношения с Лолой Ла Чата. Лола Ла Чата – это трехсотфутовый валун той же горной породы, что Эсперанса. Она продает героин сутенерам, ворам и шлюхам и денежки хранит между гигантскими сиськами. С Лолой Хоселито свел один его дружок-джанки. Хоселито отплясывал фламенко, вереща, как павлин. Лола рассмеялась и взяла его в свои «котятки». На торжественной церемонии он сосал ее багровую грудь, горькую от героина. Бывало, Лола обслуживала клиентов, а двое «котяток» сосали ее груди.

Когда Эсперанса поворачивается уходить внутрь, на балкон выскакивают шестеро сутенерского вида молодчиков, воняющих бриолином, и, перегнувшись через перила, орут оскорбления по адресу Хоселито.

Это вызывает подкрепление на пошатнувшийся нижний балкон. В сопровождении подростка Эль Моно на балкон выползает Дядюшка Матэ. Дядюшка Матэ – старый наемный убийца, на пушке у него – двенадцать зарубок-«оленей». Это худой, похожий на привидение старик, и глаза у него – цвета линялой серой фланелевой рубашки. Он ходит в черном костюме и в черном «стетсоне». Под пиджаком на тощем бедре у него одинарного действия «смит-и-вессон» сорок четвертого калибра с семидюймовым стволом. Дядюшка Матэ хочет перед смертью нанести на рукоять еще одного «оленя».

Словечко «олень» (un venado) пришло из предгорий северной Мексики, где тело обычно доставляют в полицейский участок, взвалив на лошадь, словно тушу оленя.

Перед нами молодой окружной прокурор, только что из столицы, и Дядюшка Матэ заглянул преподать ему урок фольклора.

Дядюшка Матэ (скручивая сигарету):

– Я собираюсь послать вам оленя, senor abogado[27].

О. П. (думая про себя: «Что ж, очень мило с его стороны»):

– Большое спасибо, это, надеюсь, не доставит вам хлопот…

Дядюшка Матэ (прикуривая и выпуская дым):

– Совсем никаких, senor abogado. Всегда пожалуйста.

Дядюшка Матэ сдувает дымок с дула сорокачетвертого и улыбается.

Привозят человека переброшенного через седло. Лошадь ведет в поводу индеец-коп с непроницаемым лицом. Окружной прокурор выходит на крыльцо.

Коп (указывая кивком головы):

…un venado.

Дядюшка Матэ был любимым pistolero в семье богатых помещиков в северной Мексике. Семью разорили экспроприации, когда на президентских выборах она поддержала не того кандидата, и дядюшка Матэ перебрался к родственникам в столицу. Его комната похожа на аскетичную белую келью: койка, сундук, небольшой фанерный чемодан, в котором он хранит свои карты, секстант и компас. Каждую ночь он чистит и смазывает свой «сорокчетвертый». Это отличный, изготовленный на заказ револьвер, подарок от patron[28] за то, что убил «моего непутевого брата-генерала». Револьвер никелированный, и на стволе и барабане выгравированы сцены охоты. На рукояти из белого фарфора – две голубые оленьи головы. Заняться Дядюшке Матэ нечем – только смазывать пушку и ждать. Оружие поблескивает в его глазах далеким каменным спокойствием. Дядюшка Матэ часами сидит на балконе, разложив на зеленом ломберном столике карты и инструменты. Двигаются одни глаза, когда он следит за стервятниками в небе. Иногда он чертит линию на карте или записывает цифры в вахтенный журнал. Каждый год на День независимости vecinos собираются посмотреть, как дядюшка Матэ из своего «сорокчетвертого» снимает летящего в небе стервятника. Дядюшка Матэ сверяется с картами и выбирает себе птицу. Его голова едва заметно поворачивается то в одну, то в другую сторону, взгляд устремлен на далекую мишень, он прицеливается и стреляет: за грифом тянется с неба шлейф черных перьев. Расчеты дядюшки Матэ так точны, что одно перо плавно опускается на балкон. Это перо приносит дядюшке Матэ его Пероносец Эль Моно. Дядюшка Матэ втыкает перо за ленту шляпы. За его лентой пятнадцать черных лет.

Эль Моно вот уже пять лет пероносец Дядюшки Матэ. Он часами сидит с ним на балконе, пока их лица не сплавляются в одно. У Эль Моно свои маленькие карты и свой компас. Он учится, как подстрелить стервятника в небе. Худой гибкий паренек тринадцати лет, он лазает по стенам здания, шпионя за vecinos. Он носит маленькую голубую шапочку-кифу, а когда ее снимает, vecinos спешат бросить в нее монету. Иначе он начнет изображать, как один вдруг не смог с женой, у другого случился запор, третий лизал пизду – да с такой достоверностью, что любой может догадаться, о ком речь.

Эль Моно выхватывает взглядом сутенера. Он делает движение кулаком, точно смазывает свечу. Потеряв дар речи, сутенер облизывает губы, в глазах – дикий ужас. А потом Эль Моно изображает, как сует себе в зад свечу и вытаскивает, сует и

вытаскивает, оскалив зубы, вращая глазами, и выдыхает судорожно:

– Sangre de Cristo…[29]

Сутенеру засадили при всем честном народе.

Вскочив на ноги, Хоселито отплясывает победное фанданго. Благоговея перед Дядюшкой Матэ и страшась быть изобличенными в импотенции, натужных запорах или лизании пизды, сутенеры в смятении отползают.

На верхний балкон заступают Дядюшка Пако со своим товарищем по оружию, аптекарем Фернандесом. Дядюшка Пако сорок лет служил официантом. Он очень гордый, совсем нищий и презирает чаевые, единственный его интерес – в игре. Он приносит то, чего не заказывали, а винит клиента. Он размахивает засаленным полотенцем, отпихивает чаевые со словами: «Нам зарплату платят». Он кричит клиенту вслед: «Le service n'est-ce pas compris!»[30] Он учился у Пульмана Джорджа и овладел искусством подавать через весь зал – обжигающий кофе на мирные американские колени. И горе официанту, который перейдет ему дорогу, – поднос взлетит в воздух. Богатые, хорошо одетые клиенты уворачиваются от чашек и стаканов, разбиваемой об пол бутылки бренди «Фундадор».

Аптекарь Фернандес ненавидит подростков, поп-звезд, битников, туристов, гомиков, уголовников, бродяг, шлюх и наркоманов. Дядюшка Пако тоже их ненавидит. Фернандес любит полицейских, священников, офицеров, богатых людей с хорошей репутацией. Дядюшка Пако тоже их любит. Таких Дядюшка Пако обслуживает быстро и хорошо. Но их репутация должна быть безупречна. Газетный скандал может обернуться очень долгим ожиданием лимонада. Клиент теряет терпение, делает гневный жест. Сифон с содовой летит на пол. Больше всего эти двое любят унижать представителей ненавистных классов и стучать в полицию.

Вот Фернандес швыряет на прилавок рецепт на морфий.

– No prestamos servicio a los viciosos[31].

Вот Дядюшка Пако игнорирует поп-звезду и его гражданскую жену, пока брошенная холодно, кислая фраза не просочится им в самую душу:

– Такие, как вы, тут без надобности.

Фернандес комкает рецепт. Он полный мужчина под сорок. За темными очками желтизна глаз выдает больную печень. В телефоне его низкий назойливый голос:

– Receta narcotica falsificado[32]. – Потом он поворачивается к клиенту: – Ваш заказ будет готов через минуту, senor.

Вот Дядюшка Пако останавливается протереть стол и шепчет:

– Марихуана в чемоданчике… стол возле двери…

Коп похлопывает его по плечу.

Ни Дядюшка Пако, ни Фернандес не примут вознаграждения за услуги добрым друзьям из полиции.

Когда пять лет назад они поселились на верхнем этаже, Дядюшка Матэ как-то встретил их в вестибюле.

– Полицейские прихвостни, – холодно и безапелляционно обронил он.

Больше ему случая взглянуть на них не представилось. Любой, кто не по нраву Дядюшке Матэ, вскоре понимает, что лучше не попадаться ему на пути. Аптекарь Фернандес подходит к перилам, и рядом с ним вдруг появляется его жена. Глаза у нее желтые, а зубы – золотые. Потом выходит их дочь. У нее усики над верхней губой и волосатые ноги. Все трио – как на семейном портрете. Фернандес смотрит вниз.

– Criminales. Maricones. Vagabundos[33]. Я заявлю на вас в полицию.

Дядюшка Пепе выплевывает ответ, вкладывает всю свою горькую старческую горечь в сгусток кислой безрадостной ненависти. Хоселито перестает отплясывать и поникает, как увядший цветок. Дядюшка Пепе и Долорес – демоны меньшего калибра. Они съеживаются и отступают, вороватые и пугливые, точно крысы на рассвете. Дядюшка Матэ смотрит куда-то за плечо старого официанта, отслеживая грифов в небе. Эль Моно стоит с холодным пустым лицом. Он не может передразнивать Фернандеса и Дядюшку Пако.

На нижний балкон выползает, опирая огромный вес на две палки, Тетушка Мария, ушедшая на покой Толстая Женщина из бродячего цирка. Тетушка Мария днями напролет ест конфеты, читает любовные романы и гадает по липким, испачканным в шоколаде картам. От нее исходит тяжелый сладкий дух. Печальный и неумолимый, он изливается из нее, словно пена из теплой пивной бутылки. Vecinos боятся этой сладости, которую с фатализмом относят к разряду стихийных бедствий вроде землетрясения и извержения вулканов. Они называют его «Сахар Марии». В один прекрасный день она может распоясаться и весь город превратить в торт.

Тетушка Мария смотрит вверх на Фернандеса, и ее печальные карие глаза бомбардируют его шоколадками. Дядюшка Пако отчаянно пытается обойти ее с фланга, но она выстреливает в него из сосков засахаренными вишнями и посылает вслед струю розовой глазури. Дядюшка Пако превращается в фигурку на свадебном торте, сделанном из конфет. Она съест его попозже.

Зато на верхний балкон выкатывает свою огромную тушу

Дядюшка Гордо, слепой продавец лотерейных билетов, инвалидное кресло на колесах – его колесница, его Цербер – рявкающий черный пес. Пес обнюхивает каждую монету, которую принимает Дядюшка Гордо. Рваная банкнота вызывает угрожающее рычание, а за фальшивку пес вцепится в руку покупателя мощными челюстями, упрется всеми лапами в землю и будет держать, пока не приедет полиция. Пес кладет лапы на перила, лает, рявкает, вздыбливает шерсть, глаза у него светятся фосфорным огнем. Тетушка Мария охает, весь сахар у нее тотчас исчезает. Она панически боится «бешеных собак», как она их называет. А пес как будто готов спрыгнуть на нижний балкон. Дядюшка Матэ высчитывает траекторию, по которой полетит его тело. Он пристрелит пса в воздухе. Дядюшка Пепе запрокидывает голову и воет:

– Perro attropellado para camion[34].

Пес волочет раздробленный крестец и задние ноги по пыльной полуденной улице. Повизгивая, подползает к Дядюшке Гордо.

Агент Гонсалес просыпается, бормоча «Ебаный в рот», мозг ему выжигает вчерашний мескаль. Застегивая полицейский китель и прицепляя служебную пушку, он грубо проталкивается к перилам на верхнем балконе. Гонсалес – сломленный, опозоренный человек. Все vecinos знают, что он очень боится дядюшки Матэ и переходит на другую сторону улицы, лишь бы не встретиться с ним. Эль Моно не раз его изображал.

Гонсалес смотрит вниз, а там поджидает Дядюшка Матэ. Волосы встают дыбом на голове у Гонсалеса.

– ЕБАНЫЙ В РОТ!

Он выхватывает ствол и дважды стреляет. Пули свистят над головой Дядюшки Матэ. Дядюшка Матэ улыбается. Одним ловким движением он прицеливается и спускает курок. Тяжелая пуля влетает Гонсалесу в раскрытый рот, пробивает нёбо и вырывает большой клок вздыбленных волос на затылке. Гонсалес повисает на перилах балкона. Волосы полощутся на ветру. Балконные перила начинают раскачиваться – точь-в-точь спина лошади на небыстрой рыси. Его пушка падает на нижний балкон и стреляет.

Выстрел разбивает камеру. Застывший кадр двух балконов под углом в сорок пять градусов. Висящее на перилах тело Гонсалеса скользит вперед, инвалидное кресло Дядюшки Гордо съехало и перевалило за край, пес съезжает вниз на расставленных лапах, vecinos силятся вскарабкаться наверх и соскальзывают вниз.

– ДАЙТЕ МНЕ ШЕСТНАДЦАТЬ.

Кинооператор бешено снимает… Сутенеры орут, оскалив

зубы и выкатив глаза, Эсперанса ухмыляется мексиканской земле, толстая циркачка обрушивается как бомба, взметаются розовые юбки, Тетушка Долорес летит вниз, глаза моргают то ласково, то зло, как у куклы, пес несется по светящемуся пустому небу.

Камера ныряет, разворачивается и скользит, прослеживая стервятников, которые по спирали уходят все выше.

Последний кадр: на фоне ледяной черноты космоса призрачные лица Дядюшки Матэ и Эль Моно. Тусклые дрожащие далекие звезды припорашивают их скулы серебристым пеплом. Дядюшка Матэ улыбается.

Шеф улыбается

Марракеш, 1976 год… Арабский дом в Медине, на кухне очаровательная, курящая гашиш старуха Фатима пьет чай с пушером. Посреди фильма обнаруживаю, что я один из актеров. Шеф пригласил меня в свой дом на обед.

– Часам к восьми, Роджерс.

Он принимает меня в патио, где перемешивает зеленый салат. Возле жаровни-барбекю разложены толстые стейки.

– Налей себе, Роджерс, – указывает он на тележку с бутылками. – Если хочешь, киф тоже, разумеется, есть.

Я смешиваю себе шорт-дринк, а от гашиша отказываюсь:

– У меня от него голова болит.

Я видел, как Шеф курит киф со своими арабскими осведомителями, но это не значит, что мне тоже позволено. К тому же у меня действительно от него голова болит.

Шеф выдает себя за старого эксцентричного французского comte[35], который переводит Коран на провансальский язык, и иногда, увлекшись ролью, вгоняет своих гостей в кататонию от скуки. Видите ли, он взаправду знает провансальский и арабский. Для настоящей работы под прикрытием, как у него, приходится учиться годами. Сегодня Шеф не ломает комедию, к тому же в благодушно болтливом настроении. «Будь начеку, Роджерс», – говорю я себе, прихлебывая сильно разбавленный скотч.

– «Думается, ты как раз подойдешь для крайне важного и, позволь добавить, крайне опасного задания, Роджерс». Ты бы купился на такой дерьмовый заход?

– Что ж, он производит впечатление, сэр, – говорю я осторожно.

– Он дешевый позер, – отрезает Шеф.

Он садится и одной рукой набивает трубку кифом. Выкуривает и выбивает пепел, рассеянно погладив газель,

которая трется головой о его колено.

– «Нужно опередить красных, не то детишкам придется учить китайский». Что за пустобрех!

Я стараюсь сделать каменное лицо.

– Ты хоть представляешь себе, чем мы тут занимаемся, Роджерс?

– Нет, сэр.

– Я так и думал. Никогда не говори людям, чего от них хочешь, пока не взял их за жабры. Я тебе одну документалку покажу.

Двое слуг-арабов вносят и устанавливают в десяти футах перед нами шестифутовый экран. Шеф встает включить и настроить аппаратуру.

Джунгли, взятые сквозь призму фасеточного глаза, смотрящего сразу во всех направлениях… крупным планом зеленая змея с золотыми глазами… телескопический объектив выхватывает обезьянку, пойманную орлом меж двумя огромными деревьями. Верещащая обезьянка уносится в когтях. Я ощущаю за камерой пытливый инсектоидный разум, впереди – пирамиды, хижины и поля. Крестьяне сеют кукурузу под присмотром надсмотрщика со стеком, в высоком головном уборе. Крупный план лица одного крестьянина. В нем нет ничего из того, что делает человека человеком, ни единого следа чувств или души. Не осталось ничего, кроме телесных нужд и телесных удовольствий. Я видел такие лица в закрытых отделениях государственных больниц для умалишенных. Те люди живут, чтобы жрать, срать и мастурбировать. Удовлетворенная увиденным, камера смещается назад, средний план – мерные движения группы крестьян. Они совершают телодвижения, предусмотренные трехмерным фильмом о функционировании плантации, на лицах серый налет. Время от времени надсмотрщик взглядом подгоняет усталых и нерадивых.

В следующем кадре – помещение в храме, залитое подводным светом. Старый жрец, голый, с дряблыми обвисшими сосками и атрофированными яйцами, сидит по-турецки на прибитом к полу стульчаке. Стульчак обит человеческой кожей, на которой вытатуирована серия рисунков: мужчина превращается в гигантскую сколопендру. Сколопендра поедает его ноги изнутри, из орущей плоти прорываются когти. На следующем рисунке сороконожка пожирает орущий рот.

– Преступникам и пленникам, приговоренным к смерти от сколопендры, накалывают такие рисунки по всему телу. Затем оставляют на три дня, чтобы наколки нагноились. После их выводят, дают им мощный афродизиак, сдирают кожу в момент

оргазма и привязывают к сегментам гигантской медной сколопендры. С непристойными любовными речами сколопендру выкладывают на добела раскаленные угли. Собираются жрецы в костюмах крабов и золотыми крюками-когтями выбирают мясо из панциря.

Старый жрец смотрится живым придатком экзотического компьютера. Из нагноившихся розеток в его позвоночнике изящным веером расходятся во все стороны тонкие медные провода. Камера прослеживает провода. Вот в маленькой медной клетке самка скорпиона пожирает самца. Вот поднимается над полом голова пленника. Красные муравьи соорудили себе в ней муравейник, входом в который служат пустые глазницы. Они объели его губы вокруг кляпа. От приглушенного крика без языка, вырванного через продырявленное нёбо, на пол сыплются окровавленные муравьи. В нефритовых аквариумах прямые кишки и гениталии пересажены с человеческих тел на иную плоть… предстательная железа радужно переливается в теле розового моллюска… две прозрачные белые саламандры корчатся в медленной содомии, золотистые глаза отражают загадочную похоть… электрические угри-лесбиянки извиваются на илистом дне, с хрустом сцепляя влагалища… возбужденные соски прорастают из луковичного растения.

– Им известен афродизиак настолько мощный, что тело разрывается на подрагивающие куски. Миловидным юношам и девушкам уготована Сладкая Смерть. У этого удивительно древнего народа был богатый фольклор. Я на этот товарец вышел через одного мексиканского мальчишку, чистильщика обуви… Эй, Кики! Выйди и покажи мистеру Роджерсу, какой ты милашка…

Кики стоит в дверном проеме, улыбаясь, как робкий зверек.

– Так вот, этот мальчик – хорошенький, правда? – лучший медиум глубокого транса, с кем я имел дело. Через него я сумел телепортироваться к майя и сделать там снимки. Штучка получилась такая жареная, что в донесениях пришлось все затушевать. Я доложил лишь, что выглядит она как чудненькое ОБП. Это кодовое обозначение Оружия Безграничного Потенциала… Вот смотрите внимательно, жрец как раз раскочегаривается.

Старый жрец раскачается взад-вперед. Провода на его хребте вздымаются, глаза загораются. Его губы раздвигаются, и из них гудением извергается сухая инсектоидная музыка.

– Это называется пение картинками. Работает по принципу переменного тока. Старый хрен может чередовать боль и удовольствие на субвокальном, а может быть, даже на

молекулярном уровне двадцать четыре раза в секунду, загоняя туземцев еще на стадии пробоотбора в заранее заготовленные шаблоны, зафиксированные в священных книгах. Некоторые певцы способны вырабатывать постоянный ток, но их вызывают только в экстренных случаях. Системный контроллер машины храма, которую вы только что видели, сломался. Это случилось внезапно, и на свет появилось целое поколение, не ощущавшее ни боли, ни удовольствия. Не было солдат, которые доставляли бы пленников из других племен, потому что солдаты представляли бы опасность для контролирующей машины. По части картинок боли и удовольствия там довольствовались исключительно местными преступниками. В крайнем случае призывали Несравненного Желтого Змея.

Змея вносят на янтарном троне, голубые глаза, кожа – как желтый пергамент, в верхнюю челюсть вживлены два длинных клыка. Когда сквозь него пропускают ток, он начинает раскачиваться, взад-вперед, взад-вперед. Он переходит с переменного тока на постоянный. С губ, обнаживших желтые клыки, срывается высокий вой, манящее пение Сирены.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Картинки выстреливают из его глаз, разя без разбора крестьян и жрецов, оставляя по себе тлеющие обломки.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Вой сирен вздымается и затихает над пустыми городами.

– Мало у кого хватит опыта, чтобы практиковать эти тайные ритуалы древних майя. Кто знает, когда появится еще один певец, подобный Старому Желтому Змею?

– Теперь в техническом департаменте считают, что мы все психи, а наш образ жизни омерзителен. «Нам что-нибудь рабочее подавайте, – заявляют они, – факты, цифры, сотрудников. Пустите в ход этого шуткаря по кличке СМЕРТЬ. Избавьтесь от Мао и его банды головорезов». Мне выпала привилегия, так сказать, помочь в организации последней радиопередачи Желтого Змея из Вашингтона, округ Колумбия.

Помещение в Пентагоне. Генералы, типы из ЦРУ и Госдепартамента, нервничают из-за сверхсекретной жареной штуковины, открыт канал спецсвязи с комитетом начальников штабов и верховным командованием НАТО. Четверо морпехов вносят Желтого Змея. Он начинает раскачиваться взад-вперед. Он вдыхает детское гульканье и выдыхает предсмертный хрип. Он всасывает пшеничные поля и выплевывает сгустки пыли.

– Он просто раскочегаривается, – объясняет человек из ЦРУ пятизвездному генералу.

Сияя, как комета, Старый Змей переключается на постоянный

ток.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Картинки с треском выстреливают из его глаз.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

Вихрь выносит стену, и с восемнадцатого этажа на мостовую валится вопящее начальство.

СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!

А теперь Змей замахивается своим бичом в небо.

Некогда здесь жили тупые вульгарные придурки, которые думали, будто могут нанять СМЕРТЬ как вневедомственную охрану…

Пустые улицы, старые газеты на ветру, шорох темноты и проводов.

В ночном небе над Сент-Луисом Бог Смерти майя отплясывает гопак, выстреливая звезды из глаз.

Шеф улыбается.

Старый Сержант улыбается

Зеленая Монахиня остановила злополучного путника перед входом в маленький монастырь из красного кирпича, стоящий среди дубов, зеленых лужаек и клумб.

– Ах, прошу, войдите и взгляните на мое отделение для душевнобольных. Вы сами увидите, сколько всего чудесного мы делаем для пациентов.

Она ведет его по посыпанной гравием дорожке к монастырской двери, по пути указывая на свои цветочки:

– Правда ведь, мне удались примулы?

Она открывает входную дверь тяжелым латунным ключом, висящим у нее на поясе. Они проходят длинный вестибюль и лестничный пролет, и следующим ключом она отпирает еще одну дверь. Она проводит Одри в холодную голую палату, на стене там карандашные рисунки. Взад-вперед там расхаживает монашка с длинной линейкой. Пациенты возятся с пластилином и мелками. Похоже на игровую комнату в детском саду, вот только некоторым детям перевалило за сорок. Дверь захлопывается, и голос Зеленой Монахини меняется:

– Пластилин и мелки вон там. Чтобы покинуть комнату ради чего бы то ни было, надо получить разрешение.

– Но послушайте…

Рядом с ней возникает пузатый охранник в жестяном шлеме и с широким кожаным ремнем. Охранник смотрит на Одри с холодной гадкой ненавистью и говорит:

– Он хочет Боба и его адвокатов.

В шесть приносят безвкусный обед из холодных макарон, к которому Одри не притрагивается. После обеда на дежурство заступает ночная медсестра. Пациенты раскладывают койки, и игровая комната превращается в дортуар.

– Кто-нибудь хочет на горшок, пока не выключили свет?

Сестра бренчит ключами. Туалетные кабины в углу дортуара. Дежурная сестра отпирает дверцы и стоит в проеме, холодно наблюдая.

– Не пытайся снова играть со своей грязной штучкой, Колдклиф, а не то получишь шесть часов на кухне.

Всю ночь напролет в дортуаре горит тусклая лампадка. Пациенты спят, лежа на спине под тонкими одеялами. За эрекцию ночная сестра больно бьет линейкой.

И так проходили годы. Иногда в знак поощрения устраивали прогулки по саду – в сопровождении Боба, который держал на поводке трех злобных немецких овчарок. В саду пациенты могли посмотреть, как самка богомола пожирает самца. Ежедневные исповеди, принимаемые Зеленой Монахиней на детекторе лжи, который чувствительно ударял током в чувствительные места, пока Зеленая Монахиня нараспев повторяла:

– Не произноси лжесвидетельства на ближнего твоего.

Исповеди она записывала зелеными чернилами в учетные книги, заведенные на каждого пациента в отдельности. Однажды после особенно мерзостной исповеди она воспарила до потолка на глазах у пораженной юной монашки. Каждую ночь она облачалась в костюм Христа со светящимся нимбом и посещала келью какой-нибудь юной монахини. Ей нравилось представлять себя монахиней из стихотворения Сары Тисдейл:

> Бесконечная нежность бесконечной иронии
> навеки сокрыта в ее смеженных очах.
> В одиночестве долгом на себе испытала,
> сколь тщетна мудрость даже для мудреца.

Она была закоренелым ипоходриком и основательно накачивалась лауданумом. И в результате страдала запорами, что призывало очередную пригожую молодую монахиню к высшему служению прямой кишке. За такой честью неизменно следовал ночной визит Христа с пристегнутым членом. В молодости Зеленая Монахиня подумывала, не приказать ли Бобу ограбить банк спермы. Тогда она могла бы объявить о непорочном зачатии.

Но она оставила честолюбивые помыслы. Работа в детском саду – важнее мирских соблазнов, фотографии на обложке журнала «Лайф».

Мало-помалу учишься не иметь ни единой мысли, которую стыдно было бы поведать Зеленой Монахине, и не делать ничего такого, что было бы стыдно сделать в ее присутствии. Рано или поздно вступаешь в «Клуб Г». Обращенным пациентам каждую ночь перед отбоем выдают четверть грана морфия, привилегия, которой лишают за любой проступок.

– Теперь ты ведь знаешь, что летать во сне НЕХОРОШО, правда? За это ляжешь спать без лекарства.

Дрожа от ломки в ледяной палате, весь следующий день нарушитель должен выглядеть радостным и счастливым, возясь с карандашами и пластилином. Одри научился рисовать Деву Марию и святую Терезу так, чтобы они безошибочно походили на Зеленую Монахиню. Из пластилина безопаснее всего лепить кресты. Вскоре после заключения он совершил ошибку, слепив обнаженную греческую статую. В тот день линейка сестры отхлестала его тонкое голубое запястье, и его заставили написать десять тысяч раз во многих местах «я – грязная маленькая тварь».

Головокружительное мельтешенье комнат и лиц, бормотанье множества голосов, запах человечьих ночей… Фоном – дома из красного кирпича, шиферные кровли, задние дворы и компостные ямы Сент-Луиса… В детстве у него была английская гувернантка с такими безупречными рекомендациями, что позже Одри заподозрил, что их изготовил какой-то наемный писака с Флит-стрит в убогой пивной возле Эрлс-корт.

«Повторяй почаще «лорды» да «лейди», – говаривала она, – ни в жисть не прогадаешь».

Приставив ухо к прижатой к стене хрустальной чернильнице из письменного прибора, он ловил шепотки из нижнего мира прислуги… Сутенерствующий шофер-шантажист… «Так просто вы от меня не отделаетесь, лорд Брамблти». Передозировка морфия в Кенсингтонском доме для престарелых… «Она сказала, миссис Чаррингтон спит и ее нельзя беспокоить».

Получив письмо из Англии, гувернантка внезапно уволилась.

После была старая ведьма-ирландка, учившая его заклинать жаб. Она умела, выйдя на задний двор, тихим пением выманить жабу из-под камня, и Одри тоже это освоил. У него завелась жаба-приживала, обитавшая под камнем у пруда с золотыми рыбками и появлявшаяся по его зову. А еще старуха научила его проклятию, которое вызывало из заплесневелого хлеба «слепящего червя».

Одри ходил в прогрессивную начальную школу, где учеников

поощряли выражать свое я, лепить из глины, чеканить медные совки для золы и мастерить каменные топоры.

Чуткий и умеющий вдохновить учитель пишет на доске школьную пьесу, а класс подсказывает идеи:

ДЕЙСТВИЕ 1

Сцена первая: Две женщины у водопоя.

1-я женщина: Я слыхала, прошлой ночью тигр сожрал ребенка Баст.

2-я женщина: Да. Нашли только его оловянного солдатика.

1-я женщина: Никому из нас небезопасно, пока тигр бродит поблизости. *(Нервно озирается по сторонам.)* Темнеет, Секстет, я иду домой.

Воистину величайшим занудой Сент-Луиса был полковник Гринфилд. Он вечно рассказывал застольные анекдоты, занимавшие по полчаса, а пока он говорил, никто, разумеется, и притронуться не смел к еде.

Одри смотрит на остывающую индейку, он почти готов наслать на полковника «слепящего червя».

– …А тем временем старый чернокожий еврей заявился в «Палас-отель» в Палм-Бич. И десять минут спустя ночной портье, только-только окончивший курсы отельеров в Техасе, никнет под буравящим холодным взглядом майора Брэди.

– Это ты заселил мистера Роджерса, урожденного Каика?

– Ну да, сэр, я. Он же забронировал.

– Ничего он не бронировал. Произошла ошибка, болван ты этакий. Ты что, черного еврея не распознаешь, когда увидишь?

А тем временем старый черный еврей позвонил в обслуживание номеров:

– Не могли бы вы прислать горничную с п’тенцем.

– Птенец, сэр? Вам нужен птенец? Или вы имеете в виду перец? Прошу прощенья, сэр, кухня закрыта. Ведь сейчас три часа утра.

– Мне плевать, закрыта кухня или нет. Мне плевать, какой сейчас час. Мне нужен п’тенец.

– Прошу прощения, сэр.

– Хочу поговорить с управляющим, п’жалуста… *(Попытки изобразить диалект становятся все глупее и утрированнее по мере того, как полковник горячится.)*

Ночной портье звонит на дом майору Брэди:

– Старый черный еврей из двадцать третьего ни с того ни с сего требует перца!

– Ладно. У нас первоклассный отель. Откройте кухню и дайте ему все, что он хочет… Скорее всего он привез с собой собственного карпа и хочет готовить рыбу-фиш.

И вот ночной портье звонит старому черному еврею:

– Все в порядке, сэр, какого сорта перец вам нужен? Красный? Белый? Черный?

– Не нужен мне перец. Мне не нужен красный перец. Мне не нужен белый перец. Мне не нужен черный перец. В моем номере нет п'те… полотенец!

Верблюд… игольное ушко… бревно в глазу…

Полковник сжег дотла Сент-Луис. Однажды, когда Одри неохотно пришел с запиской в дом полковника Гринфилда, то застал того за рассказыванием занудных анекдотов негру-дворецкому.

– Вот на старой гринфилдской плантации у нас были ниггеры домашние и ниггеры полевые, и полевые ниггеры никогда не входили в дом.

– Да, сэр. Полевые ниггеры никогда не входили в дом.

– Домашние ниггеры об этом сами заботились, верно, Джордж?

– Да, сэр. Домашние ниггеры об этом заботились, сэр.

– Так вот, куда бы я ни приехал, я первым делом достаю телефонную книгу и разыскиваю тех, кто носит фамилию Гринфилд. Их довольно мало, и все они очень достойные люди. Так вот, несколько лет назад в Буффало, штат Нью-Йорк, я выписал адрес Абрахама Л. Гринфилда и показал его черномазому таксисту. «Думаю, у вас неверный номер, босс». – «Адрес правильный, водитель». – «Я все же думаю, вы ошиблись номером, босс». – «Заткни свою черномазую пасть и езжай, куда сказано». – «Есть, босс. Приехали, босс. Ниггер-таун, босс». – «Так мы что, в Ниггер-тауне?» – «Да, сэр. В самом что ни на есть Ниггер-тауне, сэр». Тогда я вылезаю и стучу в дверь, и мне отрывает старый хрен со шляпой в руке.

– Да, сэр, со шляпой в руке, сэр.

– «Добрый вечер, масса, и да благословит вас Бог», – говорит он. – «Твоя фамилия Гринфилд?» – спрашиваю я. – «Точно так, босс. Абрахам Линкольн Гринфилд». И тут выясняется, что он был одним из наших старых домашних ниггеров.

– Да, сэр, одним из ваших старых домашних ниггеров, сэр.

– Он пригласил меня войти и предложил чашку кофе с домашним карамельным тортом. Ни разу не присел, просто стоял, кивал и улыбался… Вот это толковый черномазый.

– Да, сэр, толковый черномазый, сэр.

Одри был бледным худышкой с лицом в шрамах от гноящихся душевных ран.

– Он похож на пса-овцеубийцу, – обронил как-то один сент-луисский аристократ.

В Одри было что-то гнилое и нечистое, вонь ходячего мертвеца. Швейцары не пропускали его, когда он приходил в гости к богатым друзьям. Лавочники совали ему сдачу без тени «спасибо». Он проводил бессонные ночи, рыдая в подушку от бессильного гнева. Он читал приключенческие рассказы и воображал себя путешественником-джентльменом вроде «Майора»: пробковый шлем, хаки, «Уэбли» на поясе и верный слуга-зулус рядом. Тупенький печальный ребенок, живущий и дышащий старым бульварным чтивом. В шестнадцать лет его отправили в привилегированную школу, известную как Академия Пойндекстер, где он чувствовал себя эдаким сомнительным домашним ниггером. Однако его приглашали на большинство вечеринок, и миссис Кайндхарт была подчеркнуто с ним мила.

В начале учебного года в сентябре в академии появился новичок. Держался он отчужденно и загадочно, и никто не знал, откуда он. Ходили слухи насчет Парижа, Лондона, школы в Швейцарии. Звали его Джон Гамлин, и жил он у родственников в Портленд-плейс. Ездил он на великолепном «Дюзенберге». Одри, у которого был старый разбитый «Мун», пораженно рассматривал это произведение искусства: роскошную кожаную обивку, латунные накладки, плетенку на дверцах, громадную фару-прожектор с рукояткой, как у пистолета. Одри писал: «Ясно, что он проделал немалый путь, явился, покрытый пылью путешествий и пятнами неведомых земель. Запонки на манжетах из тусклого металла, словно поглощающего свет, рыжие волосы отливают золотом, большие зеленые глаза широко расставлены».

Новичок проникся симпатией к Одри, а приглашения сынков богатеев с изысканной ловкостью отклонил. Это не расположило к Одри важных птиц школы, и в результате школьный журнал холодно отверг его рассказы.

– Отдает патологией, – заявил ему редактор. – Нам нужны рассказы, после которых ложатся спать в хорошем настроении.

Дело было в пятницу, 23 октября 1929 года. Ясный голубой день, опадающие листья, полумесяц в небе. Одри Карсонс шел по Першинг-авеню… Simon, aime tu le bruit des pas sur les feuilles mortes?[36] Он вычитал фразу в одном памфлете из серии «Голубые книжицы» Хольдмана Юлиуса и собирался вставить фразу в рассказ, который как раз сочинял. Его герой, разумеется,

умеет говорить по-французски. На углу Першинг и Уолтон он остановился посмотреть на белку. Мертвый лист на секунду застыл в его взъерошенных русых волосах.

– Привет, Одри! Хочешь прокатиться? – Это был Джон Гамлин за рулем «Дюзенберга».

Гамлин открыл дверцу, не дожидаясь ответа. Он развернул машину и поехал на запад, свернул налево по Эвклид, потом вправо на Линделл… Бульвар Скинкер, выезд из города… Клейтон… Гамлин глянул на наручные часы:

– К ленчу можно добраться до Сент-Джозефа. Там есть отличный ресторан у реки, подают недурное вино.

Одри, разумеется, пришел в восторг. Мимо проносился осенний сельский пейзаж, впереди – прямая лента дороги.

– Сейчас покажу тебе, на что способна эта малышка.

Гамлин медленно вдавливает в пол педаль газа… 60… 70… 80… 85… 90… Одри подается вперед, рот приоткрыт, глаза сияют.

В Палаточном городке в разгаре конференция на высшем уровне высокопоставленные чиновники участвуют в КОНТРОЛЬНОЙ ИГРЕ. Конференцию созвал техасский миллиардер, который щедро финансирует «Моральное перевооружение»[37] и поддерживает уйму евангелистов. Конференция проходит за пределами Сент-Луиса в штате Миссури, ибо Зеленая Монахиня наотрез отказывается покинуть свой детский сад. Великосветские властительницы чаепитий сочли, что будет забавно разбить палаточный городок на манер армейского лагеря 1917 года. Участники конференции обсуждают Операцию Г. Б. (иначе говоря, «Гнев Божий»).

Элита после пары коктейлей обычно становится циничной. Молодой человек из новостного журнала обнаружил среди собравшихся симпатичного фулбрайтовского стипендиата[38], и теперь они острят в уголке за мартини. Пьяный американский сержант едва держится на ногах. У него коротко стриженные, с проседью волосы и багровое лицо кадрового военного.

– Скажу по-простому для гражданских… Вы даже не знаете, какие кнопки нажимать… мы берем кучку длинноволосых мальчишек, трахающих друг друга, пыхающих травой и плюющихся кокаином на Библию, и хлещем их по заднице национальным флагом. Мы показываем этот фильм приличным прихожанам из Библейского пояса. Следим за реакцией. Как-то один верующий шериф, на пистолете которого семь зарубок по числу убитых ниггеров, прострелил камеру. Выяснилось, что он тот еще фрукт, и парни из «Лайф» сделали про него репортаж.

Похоже, это у него семейное, сила, дарованная его роду богом, разить нечестивых: его бабка уложила ею наповал одну блядь посреди улицы. Когда мы показали фильм одному толстому сенатору с Юга, у него глаза лопнули, с ног до головы забрызгав оператора. Меня измочалили в Париже. В Тунисе мне заехали в пах коленом сайентологи из Морской организации. Меня поливали перечным газом в Чикаго и забрасывали скорпионами в Марракеше, поэтому лягушачьи яйца в физиономию – это так, пустяки, рутина. То, что мальчики из наркоконтроля зовут общественным порицанием, отразило и сконцентрировало двадцать миллионов картинок «Я ВАС НЕНАВИЖУ» в едином порыве. Если хотите дело сделать, приезжайте в СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. И ПОВЕРНУТЬ ЭТО МОЖНО ПРОТИВ КОГО УГОДНО. Вы, англичашки недобитые…

Он тычет пальцем в группу седых стариков в клубных креслах, с каменным порицанием взирающих на вульгарного пьяного американца. И где только ходит распорядитель клуба, который должен вышвырнуть прохвоста, чтобы джентльмены могли спокойно почитать свою «Таймс»?

– ВЫ ВСЕГО-НАВСЕГО БАНАНОВАЯ РЕСПУБЛИКА. И ПОМНИТЕ, МЫ ЗАПОЛУЧИЛИ ВАШИ КАРТИНКИ!!!

– А мы заполучили ваши, янки, – ледяным тоном отрезают старики.

– МОИ ПОГАЖЕ БУДУТ!!!

Англичане кашляют и отводят глаза, растворяясь и исчезая в свои призрачные клубы, где желтеют клыки зверя, убитого человеком с неправдоподобной двойной фамилией, а СТАРЫЙ СЕРЖАНТ орет им вслед:

– ВЫ ЧТО, ДУМАЕТЕ, ЭТО КОНКУРС КРАСОТЫ? Ах вы, овощи, социалисты фабианские, возвращайтесь в свой садик в Хэмпстеде, запускайте воздушный шар в нарушение местным постановлениям! Чудненькая встреча вас с бобби ждет поутру. Мамочка про все это в дневнике написала и нам за чаем прочла. МЫ ЗАПОЛУЧИЛИ ВСЕ КАРТИНКИ, ЧЕМ ВЫ, ПИДОРЫ, В ИТОНЕ ЗАНИМАЛИСЬ. ХОТИТЕ ПОДРОЧИТЬ ПЕРЕД КОРОЛЕВОЙ, ЗАТКНУВ В ЗАДНИЦУ СВЕЧКУ?

– Нельзя так выражаться в присутствии приличных женщин! – тягуче жует техасский миллиардер с рейнджерами по бокам.

– Ах ты кактус ободранный! Верно, думаешь, мол, эта конференция твоя идея? Поздравления от Департамента Внезапных Озарений… А вы, вшивые приголубленные пустобрехи, мои фотографы не станут делать ваши снимки. Вы же просто магнитофонные записи. Я пальцем щелкну, и вы навсегда над этими мартини застынете. Валяйте, насмехайтесь, сколько влезет!

Э? А ты… – показывает он на Зеленую Монахиню… – Напишешь десять тысяч раз под водой несмываемыми чернилами: «У СТАРОГО СЕРЖАНТА МОИ КАРТИНКИ ХРИСТА. ПОКАЗАТЬ ИХ ПАПЕ РИМСКОМУ?» А теперь за здоровье всех бравых техсержантов, куда бы их ни занесло…

Долговязый молодой сержант читает «Поразительные истории». Он щелкает выключателем… На экране Одри и Гамлин. Ветер треплет волосы Одри, когда «Дюзенберг» набирает скорость.

– Световые Годы вызывают Питьевую Соду… Начинаем операцию «Маленький Одри»… восемь секунд до обратного отсчета… отслеживаем…

Тощий, мучимый поносом техник размешивает себе питьевую соду.

– Беспилотная платформа вызывает Фокс-Трот… шесть секунд до обратного отсчета…

Английский компьютерщик забивает косяк.

– Прожектор вызывает Акцент… четыре секунды до обратного отсчета.

Гудят компьютеры, вспыхивают лампы, сходятся линии. Рыжеволосый мальчик жует жвачку, листая журнал с голыми парнями.

– Красная Точка вызывает Булавочный Укол… две секунды до обратного отсчета…

«Дюзенберг» взлетает на пригорок и отрывается от земли. Прямо по курсу деревянное заграждение, паровой каток, кучи гравия, призрачные палатки. Знак «ОБЪЕЗД» указывает влево на грунтовку из красной глины, где на солнце сверкает гравий.

– КОМАНДОВАТЬ ПАРАДОМ БУДЕТ СТАРЫЙ СЕРЖАНТ!

Он оглядывается по сторонам, и со столов слетает посуда, обдавая участников конференции мартини, бурбоном, взбитыми сливками, засахаренными вишнями, подливкой и луковым супом, навечно замороженными в фарсе 1920 года.

– ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ.

От стены к стене катится огненное колесо рваных металлических лопастей, кромсая делегатов. Покореженный бампер обезглавливает Зеленую Монахиню. Техасского миллиардера обдает бензином, превращая в ниггера на костре. Сломанный прожектор, волоча за собой, как медуза, раскаленные добела провода, прилетает в лицо британскому делегату. «Дюзенберг» взрывается, разбрасывая во все стороны раскаленные добела куски искореженного металла, разбрызгивая кипящую кислоту и горящий бензин.

В утреннем небе одетые в форму Первой мировой войны

Одри и Старый Сержант высовываются из побитого «Муна» и улыбаются. Старый Сержант у руля.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

Занавес может неожиданно подняться, когда «Дюзенберг» медленно движется по объезду 1920-х годов. Впереди Одри видит киоски, фонтаны и колеса обозрения на фоне желтого неба. Дорогу машине заступает мальчик, он поднимает руку. Он без одежды, если не считать переливающихся, как радуга, плавок и сандалий. Под мышкой у него «маузер», к которому приделан приклад от винтовки. Он подходит к окошку со стороны водителя. Одри в жизни не видел никого, настолько хладнокровного и отчужденного. Мальчик смотрит на Одри, смотрит на Джона. Потом кивает.

– Машину оставим здесь, – говорит Джон.

Одри выходит. Теперь за ним безмятежно наблюдают шестеро мальчишек. На ремнях, усеянных кристаллами аметиста, длинные ножи в ножнах. Все они в плавках цветов радуги, как на открытках с Ниагарского водопада. Одри идет за Джоном на площадь, где происходят различные действа, и зрители-подростки едят разноцветное мороженое или мерно жуют жвачку. Большинство мальчиков в радужных плавках, а несколько как будто совсем голые. Одри не может определить наверняка, он же старается держаться поближе к Джону. Ярмарка напоминает Одри гравюры конца девятнадцатого века. Колеса обозрения цвета сепии вращаются в желтом свете. Планеры, запущенные с деревянного помоста, парят над ярмаркой, ноги пилотов болтаются в воздухе. Под аплодисменты зрителей поднимается разноцветный воздушный шар. Вокруг ярмарки – променады, гостиницы и пансионы, рестораны и бани. В дверных проемах прохлаждаются мальчишки. Одри мельком видит сцены, от которых дыхание у него учащается и кровь приливает к паху. Далеко впереди он различает силуэт Джона в угасающем свете солнца. Одри его окликает, но его голос замирает и глохнет. Тьма обрушивается, словно кто-то выключил небо. Впереди слева он видит вывеску «ГАЛЕРЕЯ ИГРОВЫХ АВТОМАТОВ», надпись выведена светящимися шарами. Наверное, Джон вошел внутрь. Одри отодвигает красную портьеру и входит в зал. В даль тянутся позолоченные стены, ряды люстр, красных портьер и зеркал. В какую сторону ни посмотри, конца этому не видно. Это длинное узкое здание, похожее на корабль или поезд. Мальчики стоят перед автоматами калейдоскопов, приникнув к отверстиям,

смотрят на движущиеся картинки. Одни в радужных или в переливающихся плавках, другие в школьной форме, набедренных повязках и джеллабах. Тут есть автоматы-калейдоскопы, перед которыми протянулись ряды стульев для зрителей, а есть такие, которые стоят в отдельных, занавешенных кабинках. Проходя мимо одной кабинки, Одри мельком видит в щель между занавесками двух мальчишек, которые голые сидят на шелковом диване. Отводя глаза, он замечает, как еще один мальчик спускает плавки, переступает через них, не отрывая взгляда от картинок в калейдоскопе. Двигаясь с точностью и легкостью, которые иногда снисходили на него в снах о полете, Одри плавно опускается на стальной стул, напоминающий о кабинете доктора Мура в Листер-Билдинг, где дневной свет сочится сквозь зеленые жалюзи. Перед ним светящийся экран. Запах застарелой боли, эфира, бинтов, тошнотворного страха в приемной, да, это врачебный кабинет доктора Мура в Листер-Билдинг.

Врач был южанином, джентльменом старой закалки. Внешностью и манерами он походил на актера Джона Бэрримора и – порой оправданно – считал себя остроумным рассказчиком. Врач был наделен шармом, которого так прискорбно недоставало Одри. Ни один швейцар не остановил бы такого, ни один лавочник не позабыл бы сказать ему «спасибо» – под взглядом, который внезапно мог стать холодным, как лед. Врач никак не мог бы симпатизировать Одри. «Он выглядит, как гомосексуальный пес-овцеубийца», – думал доктор, но никогда не произносил таких слов вслух. Он оторвал взгляд от газеты в своей полутемной мрачной гостиной и изрек:

– В мальчике есть нечто нездоровое, омерзительно нездоровое.

Его жена пошла даже дальше:

– Скорее уж он похож на ходячий труп.

Одри был склонен с ней согласиться, вот только не знал, чей он труп. А еще он мучительно осознавал свои нездоровость и омерзительность.

Экран прямо перед ним, экран слева от него, экран справа, и экран у него на затылке. С точки у него над головой он может видеть все четыре экрана.

Позднее Одри написал такие заметки: «Изображаемое и метод подачи изображения изменяются в соответствии с неким общим замыслом и ритмом.

1. Предметы и изображаемые сцены приближаются и удаляются за счет медленного поступательного движения с постоянной скоростью. Эпизоды – трехмерные изображения,

прерываемые вспышками света. Однажды я видел шоу великого фокусника Терстона, в ходе которого в результате манипуляций с экраном исчезал со сцены слон. В фильме он застрелил человека. Актер размазывает по смокингу кетчуп и падает, затем в кадре появляется Терстон в роли сыщика, расследующего преступление, после фокусник сходит с экрана, чтобы совершить новые убийства, врывается в кадр в роли нахального молодого репортера бульварной газеты, сходит с экрана, чтобы сделать телефонный звонок, от которого рухнет рынок, и возвращается в роли разорившегося брокера. Меня затянуло в этот фильм потоком желтого света, и я могу вытаскивать людей с экрана, сцены «вытаскивания» даются через плоть голых мальчишек. Эпизоды увязываются друг с другом при помощи произвольных предметов: шутихи, огненные колеса, елочные игрушки, пирамиды, пасхальные яйца, мотки медной проволоки, – все предметы приближаются и удаляются в повторяющейся численной последовательности. Вхождение в экран/кадр и выход из него может быть очень болезненным, как кислота в лицо или ток по яйцам.

2. На экране появляются сцены с одинаковой загадочной структурой и постоянной перспективой. В углу кадров – значки пунктуации. Материал обрабатывается на компьютере. Передо мной снова и снова произносится на неведомом языке одно и то же послание, разыгрываются загадочные шарады, действующим лицом которых я становлюсь. На экране присутствуют также знакомые слова, возможно, где-то давным-давно прочитанные, слова даны сепией и серебряными буквами, которые расплываются, превращаясь в картинки.

3. Фрагментарные образы связаны прямым визуальным воздействием. Возникает ощущение скорости, словно видишь эти картинки из окна поезда.

4. В повествовательных эпизодах экраны исчезают. Как один из актеров, я становлюсь непосредственным участником ряда вполне понятных и последовательных событий. Повествовательным вставкам предшествует кадр с названием, а после я оказываюсь в фильме. Перемещение безболезненно, словно переход в сон. Повествование может перемежаться структурированным калейдоскопом, и тогда я снова оказываюсь перед экраном, вхожу и выхожу из него».

Одри смотрел на экран перед собой, его губы приоткрылись, мысли замерли. Все это было там, на экране: картинка, звук, прикосновение происходили в настоящий момент и были призрачно сдвинуты в прошлое.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

1. На экране 1 красное огненное колесо вдалеке парк развлечений. Огненное колесо катится прочь унося с собой голоса американские горки запах арахиса и пороха все дальше и дальше и дальше.

2. На экранах 2 и 3 укатываются вдаль голубое и белое огненные колеса. Одри мельком видит двух мальчиков в галерее игровых автоматов. Один смеется показывая на штаны другого из которых вертикально торчит член.

3. На экранах 1 2 3 укатываются вдаль огненные колеса красное белое и голубое. Молодой солдат в тире капли пота на губе. Далекие хлопушки взрываются на мостовых жаркого города… ночное небо парки и пруды… голубой отзвук на пустых стоянках.

4. На экранах 1 2 3 4 укатываются вдаль огненные колеса, красное, белое, голубое и красное. Область низкого давления затягивает Одри в парк. 4 июля 1926 года попадает в безмолвный каток.

1. На экране 1 приближается красное огненное колесо… в середине его пути дымная луна. Юный рыжий матрос надкусывает яблоко.

2. На экранах 2 и 3 появляются два огненных колеса вспышки белого и голубого света выхватывают лицо подростка. Опасливо подходит зазывала: «Постоишь за меня, малец? Надо переговорить с одним чуваком насчет обезьянки».

3. На экранах 1 2 3 появляются вращаясь три огненных колеса красное белое и голубое. Светящееся открыточное небо тянется к обширной заводи летних вечеров. Молодой солдат выходит с озера с холма с неба.

4. На экранах 1 2 3 4 появляются вращаясь четыре огненных колеса красное белое голубое и красное. Ночное небо полно огненных колес и взрывающихся шутих освещающих скверы пруды запрокинутые вверх лица.

«Красный отсвет шутихи взрывы бомб над ночною землей Доказали в ночи что наш флаг еще развевается»…

Свет в его глазах. Должно быть, зеркало доктора Мура с дыркой.

1. Усеченная пирамида удаляется в перекличке далеких птиц и предрассветном тумане… Одри мельком замечает уродливые пузатые деревья… Паренек-индеец с мачете… Сцена сродни зарисовке из блокнота путешественника… едва различима на

покрытой пятнами пожелтевшей странице… «Никому не полагалось познать невообразимое зло этих мест и выжить, чтобы о нем рассказать…»

2. Две пирамиды удаляются… «Последний мой индеец ушел на рассвете. Я слег с жутким приступом лихорадки… и нарывы… не могу перестать их расчесывать. Я даже пытался связывать себе руки на ночь, когда приходят сны, сны столь неописуемо мерзкие, что я не могу заставить себя записать их содержание. Во сне я развязываю узлы и просыпаюсь, расчесывая себя…»

3. Три пирамиды удаляются… «Нарывы проели мою плоть до костей, чудовищная чесотка не отступает. Единственный выход – самоубийство. Я могу только молиться, чтобы ужасные тайны, которые я открыл, умерли со мной раз и навсегда…»

4. Четыре пирамиды удаляются… У Одри закружилась голова, как от внезапной остановки лифта… скелет сжимает ржавый револьвер в лишенной плоти руке…

1. Пирамида приближается… Одри видна каменная кладка, похожая на рваное кружево на вершине пирамиды. Влажная жара плотно окутывает его тело затхлым запахом растительного брожения и животного разложения. Из рассветного тумана выплывает фигура в белой набедренной повязке. Перед Одри возникает мальчик-индеец с розовой кожей и тонкими чертами. Два мускулистых длинноруких индейца несут каменные сосуды и орудия. «Ты что, безумец, раз один тут бродишь? Это дурное место. Здесь плотоядные растения».

2. Приближаются две пирамиды… «Ты не осторожно, ты здесь расти. Смотри сюда». Он указывает на обвислую розовую трубку двух футов длиной, растущую из двух пурпурных холмиков, покрытых тонкими красными усиками. Когда мальчик указывает на трубку, та приподнимается и поворачивается в его сторону. Мальчик делает шаг вперед и трет трубку, которая медленно затвердевает в фаллос высотой шесть футов, вырастающий из двух яиц… «Сейчас я заставлю его спустить. Малафья стоит много dinero. Малафья давать мясо»… Он сбрасывает набедренную повязку и залезает на растительную мошонку, обнимает руками ствол. Рыжие усики обвивают его ноги, тянутся к гениталиям и ягодицам…

3. Приближаются три пирамиды… Туман рассеивается. В молочном предутреннем свете Одри видит, как алость, разлившаяся по телу мальчика, сменяется багрянцем, превращая кожу в налившийся красный волдырь. Жемчужная смазка вытекает из головки гигантского фаллоса, течет по бокам. Мальчик извивается на стволе, обеими руками лаская огромную

пульсирующую головку. Раздается мягкий приглушенный звук, стон растительной похоти вырывается из разбухших корней, когда растение извергает струю высотой в десять футов. Носильщики бегают вокруг, ловя капли в каменные сосуды.

4. Приближаются четыре пирамиды… Сад плоти расположен в круглом кратере, четыре пирамиды стоят вокруг него на возвышениях, обозначая север, юг, восток и запад. Усики медленно втягиваются, фаллос опадает, и мальчик спрыгивает вниз… «А там жопное дерево»… Он указывает на дерево с гладкими, тесно переплетенными красными ягодицами, у каждой пары подрагивающий анус. Против входных отверстий из ствола растут фаллические орхидеи, красные, пурпурные… «Пусть и оно тоже спустит»… Мальчик поворачивается к одному из носильщиков и произносит что-то на неизвестном Одри языке. Тот усмехается и стягивает набедренную повязку… Остальные носильщики вторят его движениям… «Он трахать дерево. Остальные трахать его»… Двое мужчин зачерпывают из сосуда смазку и натирают себе встающие фаллосы. Затем первый носильщик делает два шага вперед и входит в дерево, обняв ствол ногами. Второй носильщик большими пальцами раздвигает ему ягодицы и медленно всаживает мужчине, люди и растение двигаются вместе медленной гидравлической перистальтикой… Орхидеи возбужденно пульсируют, роняя разноцветные капли смазки… «Теперь надо ловить струи»… Мальчик протягивает Одри каменный сосуд. Двое парней словно бы втираются в дерево, их лица налиты кровью. Всхлип вырывается из расслабленных губ, когда орхидеи пускают дожди струй… «А вот это очень опасное»… Мальчик указывает на человеческое тело, сквозь плоть которого наподобие вен проросли лианы. Из зеленовато-розового тела сочится молочное вещество… Мальчик надевает пергаментные рукавицы… «Если потрогаешь, будешь чесаться… нарывы по всему телу… чесаться хорошо… чесаться приятно… все мясо с себя расчешешь»… Медленно поднимаются веки, открывая зеленые зрачки в окружении черных лепестков. Сразу ясно, что растение их видит. Его тело подрагивает от чудовищной жажды… «Он тут давно. Нужно, чтобы кто-то его подпер»… Потянувшись, мальчик обеими руками берет его голову и резко поворачивает набок. Со звуком, с каким трещит во влажных полотенцах палка, ломается шея. Ступни трепыхаются, и в глазах водоворот радужных красок. Пенис снова и снова извергает жидкость, пока тело корчится в чудовищных спазмах… Наконец тело обмякает… «Теперь он мертвый»… Носильщики копают яму. Мальчик обрезает лианы, и труп плюхается в могилу… «Скоро другой вырастет», – деловито говорит мальчик…

«А вон там срущее дерево…» Он указывает на черный кустарник в форме присевшего на корточки человека. Куст – сущий бурелом щупалец, и в их лабиринте Одри замечает скелеты зверьков… «Сейчас проделаю ему дырку»… Зачерпнув из горшка спермы, мальчик намазывает между ягодиц. Поднимаются азотистые испарения, растение корчится и испражняется… «Очень полезно для сада. От него мясо-деревья растут. А теперь покажу тебе хорошее место…» Он ведет Одри по крутой тропинке на открытую площадку у одной из пирамид… В выдолбленных в скале нишах Одри видит лозы с телами людей. От фигур веет отстраненным растительным покоем… «Это место виноградных людей… очень мирное, очень тихое. Они давно-давно тут живут. Корни уходят в сад внизу».

Восходящее солнце бьет Одри в лицо

Свет утренней зари на голом юноше готовящемся нырнуть в пруд.

Тысяча японских юношей прыгают с балкона в круглый бассейн.

Одри принимает душ. Вода стекает по тощему животу. У него встает.

Пятиуровневый туалет в раздевалке увиденный с колеса обозрения… мелькание белых ног блеск лобковых волос худых загорелых рук… мальчики мастурбируют под ржавыми головками душей.

Голый мальчик на желтом стульчаке солнечный свет на лобковых волосах подергивающаяся ступня.

Мальчики мастурбируют в унылых туалетах средней школы в отхожих местах во дворе в раздевалках… мельтешение плоти.

Фарджа испускает глубокий вздох и откидывается на спину прижимая колени к груди. Азотистые испарения поднимаются из розовой прямой кишки оранжевыми цвета сепии розовыми завитками.

Красные испарения окутывают два тела. Крик роз срывается с опухших губ роз прорастающих сквозь рвущие плоть шипы восторга стиснувшего трепещущие тела придавившего их задыхающихся в корчах агонии роз.

То что происходит у меня между ног как прохладный напиток… для меня это именно такое ощущение… холодные круглые камни у меня на спине солнечный свет и тень Мехико. Ощущение между ног навроде покалывания. Благодаря этому ощущению я понимаю что вообще существую.

Мы сидим на корточках наши колени соприкасаются. Кики смотрит вниз между ног смотрит как у него встает. Я чувствую зуд в паху и у меня тоже встает.

…трупы. Под электронным микроскопом видны клетки, нервы, кость.

В телескоп видны звезды планеты и космос. Щелк – микроскоп. Щелк – телескоп.

На самом деле его там не было. Бледная картинка бледная. Я видел сквозь него. В следующей жизни дарю тебе тот адрес где жил когда-то за то запоздалое утро.

Молодые призраки размытые лица мальчики и старый негатив 5 февраля 1914 года.

Я не человек и я не животное. Я здесь ради чего-то, что-то должен сделать перед тем как уйти.

Мертвецы вокруг словно птичьи трели дождем льются мне в лицо.

Полет гусей по светящемуся пустому небу… Питер Джон С… 1882–1904… смерть ребенка давным-давно… холодный далекий дух его мира теней… Я ждал бледный персонаж в чьем-то чужом романе дышащий старыми бульварными журналами. Чуть поверни лицо глаза-незабудки… мимолетная серебряная улыбка растаяла в воздухе… Больше мальчик не говорил.

Холодные звезды расплескивают далекие игрушки пустого дома. Печальные шепчущиеся призраки превращаются в кучеров и зверей из сновидений туман с озера выцветшие семейные фотографии.

Музейный барельеф бога Амона с эрекцией. Тощий мальчик в форме начальной школы стоит перед божеством. В туалете музея мальчик спускает штаны фаллическая тень на дальней стене.

Все Боги Египта. Бог Амон мальчик оскал зубов тяжелое дыханье.

Ясный свет на мраморных портиках и фонтанах… Боги Греции… Меркурий, Аполлон, Пан…

Свет впитывается в красные стены Марракеша.

Le gran luxe[39]

3 апреля 1989 года, Марракеш… Неосвещенные улицы, повозки с карбидно-желтыми фонарями. Похоже на гравюру 1890-х годов к изданию дневников какого-нибудь путешественника. Ватаги диких мальчиков на улицах, злобных, как голодные псы. Полиции почти не существует, и у каждого, кто может их себе позволить, есть телохранители. Мой марракешский связной

любезно одолжил мне двух надежных нубийцев и подыскал приличное жилье.

Волны декора и архитектурных стилей оставили по себе отметины наподобие геологических напластований. В мире нет места, частичка которого не нашлась бы в Марракеше: улица Сент-Луиса, мексиканский кабак-кантина, традиционно английский дом, альпийское горное шале – ни дать ни взять огромная съемочная площадка, где постоянно смещаются декорации. Город расползся во все стороны: до Атласских гор к востоку, до Сахары к югу и приморских городов к западу, а на севере он переходит в промышленные резервации. Здесь закатывают фантастические вечеринки, здесь – огромные поместья и роскошь такая, о какой читаешь в анналах Римской империи.

Шикарным считается одеваться в дорогое, пошитое на заказ тряпье, и все пидоры тусуются в прикидах диких мальчиков. Вот костюмы с нью-йоркской Бауэри-стрит – будто бы в пятнах мочи и блевоты, которые при более пристальном изучении оказываются замысловатой вышивкой тонкой золотой нитью. А вот обноски клошаров из тончайшего льна, летние костюмы обедневших аристократов, экипировка Грэма Грина для захудалых шпионов (плохих католиков, отправленных на задание страной, в которую не верят), фетровые шляпы, разношенные старыми нариками, джинсы, выцветшие на крестьянских парнях, штаны и куртки кули из желтой шелковой тафты, дешевые кричащие тряпки сутенеров, которые оказываются не такими уж дешевыми, а несочетаемость цветов оборачивается тонкой гармонией, найти которую можно только в лучших «Лавках для Бедных Мальчиков», где одежду подбирают под вашу манеру ходить, садиться и наклоняться, к вашему цвету волос и глаз, к вашему дому и общему фону. Прикиды словно бы имеют скрытый смысл, а может, два или три, а то и целых шесть. Вот вроде бы дорогой костюм довольно грубо выделывается под дешевку, но при ближайшем рассмотрении дешевизна оказывается тщательно спланированной, у вас на глазах одежда меняет цвет и фактуру. Вот прохожий одет вроде бы во взятый напрокат костюм, а потом вдруг перед вами копия баптиста-проповедника Билли Грэма, хотя нет, это стодвадцатидолларовый уцененный до 69,23 костюм агента ФБР, а может быть, из-под лишенного рисунка мексиканского пончо проглядывает модная при короле Эдуарде саржевая шотландка, а с другой стороны, одежка юного копа, которому не по себе в первый день в штатском: воротничок жмет и рукава коротки. Все эти костюмы полны примочек: подтягивающиеся на хлястиках рукава, потайные карманы, – и

многие психи прячут на себе какую-нибудь крысу, мангусту, кобру, гнездо скорпионов, которых можно неожиданно выпустить для увеселения компании. Такой вот псих заявляется, скажем, в енотовой шубе, из которой выпрыгивает живой енот, чтобы прикончить шестерых чистокровных чихуахуа светской львицы Бабблс де Кокуэры. А голубые мангусты-мутанты с накидки того же меха одного хрена перебили всех кобр в Джемальфне. Поначалу смешно, но тут ведь доводят до крайности. «Боже ты мой, вон идет хрен в костюме тигра! Спасайтесь, кто может!» Тут натянут кевлар или еще какую броню, чтобы защитить свою шкуру, а на вас вывалить что угодно. Понемногу учишься держаться подальше от толстяков в одежде из питоньей кожи. Следует избегать любого вздутия или выступа, а беременным теткам так просто уступают дорогу. У каждого – двусторонний пиджак-трансформер и потайные карманы, каждый умеет тайком переложить зверюшку из одного кармана в другой, чтобы ее не засекли при обыске, который теперь обычное дело при входе в любое заведение. Следующий шаг – одежда из кожи, и люди, как звери, охотятся за животными ради их шкуры. Затем на рынок выходит синтетика. Речь идет о шестнадцати оттенках мебели и обоях ей под стать с защитой от термитов, моли и старения. Можно купить что угодно: рыжеволосую задницу мексиканский пах, китайский желудок. Люди рвутся к разнородности и пятнам тонкие черные руки как щипцы для орехов улыбка деревенского мальчишки потом рога и козлиные копыта мальчики-волки мальчики-ящерицы один одержимый сделал себе руки гладкими и красными как терракота и завершил их клешнями омара.

Нефти почти не осталось, и двигатели внутреннего сгорания большая редкость. Возвращаются паровые автомобили и прочая электрика. Бесшумные электрические дирижабли богатеев величественно плывут в вечернем небе, ресторан под открытым небом в гондоле, дуновение аромата влажных лужаек и полей для гольфа, мирное счастливое многоголосье музыки 1920-х годов. Как никогда раньше, le gran luxe расцветает в огромных поместьях богачей. Главный пропагандист и практик стиля – Эй. Дж., владелец частной паровой железной дороги, которую он под влиянием минуты забивает то барабанщиками и банкирами 1890-х годов, то школьниками на каникулах 1920-х, аферистами и карточными шулерами 1918-го, и каждый желающий отправиться в путешествие по «железке» должен сперва обратиться в отдел кастинга и подбора актеров.

«Я держу железные дороги ради паровозных гудков на пустынных одноколейках, запаха потертой кожи, пара, сажи, горячего железа и аромата хорошей сигары, ради вокзалов со

стеклянными крышами и станционных гостиниц красного кирпича».

Он щедро спонсирует партизанские отряды, содержит обширный тренировочный центр и нанимает беглых ученых разрабатывать на своих заводах и в лабораториях новые виды оружия. Он не задумываясь тратит миллионы, лишь бы ему на стол попало какое-то конкретное блюдо. Его ежегодный званый ужин вызывает обвал валют и банкротит целые страны.

– Я хочу на обед свежую кабанью печень, жареную белку, дикую спаржу, тушеную ботву турнепса, кукурузную кашу, вареную кукурузу в початках и ежевику. Хряк должен быть из Озарка и с острым хребтом, вскормленный желудями, арахисом, тутовыми ягодами и яблоками из Миссури. Моего хряка должны круглосуточно держать под тщательным наблюдением, чтобы он не съел какую-нибудь гадость вроде коровьих лепешек, крольчат или дохлых лягушек, и пусть наблюдение будет ненавязчивым, чтобы не смущать животное.

– К какому времени вам доставить, босс? Через год?

– Не позднее ближайшего воскресенья.

– Но, босс, какого черта..

– Отправляйся хоть к черту, но раздобудь мне такого кабана.

– Слушаюсь, босс.

– Как найдешь, сразу доставь сюда. Как тебе известно, кабанья печень, оставленная на льду, даже на несколько часов, совершенно непригодна в пищу. Хряка надо забить на моей кухне, а подрагивающую печень немедленно отправить на сковороду и обжарить в жире другого такого же хряка.

– Да, конечно, босс… Можно погрузить свинью на борт и доставить реактивным самолетом.

– Ты в своем уме? Мой хряк перепугается, а это плохо отразится на его печени.

– Ладно, босс, можно зафрахтовать океанский лайнер, обустроить на нем свиноферму, как в Озарке, и…

– Отравить меня хочешь? У хряка будет морская болезнь, и я лишусь обеда. Ясно же, что кабана нужно осторожно перенести сюда на плоту, подвешенном между двумя гигантскими дирижаблями, а плот поднять прямо с Озаркского плато. Белки, ежевика и дикая спаржа, разумеется, полетят вместе с хряком, и отправь с ними еще и свинопаса, худенького парнишку с веснушками. Он будет ухаживать за моим хряком в пути. Он пристрелит и замаринует белок. А потом пригодится для другого дела.

– Хряка доставили, босс.

Эй. Дж. выходит на балкон, а в небе меж двух гигантских

голубых дирижаблей висит кусок Миссури, и за ним тянется шлейф дыма темнохвойных лесов…

– Хочу на ужин пучеглазую щуку, желтого окуня и сома из рек с прозрачной, питаемой холодными родниками водой.

– Хорошо, босс, прикажу обить реактивный самолет изнутри алюминием и наполнить водой.

– Ты сказал, один реактивный самолет?

– Точно, босс.

– Безмозглый идиот! Щука сожрет окуня, а сом сожрет всех и вся. Пока самолет сядет, останется один лишь вялый обожравшийся сом, совершенно непригодный для моего роскошного пиршества. Следует обить три самолета.

– Прошу прощения, босс, но самолет с сомом разбился. Вся вода расплескалась и камни рассыпались.

– Хвала Аллаху, что щука уцелела.

Пикантный контраст всей этой роскоши – голод, страх и опасность на улицах. Лучшие друзья человека – «кольт» и нубийские умельцы, обученные бить обеими концами дубинок или, держа дубинки горизонтально, блокировать готовые вцепиться зубы.

Самый обычный день. Завтрак в патио мне подает мой малайский бой. Патио – миниатюрный оазис с бассейном, пальмами, коброй, песчаной лисой и парой-тройкой крупных, проворных и злобных оранжевых ящериц, которые питаются дынными корками. Итак, после завтрака я отправляюсь в Джемальфну на встречу с придурком Реджи. Нам надо распланировать маршрут к назначенному на завтра ежегодному приему Эй. Дж., который станет гвоздем сезона. Мы называем себя «Приглашенными», у каждого на шее, наподобие армейских «собачьих табличек», висит по перфокарте с приглашением, – ее полагается вставить в электрические ворота Эй. Дж. Я иду через полуденный рынок: пробковый шлем, «кольт», патронташ, по бокам мои великолепные нубийцы, и вдруг мы натыкаемся на стаю из двадцати диких мальчиков. Когда они видят нас, их глаза загораются, как у кошек, волосы встают дыбом. Плюясь и рыча, они окружают нас и набрасываются на моих нубийцев. У вожака на одном глазу повязка, а в культю из дерева и кожи на месте правой руки ввинчен нож для кастрации хряков. Проворный, как ласка, он стремглав ныряет под дубинку нубийца, делает выпад культей, и прямо-таки чувствуешь, как холодная сталь прорезает кишки, как спагетти. Так вот, шикарные люди не теряют головы и не хватаются за пушку при виде проблемки, с которой нубийцы и сами должны бы справиться, например, с оравой завшивевших попрошаек. Надо решать, и решать быстро, есть ли тут работа для

«кольта». Я решаю, что это бесспорно тот самый случай, навостряю оба глаза на тощий живот вожака и стреляю. Тяжелая пуля сорок четвертого калибра отбрасывает его на десять футов. Я целюсь и стреляю, целюсь и стреляю, обойма пуста, лезу в специальный, проложенный кожей нагрудный карман за тупорылым тридцать восьмого калибра, но тут мальчишки рассеиваются и исчезают как призраки. Подбивая бабки, насчитываю семерых мертвых или умирающих диких мальчиков. Откуда ни возьмись, выскакивает священник и начинает отпускать грехи. Я вижу, как двое диких мальчиков плюют в него на последнем издыхании. Глаза моего нубийца стекленеют, кишки дымятся на послеполуденном солнце, привлекая мух. Неохотно подходит полицейский, и я отдаю ему несколько приказаний на блестящем арабском. Я нахожу Реджи на площади, он потягивает розовый джин, укрывшись от солнца в тени нищих. Паралитичная старуха подергивается, и на нежную кожу Реджи падают брызги солнечного света.

– Сука безмозглая! – орет он и оборачивается к своему подручному. – Дай этой старой карге корку черствого хлеба и найди мне крепкого нищего для тени.

Я сажусь и заказываю «стингер».

– Потасовка на площади. Я потерял нубийца.

– Я видел отсюда. Думаю, Дональд знает, где найти хорошего охранника.

– Похороню своего на американском кладбище. Мы можем встретиться там и решить насчет маршрута на вечеринку. По дороге могут возникнуть неприятности, сам знаешь.

– Вполне вероятно. Несколько смутьянов уже критиковали Эй. Дж. за расточительность, недовольные дураки – извечный бич очень богатых людей.

На следующий день, после того, как нубийца закопали честь по чести, собирается отряд из тридцати человек, и все вместе мы отправляемся в укрепленное поместье Эй. Дж. за городскими стенами. Надо признать, мы бросаемся в глаза с нашими нубийцами в алюминиевых сандалиях и набедренных повязках, несущими проволочные щиты, чтобы прикрывать нас от камней. За поясом у них в ножнах острые, как бритва, мачете на крайний случай. Поэтому мы шагаем между нубийцами очень даже degage[40], словно нам черт не брат.

– Старик примется ломать кирпичи своими приемчиками карате, конечно, скука смертная, но его не остановишь. Зато дармовые еда и выпивка на месяц. Одно можно сказать в его пользу, за что-то взявшись, он выдает по полной.

На улицах еще хуже, чем обычно: ходячие мертвецы в

кататонии от голода набились штабелями мешков с цементом нубийцы распихивают их дубинками тела сгибаются и выпрямляются снова медленно тащатся вперед и все направляются к поместью Эй. Дж. Между ногами этого потока шныряют дикие мальчики словно блудливые котята взмахивая бритвенными лезвиями и осколками стекла – вж-жи-ик – и быстро назад в укрытия из шагающей плоти. Молодой агент только что из Вест-Пойнта где его прозвали Хорьком он умел проскользнуть через линию нападающих на футбольном поле как хорек в крысиную нору ныряет вслед за диким мальчиком и то что мы нашли после пары взмахов мачете не станешь описывать родным и близким.

А потом вдруг перед нами возникают тридцатифутовые электрические ворота в черной гранитной стене. Спотыкаясь о чьи-то ноги, мы прорываемся к воротам и «пробиваем» свои «карточки», оставшиеся трясут решетку и суют пальцы в рот, пуская слюни, словно коровы с афтозным стоматитом. Эй. Дж., великолепный в белом одеянии, приветствует нас с помоста во внешнем дворе. Он улыбается и машет пускающей слюни толпе.

– Расклад им известен. Чем лучше питаюсь я, тем лучше питаются они. От le gran luxe вкусные объедки.

Внешний двор представляет собой небольшую арену с балконами по периметру. Мы поднимаемся на балкон, а Эй. Дж. спускается на середину арены.

– Выпускайте быка.

Под рев фанфар бык вырывается из какого-то прохода, замечает старика и устремляется прямо на него. Старик же стоит, занеся кулак, чувствуется легкая сейсмическая дрожь, когда он плотнее упирается ногами в землю, готовясь к убийству. Стремительное движение, удар, и я вижу, как вылетают бычьи мозги. Бык спотыкается перед стариком и валится набок, одна нога подергивается в воздухе. За считаные секунды туша разделана, и куски сырого кровоточащего мяса брошены за стену толпе.

Через внутренние ворота мы проходим в само огороженное поместье. Здесь в ресторанах под открытым небом шведские столы закусок, здесь подают пиво, охлажденную скандинавскую водку и горячие рыбные супы из Перу. Буколические ресторанчики на берегу реки в синих вечерних тенях, крытые шифером дома красного кирпича, целые кварталы, где подают домашнюю американскую жратву былых времен: индейку, жареного цыпленка, чай со льдом, горячее печенье и хлеб из кукурузной муки, отбивные, ростбиф, домашнее клубничное мороженое, утку, дикий рис, кукурузную кашу, каштаны со

сливками. Здесь пруды и каналы, здесь плавучие рестораны увиты цветами, здесь ресторанчики на старых речных судах с меню из странствующего голубя, жаворонка, кулика, дикого индюка и оленины. Здесь дирижабли и тележки разносчиков, шато высокой кухни под управлением эксцентричных тиранов, русские станционные буфеты с осетриной, икрой, копченым угрем, водкой, шампанским и рейнвейном, здесь деревенские харчевни и все разновидности простой крестьянской кухни. Здесь труднодоступные рестораны, славящиеся голубем с белым мясом. И каждый в мире знаменитый ресторан воспроизведен в малейших деталях: танжерский «1001», старинный марсельский «Лукулл», парижские «Максим» и «Тур д'аржан» и сент-луисский «Тони Фаустус».

Я замечаю, что если что-то остается на тарелке или в стакане, то официанты ссыпают или сливают это в баки – одни предназначены для жидких, другие – для твердых отходов. После того как мы обошли буфеты и набили животы, нас собирают на балконе, выходящем на главные ворота, где в ожидании топчутся бедняки Марракеша. Эй. Дж. недолго, но высокопарно разглагольствует о том, как важно поддерживать в сознании туземцев крепкий образ милостивого господина, и в этот момент по одну сторону от ворот отъезжает панель в стене, и оттуда вылезает огромный фаллос, который ссыт мартини, супом, вином, кока-колой, гренадином, водкой, бурбоном, пивом, горячим масляным ромом, розовым джином, коктейлем «Александр», глинтвейном, кукурузным виски, – все извергается в корыто длиной сорок футов с надписью «ВЫПИВКА». Из панели по другую сторону ворот выпирает резиновая задница, извергая запеченную треску, соленую сельдь, утиную подливу, мексиканское чили кон карне, десерты «Мельба», сиропы, соусы, повидло, мясные кости и хрящи, – все сыпется в корыто с надписью «ЖРАТВА». Вопя, пуская слюну, пихаясь, бедняки кидаются к корытам, зачерпывают еду и питье обеими руками. Облаками поднимается вонь блевоты. Эй. Дж. нажимает кнопку, герметизирующую балкон. Крутятся лопасти вентиляторов, и гостей окутывают ароматы прохладных летних прудов и мшистых камней. Все мы остаемся тут на месяц – не так уж и тяжко, учитывая, что ждет нас внутри и что творится снаружи.

В дополнение к ресторанам для более энергичных гостей организуют кулинарные экспедиции во все уголки земного шара. Гости встают в шесть утра к завтраку из фруктового сока, идеально приготовленной яичницы, у которой желток медленно утекает, если разрезать, бекона, который слегка выгибается по форме вилки, не слишком хрустящий, но и не вялый, домашнего

хлеба, за которыми следуют чай, кофе, сигарета и отдых, и отправляются в путь по пламенеющим осенним холмам. Ясный голубой октябрьский день. Они идут десять миль пешком к реке, где их ждут плоскодонки. Чистая река холодна и глубока. Они плывут вниз по течению, по пути ловят рыбу в заводях, запрудах и бухточках. Остановившись на ланч, гости вооружаются упругими дубинками и шлепают вдоль отмели, убивают лягушек и обдирают кожу с лапок, которые зажаривают в свином сале до хруста и запивают холодным пивом. Когда после полудня они добираются до сельской переправы, их поджидает обильная трапеза из пресноводных окуней (их еще называют пучеглазой щукой), черных окуней и сомов. Дом красного кирпича на холме. Бурбон и марихуана, выросшая в летнем зное штата Миссури, которая благодаря скудной почве холмов имеет особый привкус и которую называют «пурпурной травой». Сумерки голубой пылью ложатся на речную долину, когда гости принимаются за трапезу из лососевых стейков, двух сортов окуня, обжаренного на свином сале со слабым привкусом дыма, сидра и яблок из сельского сада. Они охотятся в осенних лесах и возвращаются к ужину из куропатки, дикой индейки и белки с каштанами, зеленым луком и сладким картофелем.

В других местах предлагают катания на лыжах перед шведским столом с охлажденной водкой, горячие пряные блюда после конной прогулки по горам северной Мексики, омары и моллюски на пляже, чай со льдом и жареные цыплята в отеле «Грин-Инн».

Еда – лишь одно из развлечений. Здесь вам обеспечат любые удовольствия, занятия спортом или хобби. Вот перечень некоторых услуг: компьютеризированные библиотеки с полной базой данных по любому предмету, опытные инструкторы по любому вопросу, виду спорта или ремеслу. Имеются планеры, воздушные шары, парашюты, аквалангi и подводное плавание с прибрежных баз. Есть камеры сенсорной изоляции, бассейны глубокого погружения, антигравитационные камеры, имитирующие условия космоса. Есть тиры, где можно тренироваться с любым оружием – от лазерного пистолета до бумеранга. Имеются высокохудожественные порнофильмы. В поместье Эй. Дж. любой период истории и любая местность или страна представлены в Международном павильоне. Вы можете насладиться путешествием в 1920-е годы, в Италию эпохи Возрождения, в Китай времен мандаринов, в Древнюю Грецию или в Древний Рим. Любые сексуальные вкусы будут удовлетворены в выбранных вами декорациях. Подрочить в 1920-е годы? Трахнуть девственную весталку? Поиграть в сиамских

близнецов с миленькой космонавткой? Хотите греческих юношей, облаченных лишь в собственную красоту и солнечный свет? Провести пару часиков на полубаке китобойного судна? Вечерок в римских банях? Посмотреть, как я трахаю Клеопатру? Хотите извращения эпохи Чиму? Секс в сортире 1910-х годов? Заднее сиденье автомобиля? Бомбоубежище во время бомбежки? Палатка на двоих в Юконе? На облучке экипажа? На драккаре викингов? В шатре бедуинов? В туалете средней школы? Все что угодно.

Сегодня утром после завтрака из фруктов, йогурта и фазаньих яиц я иду в ангар для планеров. У Эй. Дж. несколько сотен планеров, сконструированных на основе самых ранних моделей, которые запускаешь, разбежавшись, и иногда приземляешься на ноги. Есть здесь планеры, разгон которым дают лыжи, роликовые коньки или велосипеды. Во всех случаях планеры сконструированы так, чтобы максимально уподобиться мечте о крыльях и полете. Если у вас возникнут свои идеи насчет новой модели, конструкторы воплотят их за несколько дней. Планеры изготовлены из самых разных материалов и бывают самых разных цветов под стать различным ландшафтам и состояниям неба, и многие расписаны акварельными пейзажами. Есть красные модели для скольжения в лучах заходящего солнца, модели из прозрачного пластика для планирования на лыжах, синие крылья – для гор. Я выбираю горную модель в оттенках от нежнейшей голубизны яичной скорлупы до иссиня-черного. Крылья обтянуты тонкой и плотной китайской парусиной-рами, которую изготавливают из крапивы. Маленький дирижабль возносит нас к пусковой установке в Атласских горах. От установки круто вниз под уклон уходит бетонная дорожка для разбега. Я надеваю роликовые коньки и поднимаю планер, по обе стороны от меня вздымаются крылья, я упираю руки в стропы. Управлять аппаратом можно, перенося свой вес из стороны в сторону, во время полета пилот подвешен между двух распорок или строп. На случай, если устанут руки, есть строповое сиденье. Я бросаюсь вниз по дорожке: быстрее, еще быстрее, колени согнуты, я взмываю над долиной, ноги болтаются на высоте двух тысяч футов. Это в самом деле полет словно во сне, я управляю планером движениями рук, всем телом ощущаю его вибрацию, я сливаюсь с крыльями, и крылья плывут над долиной. Я сажусь на строповое сиденье. Я вижу раскинувшийся под ногами город. Я сажаю планер на запекшейся от жара, поросшей сорняками улочке и качу на роликах в поместье, чтобы остаток дня провести за порнофильмами.

Несколько лет назад актеры устроили забастовку, протестуя против оскорбительных для их достоинства условий.

– Ваша плоть заражена грязные фильмы сколько еще нам ебаться очень хорошо мистер Великий Сластосука? Мы блядь устали ебаться спасибки большое.

После этого мистер Великий Сластосука провел реформы. Учитывая требования трудящихся, он решил, что порнофильмы должны иметь сюжет, развитие характеров и фон, благодаря чему секс-сцены станут проходными. Например, двухчасовая история плавания на китобойном судне в 1859 году содержит лишь восемнадцать минут секс-сцен, разбросанных по всему фильму.

– Порнофильмы как отдельный жанр себя изжили. Мы показываем секс по ходу действия не как изуродованный фрагмент, а как часть самой жизни.

Я иду в старый кинотеатр «Палас» на Маркет-стрит. Для затравки крутят образовательную короткометражку, как достичь le gran luxe при скромном доходе.

«А тут у меня бак для глубокого погружения в голубой комнате простой алюминиевый бак заполненный глицерином я все это достал в магазине при военной части почти задаром мой дорогой теперь будь добр надень пластиковый комбинезон для такого трипа хороши маджун и аяуаска[41] маджун очень хороши для первого одиночного мой милый ты хорошо подготовлен увидишь это очень просто дом там где задница если хочешь двигаться шевели задницей первая ступень научись меняться домами с другими заполучить чужую задницу. Тут вспоминается научно-фантастический рассказ про институт под названием Рыболовный Крючок, там занимались всякими паранормальными штуками, у них была специальная камера, они туда залезали, и их разум путешествовал к другим планетам. Так вот одна планета была такая «злая», что отправила космонавта назад в Библейский Пояс, а там он стал проповедовать священную войну против так называемых «уклонистов», и все за пределами Рыболовного Крючка начали ненавидеть этих «уклонистов» и вывешивать плакаты «Уклонист, да не зайдет тут над тобой солнце!». И Рыболовный Крючок разогнал целые деревни старых добрых «уклонистов», а юных «уклонистов», которые восстали против Рыболовного Крючка, вот-вот должны были перебить. Но появился другой космонавт, он сбежал от службы безопасности Рыболовного Крючка, он знал одну отличную тихую планету и решил спасти всех хороших уклонистов по всей земле. Но как доставить туда паранормальных бедолаг? И тут на него нисходит озарение, на самом деле точечное послание со «злой» планеты, но когда он говорит деревенским жителям, что нужно делать, те отвечают: «Да это же неприлично». «Не неприлично, а не привычно, – отвечает он. – Кроме того, у вас нет выбора». Он

указывает на череду огней, приближающихся к паранормальной деревне. «Линчеватели уже на подходе. Сами видите, пора двигать. И вообще, снаружи вы найдете лишь то, что изначально туда положили. Так что давайте-ка двигать к истокам».

Он лежал на кровати в трусах, щелястые бамбуковые стены, верхний этаж гостиницы. Стук в дверь. За дверью – мальчишка-индеец с квартовой бутылкой пива в руке.

– Aqui Yage Ayahuasca… muy bueno… muy fuerte[42]…

Мальчик вошел закрыл дверь поставил бутылку на стол. Американский парнишка худой блондин достал из рюкзака две оловянные кружки. Индеец разлил смесь из бутылки на две трети наполнив кружки. Несколько раз провел ладонями взад-вперед над кружками тихо напевая. Потом замолчал взглянул на американца и улыбнулся.

– Это очень хорошо для ебли, Джонни. – Он сжал смуглый кулак, подвигал пальцем взад-вперед. – Мы примем айяуаску, потом трахнемся. – Он расстегнул рубашку. – Ambos nudo si Johnny… оба голые.

Он бросил рубашку на стул, отшвырнул сандалии, снял штаны и трусы. Подождал, пока американец разденется.

– Теперь выпей айяуаску… очень быстро забирает.

Американец выпил, его передернуло.

– Muy amargo si Johnny[43]…

Почти мгновенно американец ощутил голубую волну прохладного вечернего воздуха на голой заднице, на ногах…

– Tomamos eso… ambos nudo…

Тени тускнеют рука на оловянной кружке глаза улыбчивые глаза знающие голую задницу на которую смотрел давление чресла впритык друг к другу…

– Vuelvete[44]…

Эрекция в голубом свете…

– Нагнись, Джонни…

Мальчик взял жестянку вазелина и медленно со спокойным целеустремленным видом обмазал свой член.

– Нагнись Джонни, раздвинь ягодицы.

Чувствует глаза и пальцы на анусе расступающиеся волоски медленное проникновение…

– Руки на колени, Джонни…

Он медленно выгибает тело руки уперты в колени водовороты синевы плотнее плотнее… плотнее извергают струи синих китайских иероглифов в пурпурные сумерки Лимы судорожный выдох «muy bueno» руки на коленях из глаз Карла брызжет синева его лицо обмякло спазмы разрывающие кости с треском выбрасывают в воздух планеты голубые как яичная

скорлупа хвостом кометы след спермы через все небо.

– Так вот я подумывал не обустроить ли общую камеру сенсорной депривации для погружения в плавательном бассейне возможно рыбный садок будет даже лучше. Можно запустить туда устриц и…

Желоб выдолблен поперек кораллово-розовой комнаты с потолком-куполом стены выложены морскими раковинами мальчик раздвинул ноги и извиваясь погружается в устрицы тугая раковина его яиц извергает струю жемчужных капель морской ветер в иллюминаторе.

– Да, конечно, они в той или иной степени звукоизолированные, но теперь у нас есть саундтреки и ароматизаторы, в голубой комнате озон и сжигаемая палая листва, а в красной – розы и карболовое мыло «Лайфбуй», его больше не выпускают, но здесь еще можно раздобыть я отложил несколько коробок а вот радужная комната для ДМТ и псилобицина довольно пошло верно на Всемирную ярмарку ведь ходишь ради запаха оранжада и каруселей мой дорогой и разумеется мне нужна желтая комната но в Касе так мало китайских мальчишек руки пока не дошли зато здесь есть желтые нарциссы и крокусы оттенки соломы мочи шафрана и серой амбры желтая башня из амбры замшевый тюфяк мальчик с желтыми волосами карими глазами оскалены зубы кончает наизнанку и разумеется ты смешиваешь цвета кожи например черный и красный коричневый и желтый красный и белый возможности ограничены но получается неплохо и в саундтреках свистки далекого поезда и тревожных сирен в тумане для голубой комнаты звуки моря в розовой комнате и особая музыка для двоих а иногда конечно больше чем для двоих. Твой маджун действует? Мне нужна лаборатория разобраться со всеми проблемами синтезирования доводки новых формул взять хотя бы маджун который действует гораздо медленней чем айяуаска или что приходится подождать два часа с ДМТ после маджуна. А! Вот и Али… Так вот если слушать через наушники генуэзскую музыку в голубой комнате то наверняка обнаружишь, что порция айяуаски тебе уже отмерена.

Когда музыка зазвучала у него в голове тело к низу от пояса разжижилось плавно вращалось вопль расколол голову радужная комната звезды на столе колени из амбры коричневые зубы оскалены.

– И разумеется видеоряд мы берем фильмы и их перемешиваем вставляем цветные кадры голубого тумана и мансард под шиферными крышами закат солнца осенние листья яблоки красная луна в дымном небе все перемешано с секс-

сценами по пять-шесть камер разом одна на лицо одна на гениталии подергивающиеся ноги кончающие глаза и обычно мы крутим отснятое в белой комнате где экраном служат голые белые стены радужный коктейль из ЛСД маджуна айяуаски совсем чуть-чуть ЛСД он довольно вреден растительные компоненты всегда полезней.

Рыжий мальчик рядом с ним прикусывает костяшки пальцев пока мальчишка-араб трахает его в зад картинки на стенах и потолках пять кинопроекторов калейдоскоп ног, фонтанирующих членов, тугих яиц, глаз, лиц, подергивающихся ступней, солнечные закаты и голубой туман, обоссанная солома, желтое небо, подрагивающие ягодицы, сперма хвостами комет, горные пики в снежных шапках, радуги, Ниагарский водопад, сувенирные открытки, северное сияние когда парень переворачивает его колени согнуты он сверху глядя на картинки на потолке теперь на четвереньках лицом к стене кончают глядя на себя в телевизоре смешавшись со всеми прочими «снимали на месте но боюсь превысили бюджет хорошо что удалось найти все эти комнаты с куполами скорее похоже на внутренность огромного фаллоса а теперь розовая комната».

Красное покрывало в брызгах розовых лепестков ощущая как красный шар в паху извергает закаты, веснушки, рыжие волосы, осенние листья, подтянув колени к груди он кончал в осеннее небо.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

1. Круглое красное елочное украшение удаляется… Мальчик-индеец с ярко-красными деснами сплевывает кровь в пурпурном сумраке Лимы.

– Боритесь с туберкулезом, ребята.

Канун Рождества… Старый джанки продает рождественские печатки[45] на Норт-Кларк-стрит. Его прозвали Священником.

– Боритесь с туберкулезом, ребята.

2. Два круглых елочных украшения голубое и зеленое удаляются… затихающие свистки поезда мигают голубые флуоресцентные фонари на пустынных улицах наполовину занесенных песком… желе в зелено-коричневой анальной плоти поворачивающийся палец превращается в усик виноградной лозы волосы на заднице раскинулись по илистой отмели… водоросли… зеленые занавески вагона… синяя школьная форма…

3. Три круглых елочных украшения удаляются красное,

голубое, зеленое… Венки из еловых веток, красные ленты, детишки елозят так им хочется яблок… Уже поздно негде раздобыть денег он свернул в переулок и ветер с озера ударил в лицо как нож… затерянная улица кирпичных дымовых труб и шиферных крыш… тяжелая голубая тишина… разбрызгиватели на лужайке летняя площадка для гольфа… «Зеленая шляпа» Майкла Арлена насмешка и гимн светскому Лондону закрытая лежит у нее на коленях.

4. Четыре круглых елочных украшения удаляются красное, голубое, зеленое, золотое… веснушки, осенние листья, мглистая красная луна над рекой.

«Когда ж придет пора осенним листьям опадать, оттягивать хватит и в игры играть»[46].

Такси остановилось на некотором расстоянии под уличным фонарем и вышел парнишка с чемоданом худой малыш в синей форме начальной школы знакомое лицо подумал «Священник» наблюдавший за ним из дверного проема напоминает мне о чем-то давнишнем этот мальчик в расстегнутом пальто достающий из карманов брюк деньги заплатить за такси… голубая магия всех фильмов в этом возникшем в памяти парнишке который стоя у окна в мансарде машет поезду… вздохи пустой комнаты… смутный запах сорняков на пустырях зеленые змейки под ржавым железом… пиратские сундуки восьмерки на золотом песке… моча на соломе… Странник все идет и идет по равнине желтой травы. Останавливается возле глубокого черного пруда. Желтый рыбий бок поворачивается в темной воде.

1. Приближается круглое красное елочное украшение… рыжие волосы на ногах трутся о розовые обои… ирландский терьер под рождественской елкой… за много световых лет оттуда распадаются бледные небеса. Туберкулез поджидает на следующей остановке. Кровавая мокрота на рассвете. Я ждал там.

– Я доктор Харрисон. Мне позвонили.

Повел наверх… красный потертый ковер на лестнице… в комнате запах болезни.

2. Приближаются два елочных украшения голубое и зеленое… голубые вечерние тени холодное далекое воскресенье… плывут мертвые звезды… корчась кончает в зелено-коричневую ректальную плоть пятна от травы на смуглых коленях.

3. Приближаются три елочных украшения красное, голубое, зеленое… запах роз, карболового мыла… я ничего не мог поделать. Кровавая мокрота на рассвете. Мука вспоминания слов… «Слишком поздно»… немецкая гостиная снаружи Китай

голубое северное небо и плывущие облака… скверные морские пейзажи умирающего студента-медика.

– Шнапс, я полагаю, фрау Ундершнитт.

Комната над цветочным магазином запах цветов зеленые занавески… Кажется, он таскал за игроками сумки с клюшками. Его улыбка на поле для гольфа.

4. Приближаются четыре елочных украшения красное, голубое, зеленое, золотое… сердце пульсирует в восходящем солнце… запах сырого мяса… еретик сплевывает кипящую кровь… Комната восемнадцатого века… снег на частом оконном переплете… огонь в очаге… Старый джентльмен закутанный в красную шаль отмеряет в мензурке настойку опия… Вы видели Патапон Роуз[47]…? голубые тени в мансарде… фотография мальчика обрамлена незабудками… пыль в разбитом парнике… в разоренном саду бассейн затянут зеленой тиной… худой светловолосый мальчик… солнечный свет в лобковых волосах… Я помню желтые нарциссы и желтые обои… золотые часы игравшие «Серебряные нити среди золотых»… старую книгу с позолоченным обрезом… золотыми буквами… фильм-нуар «Улица Удачи».

Далеко-далеко смутно маячит Вифлеемская звезда из школьной пьесы.

Чудо розы

23 июня 1988 года. Сегодня мы благополучно преодолели барьер и вступили в Голубую Пустыню Безмолвия. Тишина подавляет, поначалу тонешь в ней, наши голоса приглушены, словно доносятся сквозь войлок. У меня два проводника. Один – бербер Али с яркими голубыми глазами и русыми волосами, волчье лицо Пана непроницаемо, как небо. Другой – Фарджа со смугло-розовым лицом, длинными ресницами, прямыми черными волосами и ярко-красными деснами. На нас стандартное для этих мест облачение: голубые шелковые шорты до колен, голубые шелковые рубашки, сандалии Меркурия и шлемы. Сандалии и шлемы Меркурия подгоняют под тебя один раз, и больше ты их уже не снимаешь. Мы взяли с собой только легкие матрасы, котелки, запас сушеной рыбы, риса, перца, фиников, сахарного песка и чая. Это прекрасная земля, и преобладающий цвет в ней – голубой. Подобно многим так называемым пустыням, она далеко не пустынна. Здесь есть лесистые участки, и время от времени мы видим отблески водоемов.

К вечеру мы добрались до большого заброшенного города: растрескавшаяся брусчатка, ямы на улицах, заросшие сорняками дома и виллы, все пустынно, оплетено лианами, в воздухе сгущается тяжелый аромат цветов, словно в похоронной конторе, никаких признаков жизни в разоренных дворах, в пустых отелях и кафе. На закате мы направились по дороге, ведущей из города. Ни одному из нас не хотелось ночевать в этом некрополе безмолвных цветов. На холме над городом мы набрели на развалины виллы, оплетенные ползучими розами. Сам дом был в худшем состоянии, чем стены, не в таком месте я предпочел бы провести ночь. Но Али встал, как вкопанный, и указал на дом. Он что-то тихо сказал Фардже, тот угрюмо глядел себе под ноги, закусив губу. Али достал из-за пояса флейту. Наигрывая незамысловатую мелодию, он двинулся вперед, мы следом. В развалинах обнаружилась комната с обоями в узорах из роз. Две уцелевшие стены, опорные колонны и голые балки потолка, увитые ползучими розами, образовали беседку. Лепестки роз осыпались на выцветшее розовое покрывало, лежавшее поверх латунного остова кровати. Едва нашли эту комнату, Али словно бы обуяло странное возбуждение. Наигрывая на флейте, он рыскал по ней, точно кот. Он обернулся к Фардже и произнес одно слово, которое я не разобрал. Фарджа стоял, опустив глаза, краснея и дрожа. Он смотрел на кровать, на стены, на ползучие

розы. Потом молча кивнул, кровь прилила к его лицу. Мальчики сняли с себя все, кроме сандалий и шлемов. Фарджа залился краской до самых сандалий. Кожа у него смугло-розовая гениталии совершенной формы не маленькие и не большие каждый черный глянцевый волосок на лобке выделен четко словно проволока. Он примерился одним прыжком перемахнул через изножие и приземлился на четвереньках в центре кровати. Потом перевернулся лег на спину поджав ноги. Али стоял у изножия… Подобно всем так называемым парень улегся согнув ноги в коленях хватая воздух широко раскрытым ртом предзакатные часы пустынные улицы медленное давление семени ректальный запах цветов два нагих тела залитые розоватым светом угасающего солнца фантомная кровать со съемочной площадки старого фильма давно брошенной на произвол сорняков и ползучих роз. Их взгляды встретились и оба дышали в унисон. Я видел как бьются под смуглой кожей сердца Фарджи и Али. Их фаллосы затвердели налились кровью затрепетали в эрекции. На кончиках показались жемчужные капли смазки. С глубоким вздохом Фарджа откинулся назад придерживая колени. Из розовой ректальной плоти исходили азотистые пары завиваясь кольцами цвета апельсина и сепии. Запах плесени наполнил воздух в ушах у меня биение и пение крови. Пары сепии рассеялись и анус Фарджи предстал трепещущей дышащей розой из плоти. Одним движением Али переступил через изножие встал на колени перед розой глубоко дыша его губы налились кровью. Роза потянула на себя его чресла вдохнула фаллос. Красный дым окутал тела. Крик роз сорвался с опухших губ розы растущие в плоти разрывая шипами восторга оплели трепещущие тела придавили их друг к другу извивающихся хватающих воздух широко открытыми ртами задыхающихся в агонии роз от острого запаха спермы.

Картинка сепией в старой книге с золотым обрезом. На форзаце золотым тиснением выведено «ЧУДО РОЗЫ». Я переворачиваю страницу. Красный цвет ранит прозрачные розы прорастающие сквозь плоть второй наклоняется пьет розы из его рта их сердца прозрачные розы корчащиеся в нагой агонии наливаясь кровью хватая воздух пустых отелей рот говорящий из латунной кровати сияющий восторг на спине колени подтянуты к груди красный дым выжигающий эрогенные дыры в трепещущей плоти нагие задыхающиеся в той фантомной кровати когда я пришел комната была оставлена во власть сорняков и вьюнков звездная пыль на скамье безмолвная пустая комната мальчик из тьмы тускнеет над цветочным магазином уклончивый взгляд старый умывальник заплесневелый дом медленная улыбка ты там

унылая нелепая комната номер 18 на последнем этаже::: моя плоть::: я мог бы::: фильм обрывается::: судорожные рывки пленки немого кино::: взгляни на тускнеющее изображение тела::: я выглядел лет на девятнадцать. «Но не то самое слово?» Темнеет::: парень::: помни ощущение такое острое что больно::: печаль в его глазах фильм 1920 годов::: арахис::: «Спасибо»::: фильм обрывается::: голый мальчик на желтом унитазе пальцы из далекого прошлого быстро набухает беззвучно кончает до боли оскалил зубы видишь теперь встал я могу трогать себя спущенные штаны ночное небо::: голый мальчик тускнеет он стерт::: «Спасибо»::: фильм обрывается::: поза из далекого прошлого шумы памяти истрепанный журнал вон там комната зернистая как старый фильм тусклое серебряное небо::: другой наклоняется к нему смеясь сравнивая::: обрывки расплывающегося дня в 1920 году::: шаткая кровать сплетенные ноги подрагивающие ягодицы фантомный мальчик кивает другой садится сверху выставленный на обозрение анус испускает запах плесени светящиеся тела содрогаются как единое целое пустынный город умирающее солнце декорации старого фильма. Я переворачиваю страницу. Сепия каждого фаллоса капля красного причиняющей боль кровь стучит поет обнаженный анус дышащая розовая плоть рот говорит мурашки восторга. Я переворачиваю страницу каждая картинка обрамлена розами.

Предложение. Обвалившаяся стена обои в узорах из роз кровать. Али указывает на кровать. Фарджа стоит угрюмый глаза в пол длинные ресницы.

Согласие. Фарджа смотрит на кровать краснея с головы до босых ног.

Завершение. Розы и шипы сквозь прозрачную содрогающуюся плоть медленный крик роз. Я переворачиваю страницу.

Эликсир Розы. Фарджа колени к груди пульсирует роза ануса. Монах спускает красную жидкость текущую из его прозрачного фаллоса.

Дерево Плоти. Запах плесени поднимается со страниц. Жрец майя вытягивает телесный сок из пузатого фаллического дерева. Он вонзил в мягкую плоть дерева обсидиановую трубку и цедит сок в каменный сосуд.

Обнаружение Сосудов. Пирамида майя. Монахи взломали дверь и обнаружили сосуды.

Листы Плоти. Монах раскатал листами сок дерева плоти по столу. Сок жемчужно-серого цвета.

Письмена. Монах выводит на листах пиктограммы из старой книги.

Творец Тел. Монах обертывает листами плоти два скелета.

Формируются два юноши. Рот анус и пенис запечатаны.

Сотворение. Монах уложил юношу на подстилку ноги согнуты в коленях. Он берет хрустальный фаллический сосуд с эликсиром. Роняет каплю между раздвинутыми ягодицами каплю на кончик пениса. Хрустальным жезлом размазывает каплю по губам. Там куда попала жидкость поднимаются азотистые пары смуглая роза сепия и апельсин. Губы раздвигаются анус трепещет фаллос фонтанирует. Юноша дышит. Я переворачиваю страницу.

Академия. Здание красного кирпича над рекой осенние листья встающее солнце.

Утренний Сон. Голый мальчик спит эрекция рот приоткрыт. Сосед по комнате стоит в изножии кровати в руках простыня которую он только что сорвал.

Пробуждение. Мальчик смотрит на свой член заливается краской с головы до ног заметив присутствие другого.

Узнавание. Другой роняет простыню прикрывавшую голое тело со смехом сравнивает капли сепии в воздухе.

Предложение. Два мальчика в комнате. «Это детские игры. Давай-ка». Один мальчик угрюмо опускает глаза.

Согласие. Роза плоти на четвереньках трепетанье в красной дымке. Он затягивает Джерри на себя Джерри встает на колени ступни дрыгаются в воздухе по-лягушачьи. Джон опускает руку втирает смазку в головку члена Джерри медленно ему дрочит долгий глубокий экстаз когда они содрогаются вместе согнув ноги толчками извергая струи. Али играет на флейте. Два парня у бассейна на четвереньках лица обращены к полной луне свет июнь колени. Али беззвучно говорит «ДА».

На рассвете два моих парня встали вышли голые в разоренный сад. Подойдя к густым зарослям розовых кустов Фарджа совершил прыжок и благополучно преодолев шипы очутился невредимым по другую сторону прыгнул следом и я сладкая рвущая боль приземлился на четвереньки упал вперед на локти тяжело дыша чувствуя розу в подрагивающих ягодицах красный поток по ляжкам когда Фарджа опустился позади меня на колени. Али на краю бассейна играет на флейте болтает ногами в черной воде. Мальчик стоит держа простыню перед собой повернувшись к полной луне. Он роняет простыню. Мальчики смеясь сравнивают картинки сепией. Я переворачиваю страницу.

Предложение. Али указывает на анус. Истрепанный журнал один опустил глаза на страницы и картинки подрагивающие губы обращенный к полной луне мальчик только что сорвал другому дрочат кончает капли в воздухе капризный юнец безмолвное «ДА» алеющие. Али указывает на анус. Глаза опущены на его голые

ступни алеющие эрогенные розы агония того цвета остро до боли трепещущие покалывание восторга пустынный город ползучие розы пустые отели парни смеясь сравниваю колени сепия. «Детские игры. Давай-ка».

Согласие …на четвереньках раздвинутые ягодицы босые ноги в старой книге сумерки у бассейна мальчик глубоко дышит угрюмые глаза опущены и протяжное «ДА» сладкая боль алеет красный поток по ляжкам спазмы восторга шипы сквозь ягодицы. Я переворачиваю страницу чувствуя как извиваясь роза оживает в моей плоти. Рассвет глаза тугие колени мальчик выдыхает с его губ протяжное «ДА» эрогенная агония тело выводит письмена запахи плесени спрыснутые в полную луну. В ответ вздох. Фильм обрывается. Старая книга с позолоченным обрезом звезды серебряная фольга пальцы из другого воспоминания голые шорты и рубашка там четырнадцатилетний мальчик от тела поднимается пар.

Взгляни на этот компас времени и ветра. Мистер, о чем? Там тусклая шаткая кровать. Я пустая комната куски размытой картинки шорох темноты тускнеет. Теперь я вспоминаю так остро что больно. Меблированные комнаты миссис Мерфи. Они встали не забыли сказать «Спасибо». Комната номер 18 на верхнем этаже фон зернистый как в старом кино. Фильм обрывается. Мальчик стоит разговаривает с другим. Их двое. Они встали голые шорты и рубашки там комната номер 18 на верхнем этаже от моего тела пар.

Мы пробовали разные способы стягивать тесные голубые шорты не снимая сандалий Меркурия но как ни пытайся перья все равно топорщатся и гнутся. Не жарко. Не холодно. Нет ядовитых насекомых, нет животных. Поднялся свежий ветер унес мои голубые шорты. Так что мы распрощались с рубашкой и шортами. Али трахает Фарджу на четвереньках. Его волчьи глаза вспыхивают а волосы встают дыбом. Потом они сделали жаркого Меркурия потрескивавшего синим пламенем и классического Меркурия с портиками лужайками и бассейнами. Мы лежим на волшебном ковре из общих тел старый страх приграничных городов еще слышался еще ощущался. Фарджа вздрагивает во сне.

Мы в зоне электрических секс-токов. Внезапно у нас начинает покалывать в паху а затем возникают картинки того что мы собираемся делать вроде как смотришь в кино на самого себя занимающегося этим и прыгаешь прямо в экран восхитительно протискиваешься а Али и Фарджа гоняются друг за другом и мутузят друг друга внутри фильма и вне его. Мы разбили лагерь в обвалившейся сторожевой башне на скальном выступе

нависшем над пустыней. Мы добрались сюда в сумерки голубой туман опускается на узкую мощеную дорожку ржавые ворота табличка заросшая вьюнком: «Объект армии США. Посторонним вход запрещен». Рядом старый почтовый ящик. Парни пинают его и он с грохотом летит вниз. Вот и старая башня. Мы забираемся в аппаратную огромные лазерные пушки сломаны верхушка башни разрушена. Мы обустраиваемся на ночлег и после вечерней трапезы Али достает флейту и музыка уводит нас все дальше и дальше в тишину. На следующий день мы оказываемся на проселочной дороге черепки красной глины обломки кремния тут и там. Фарджа находит наконечник стрелы. Мы вышли к заброшенной деревне дома из красного кирпича с шиферными крышами у ручья.

1. Пасхальное яйцо со смотровым окошком удаляется… обрывки яркой исчезающей детали… радуга дорога на почтовой открытке… мальчик у ручья босые ступни на заборе.

2. Два пасхальных яйца удаляются… призрачный запах цветов возле застывшего ручья мальчик все еще ждет.

3. Три пасхальных яйца удаляются… вдалеке стук каблуков… следы ног на продуваемой ветром улице… печальная раскрытая ладонь.

4. Четыре пасхальных яйца удаляются… пустые улицы занесены песком… дом… заросшая травой площадка для гольфа… синяя школьная форма… все дальше и дальше.

1. Приближается пасхальное яйцо… Угол улицы каменный мост радуга над рекой зеленые поля… Там голый мальчик. Он лежит на животе грызет яблоко ноги болтает скрещенными ногами. Похлопывает ногой об ногу. Перед ним на траве раскрыта книга.

2. Приближаются два пасхальных яйца… печальные старые свидетельства человечества которые я несу… двое подростков возле гаража вдалеке игрушечные машины.

3. Приближаются три пасхальных яйца… Запах карболового мыла… Трое парней в душе. Один поворачивается насмехается над ним.

4. Приближаются четыре пасхальных яйца. Одри протискивается в смотровое окошко давление поллюции зудит в паху. Он в душевой с Джоном в субботу днем. Они стоят лицом к лицу Одри смущаясь замечает взгляд Джона на своем теле… «Хочешь попробовать кое-что приятное Одри?»… Джон протягивает руку мыльными пальцами трогает Одри за член… мгновенная эрекция.

Тусклый мертвый мальчик так часто я преследовал тебя призраком твой давний цветочный запах юных ночей на заплесневелых занавесках форма пустых школ уходит все дальше и дальше. Подойди ближе. Прислушайся через пустые дворы и зольные ямы. Он нагибается в душе а Джон моет ему спину смотрит вниз на живот гениталии кусая губы в надежде что Джон перестанет пока он не потерял над собой контроль. Джон как раз трет над поясницей. Он подается вперед и говорит Одри на ухо: «Хочешь попробовать кое-что приятное Одри?»… Джон засовывает палец ему в зад двигает взад-вперед под звуки автомобильного гудка снаружи. Одри опускает голову хватает ртом воздух а его тело корчится извергая жаркие струи.

Американский дом… на улице дождь… мальчик стоит возле призрачной машины… закат… синяя форма… звонит телефон… детский голос в далеком небе… «Давным-давно ждали твоего звонка»… пальцы от телефонной трубки как дерево. Одри вытирается осторожно так чтобы у него не встало. Он отворачивается держа перед собой полотенце. Джон протягивает руку и срывает полотенце смотрит на приподымающийся член Одри… «Тебе когда-нибудь вставляли палец в задницу, Одри?»… Одри краснея качает головой… «Нагнись и упрись руками в колени»… Он услышал как Джон отвинчивает крышку тюбика потом почувствовал как в него скользнул намазанный палец. Он судорожно вздохнул и откинул голову… «Тебя когда-нибудь трахали в задницу, Одри?»… Большие пальцы раздвигают ему ягодицы Джон напрягается проталкиваясь. Розовые яйца вспыхивают в паху.

Сувенирные открытки фиолетовое вечернее небо встающее у мальчика между ног… печальные обрывки 1920-х годов… тусклые дрожащие далекие звезды сполохами в застывшем ручье… «Я ждал там»… детская фотография в иссохшей руке… Мальчик был следами на продуваемой ветром улице давным-давно.

Серебристый свет вспыхивал в его глазах.

Серебряная улыбка

Сегодня вечером мы с Реджи обедали у мистера Великого Сластосуки, и тот излагал свое новое видение порнофильмов.

– Если хотим получить достоверных персонажей, нужно сначала написать сценарий. Писателю, возможно, нелегко представить читателю сцену во всех подробностях, гораздо легче

показывать картинки. Но нет. Сцена должна быть написана до съемок. Новый подход к порнофильмам выводит на первый план сюжет и персонажей. Сейчас у нас эпоха космоса, и секс-фильмы должны отразить желание бежать от тела через секс. Путь «из» – это путь «через». – Он включает проектор. – Возьмем, скажем, сцену, где у Джонни обнаруживаются мандавошки и Марк заставляет его раздеться… Кто эти мальчишки? Что с ними будет? Они станут космонавтами, которые прикидываются американскими женатыми идиотами, пока не отправляются на корабле «Джемини» к Марсу, а по пути рвут связь и покидают Землю навсегда…

(Это случилось через несколько минут после старта. Экран погас. Радио умолкло. Космонавты отключили связь. Поговаривали о космическом безумии.)

Жена Марка рассказывала репортерам:

– Порой он пугал меня. В нем было что-то, до чего я никогда не могла достучаться.

А жена Джона:

– Он исполнял супружеский долг, но я никогда не получала от него тепла.

(ФБР не предало огласке тот факт, что в запертом ящике письменного стола Джона были найдены журналы с голыми парнями.)

Секс-сцены времен их юности поданы как пиксельная пыль в космосе, через которую они улетают к другим планетам. Декорации 1920-х годов. Секс-сцены перемежаются кадрами с разбрызгивателями на лужайках, загородными клубами, летними площадками для гольфа, классными комнатами, серебряными звездами, утренним сном в день отъезда, раздавленными и живыми лягушками на шоссе, коктейльными шейкерами, черными «Кадиллаками», прохладными уборными в подвалах, дергающейся ступней мальчишки, чарльстоном, чаем со льдом и жареным цыпленком в отеле «Грин-Инн», прудами, голым мальчиком, обнимающим колени, солнечным светом на лобковых волосах.

Комната на окраине, послеполуденный свет безжалостно ясен. Марку восемнадцать. Он в трусах, читает последний выпуск «Удивительных историй», закинув одну ногу на подлокотник кресла. Он курит сигарету. Другому парню, Джону, пятнадцать, он худ, бледен, лицо усеяно подростковыми прыщами. Он бос, одет в штаны цвета хаки и белую рубашку. Не отрывая взгляда от журнала, Марк говорит:

– Слышал, ты позавчера трахался.

– Э! Угу! Да… ну там, на Вестминстер-плейс.

– Понравилось?

– Ну да! Ничего себе так, наверное, – с сомнением отвечает мальчишка.

– Может, ты не такого хотел?

Джон подходит к окну, смотрит на улицу, скребет в промежности.

– У меня жутко чешется.

Марк лениво роняет журнал на пол. Он смотрит на Джонни сквозь сигаретный дым.

– У тебя чешется, Джонни? Где?

Джон отворачивается от окна.

– Да прямо тут, – отвечает он и все скребет в промежности.

– Поди сюда, Джонни.

Джонни пересекает комнату и останавливается перед креслом. Марк раздвигает ноги.

– Вот здесь.

Джонни делает шаг, оказывается между коленями Марка.

– Сними штаны, Джонни.

– Чего? Зачем?

– Просто сними штаны. Хочу кое-что проверить.

Джонни неловко возится с ремнем.

– Дай я.

Марк берется за пряжку. Аккуратно и ловко расстегивает ему штаны, спускает трусы. Они падают к лодыжкам Джонни. Член Джонни от почесывания приподнялся, во рту у Джонни пересохло, сердце стучит. Двумя пальцами Марк берет член Джонни за кончик, отводит в сторону, а другой рукой раздвигает волосы на лобке. Он показывает на красную отметину.

– Посмотри, Джонни…

Ох! Боже! Это происходит, он не может сдержаться! Марк поднимает глаза, и Джонни заливается краской, прикусывает губу. Марк медленно раздвигает губы в улыбке и трижды резко дергает пальцем вверх, член Джонни встает торчком и пульсирует в такт биению сердца.

Солнечный свет на лобковых волосах жалкие журналы с голыми парнями над цветочным магазином штаны спущены зеленые змеи под ржавым железом на заброшенной автостоянке старая семейная мыльная опера локон светлых волос шевелится на сентябрьском ветру рубашка расстегнута на поле для гольфа трава примята под трепыхающимися в эрекции членами влажная трава между его ног бледные ягодицы сладкая темнота секса тряский далекий туалет штаны спущены глаза смотрят вниз кривая ухмылка…

– Расслабься, Джонни. Всякое бывает…

Старая кинопленка рвется… голый мальчик на желтом стульчаке подрагивание ягодиц запах анальной слизи апельсины на ветру я помню унылое здание заросшее в запустении а потом в Мехико вижу как я разглядываю его словно пытаясь сосредоточиться чтобы вспомнить что за незнакомец стоит под пыльным деревом худой оборванный взъерошенные каштановые волосы голубые глаза пустой взгляд я помню Лондон лестница изношенный красный ковер я заметил как оттопыривались штаны у него в паху какая-то надпись на цветном снимке… «Vuelvete y aganchete»[48]… я позволяю себе обмякнуть внутрь пустота буднично он всадил через пыльное окошко полуденные холмы старая избитая исходная точка Сент-Луис в Миссури истощенное тело голова на сальной подушке мое лицо… Фильм останавливается в его глазах… голубое утро голый мальчик на желтом стульчаке подрагивающая ступня перед тумбочкой с умывальником мыльные руки повернулся ко мне и звук пулеметных очередей когда он кончает уличные тени его далекая рука вот она прямо тут мне на плечо в комнате запах болезни падающая звезда тишина опускается на опадающие листья и кровавую мокроту запах разложения рассыпался в пыль и воспоминания обрывки ног членов и задниц фрагменты медленно скользят в солнечном свете волосы на заднице развалился на кровати пыль юной руки постепенно расплываются мерцая ляжки и ягодицы запахи юных ночей.

Однажды мы вернулись домой очень уставшие и заснули голые в кровати. Мы проснулись, а комната полна лунного света. Кики лежит на животе, говорит, что тело затекло и болит, потому что он целый день таскал клюшки для гольфа, не разомну ли я ему спину. Я начинаю с плеч и двигаюсь вниз, пока не добираюсь до задницы и провожу руками по ляжкам, а он говорит:

– Mas Johnny… Mas[49]…

Тогда я раздвигаю его ягодицы, мну их, а он все твердит:

– Mas… Mas…

Я окунаю палец в вазелин, но так, чтобы Кики не видел, что я делаю, и тру пальцем сперва снаружи, а он повторяет:

– Mas… Mas…

Тогда я выписываю пальцем кружки и, наконец, вставляю, вставляю на всю длину, а он вздыхает и говорит:

– Mas… Mas…

А я говорю:

– Que mas Kiki?

Он не хочет произносить слова вслух, поэтому я продолжаю вертеть пальцем, а он корчится и, наконец, просит:

– Трахни меня, Джонни…

– Apartate las piernas[50].

Он раздвигает ноги, и я медленно вставляю ему, чувствуя, как меня обжимает сфинктер, чувствую, когда он пускает струю. После этого он не хочет поворачиваться ко мне и показывать, но я его переворачиваю, в лунном свете его сок серебряный.

На следующий день он говорит, мол, ничего такого не было, отвешивает мне оплеуху, когда я пытаюсь повторить, но несколько ночей спустя он встает с кровати, чтобы потушить окурок, наклоняется над столом, а я подхожу к нему сзади, плюю на палец и вставляю ему в задницу на всю длину, а он только вздыхает, наваливается на стол, опираясь на локти, смотрит на меня через плечо и спрашивает:

– Que me haces Johnny?[51]

Я достаю вазелин и мажу, стоя позади него, сжимаю его бедра и вставляю, мы стоим перед зеркалом, мне видно, как двигается взад-вперед мой белый зад, а он опускает голову на руки, кусает костяшки пальцев и стонет. Протянув руку, я играю с его яйцами, нежно оттягиваю его крайнюю плоть, он охает, а я ощущаю скребущую тяжесть, мы кончаем одновременно. По спине у меня бегут мурашки, меня пронизывает электрический ток, волосы у меня встают дыбом, и глаза загораются, как у кота.

Джонни стоит перед Марком, тесные штаны, палец медленно ползет вверх, расстегивает ему ширинку, раздвигает волосы на лобке, показывает красную отметину…

– У тебя мандавошки, Джонни. Иди в ванную…

Марк запирает дверь.

– Так, Джонни, раздевайся.

Джонни неловко стаскивает рубашку, вешает ее на крючок у двери. Марк расстилает на крышке унитаза желтое полотенце.

– Снимай штаны и трусы и садись сюда.

Джонни сглатывает, чувствуя холодок в животе.

– Ладно…

Во рту пересохло, сердце колотится, он нагишом садится на унитаз. Марк достает из аптечки пузырек камфары с фенолом. Садится на корточки перед Джонни. Их колени соприкасаются…

– Раздвинь ноги пошире, а то ничего не видно…

Он отвинчивает крышку с пузырька, наклоняет его над пальцем. Он поднимает член Джонни за кончик, отводит то в одну, то в другу сторону, втирая камфарное масло в волосы на лобке. От масла холодное жжение. Джонни облизывает губы и краснеет.

– Черт побери, Марк…

Марк отводит его руки и поднимает глаза, Джонни краснеет до самых пят, когда его член встает и покачивается.

– Расслабься, Джонни. Всякое бывает.

Он втирает масло вокруг тугих шаров Джонни. Смущение Джонни сменяется возбуждением. Он елозит на полотенце, капля смазки медленно выступает на кончике его члена и блестит на послеполуденном солнце.

– Ты тоже трусы снимай…

– Конечно, Джонни. – Марк стягивает трусы. – Как я и говорил, всякое бывает…

Парни смотрят друг на друга.

– Наверное, они у тебя и на заднице. Ложись-ка туда… – Он показывает на коврик. – На спину ложись.

Джонни ложится на спину, и Марк толкает его колени к верху.

– Прижми их к груди и держи так. – Он садится на корточки с пузырьком камфарного масла в руке. – Раздвинь ноги пошире, а то ничего не видно… Вот так…

Он втирает масло в волосы на заднице Джонни и слегка вокруг ануса. Джонни вздыхает от холодного жжения и опускает глаза на свой покачивающийся член.

– Нравится, Джонни?

Марк достает из аптечки банку с ментоловым вазелином. Он втирает вазелин в анус Джонни, раздвигая нежную розовую плоть, вводит средний палец до самого конца и водит им взад-вперед. От жжения внутри Джонни елозит и стонет. Его тело содрогается, анус судорожно пульсирует, горячие белые струи извергаются на впалый живот.

Ноги дергающиеся в воздухе рассеяны в пыль и воспоминания фрагменты ног членов и задниц медленно плывущие фрагменты мягко падающие по галереям игровых автоматов и подвальным туалетам палец на спортплощадке испачканный травой показывает на красную отметину…

– А вот еще одна. Раздвинь-ка ноги…

Вот черт! Это случилось слабый стон поднимает три резких движения пальцем вверх краснея до самого стучащего сердца смотрит вниз показывая на голого мальчика на желтом стульчаке а позднее в Мехико пытаясь вспомнить что это за незнакомец перед ним оборванный каштановые волосы голубые глаза штаны расстегнуты далекое бледное солнце цветной снимок расстегнул ему рубашку.

Он взглянул на юного кузена только что из деревни любопытствуя даст ли ему мальчишка. Они делили комнату в мансарде. В тот вечер они пошли в кино а потом в комнате на крыше он дал кузену впервые покурить марихуану мальчишка смеялся катался по полу пока не нассал в штаны острый запах

мочи в мексиканской ночи…

– Desnudate chico[52].

Паренек стянул мокрые штаны и трусы и стоял голый засмущался вдруг под знающим взглядом Кики. Тогда Кики толкнул его на кровать щекоча ему ребра а мальчишка безудержно хохотал…

– Por favor Kiki… Por favor…

Стараясь скрыть стояк он перевернулся на живот Кики оседлал его раздвинул ему ягодицы и почувствовал как тело обмякло под ним а мальчишка сказал:

– Bueno, Kiki, haz'lo[53]…

Кики подложил мальчишке под живот подушку чтобы приподнять ягодицы раздвинул ноги и смазал мальчишка хватал воздух и корчился когда Кики всадил ему десять толчков и они кончили вместе красными рывками зубы оскалены члены серебрятся в летней ночи затхлый запах влажного мальчишеского зада.

Занавес может внезапно подняться средний план многоквартирного дома одинокое юное лицо в холле под пыльной табличкой с именем…

– Неотложный вопрос привел меня, мистер…

Галерея игровых автоматов «Принцес» закрывается потерянное прошлое висело в его глазах парни и мастерские палец указывает на бледные небеса…

– Через мертвых я верю вам…

Лестницы удлинили тень. 6.40 вечера. Юное лицо ищет имя рука придерживает дверь шумы памяти тусклое небо одинокий полдень в 1920 году шаткая кровать прогибалась я помню другой оседлал ягодицы осязаемый аромат заполняет комнату прошлое висит в воздухе мусор и сорняки дрейф времени ребенок смеется расплывающиеся лица закатные лучи в окно ванной комнаты.

– Иди-ка сюда, Джонни. Нагнись и встань на четвереньки. Вот так. Раздвинь ноги пошире…

Холодное жжение в заднем проходе яйца болят Джонни вздыхает и смотрит на свой покачивающийся член…

– Нравится, Джонни?..

Марк достает из аптечки баночку ментолового вазелина втирает его вокруг ануса раздвигает Джонни ягодицы два смазанных пальца внутрь до самого конца ввинчиваясь холодное жжение Джонни кончает на коврик.

Ягодицы расплываются попытка сосредоточить взгляд на заднице Джонни холодный ожог белизна отель на восточной окраине Сент-Луиса. Джонни только что принял душ. От тела идет пар он пересекает комнату подходит к своему чемодану.

Вынимает упаковку лейкопластыря и нагибается залепить волдырь. Когда он нагибается у него встает. Марк в соседней комнате и Джонни надеется что он не войдет но внезапно замечает что Марк стоит в дверном проеме а затем слышит голос Марка за спиной:

– Ты похож на статую Меркурия, Джонни. Может, выпрямишься?

Джонни краснеет член торчком. А Марк уже перед ним. Джонни сдвигает колени беспомощно смотрит на Марка. Марк толкает его и он падает на спину болтая ногами в воздухе. Смеясь Марк раздвигает ему ноги голый мальчик обнимающий колени солнечный свет на лобковых волосах двое мальчишек плавали они стояли голые обняв друг друга за плечи а красноголовый дятел выбивал дробь в летнем небе, на невысокой хурме. Внезапно Джонни ощутил неловкость от чужой руки на своем плече. Он отодвинулся и взглянул вниз. Вот черт! Это случилось он залился краской а второй парень улыбнулся…

– Твой дятел торчком…

Дятел барабанит лягушки квакают мальчики были двоюродными братьями но познакомились недавно они ехали на осликах по плоскогорью и добрались до реки под мостом заброшенной железной дороги политиканы украли деньги и тогда железную дорогу построили в другом месте ржавые рельсы заросли сорняками и вьюнком старший слез с осла.

– Nadamos[54].

У младшего встал от езды на осле. Очень медленно он снял рубашку принялся стягивать штаны отвернулся чтобы скрыть стояк. Старший паренек успел раздеться догола.

– Que te pasa chico? – Старший развернул его к себе и засмеялся. – Tu te empalmas[55]…

Стоя по колено в воде старший парнишка мыл ему спину скользнул куском мыла вниз по заднице что-то начало плавиться в животе и старший уже вставил. Небо потускнело расплылось он кончил услышав из дальнего-далека рев осла музыку над площадкой для гольфа мальчик плавал в пруду сел на бетонную дамбу болтая ногами в воде поднялся вытерся заметил как что-то белеет в летних сумерках мяч для гольфа он подобрал его и тут же увидел еще один нагнулся его поднять и почувствовал кого-то за спиной обернулся это был парень постарше он узнал одного из городских которые околачивались перед зданием бассейна Джейка парень улыбнулся подошел к нему а он стоял ощущая свою наготу под понимающим взглядом парень встал прямо перед ним.

– Как тебя зовут?..

– Джон…

Парень протянул руку и сжал ему член.

– Рад знакомству, Джонни!

…мальчик сделал глубокий вдох мол давайте-ка глянем ну да конечно городской неспешно разделся развернул его ловко подсек колени так что он упал на четвереньки в сырую траву палец что-то втирающий ему в анус ягодицы раздвинуты лягушки квакают он кончил в красном приливе сквозь розовые яица рыдающие вздохи кваканье лягушек в его голове два тела слились содрогаясь ощущая мягкий ночной воздух на голом теле два белых мяча в сырой траве я помню худого бледного мальчишку последняя грустная улыбка пыль умершей надежды в его руках предложение угрюмо недвусмысленно указал на кровать я помню надежду незнакомой плоти рот тусклая комната штаны быстро сорваны и безмолвно кончили другая сцена в сарае мусор и сорняки дрейф времени детская комната фрагменты расплывающегося лица темный город умирающее солнце голый мальчик обнимающий колени солнечный свет на лобковых волосах жалкие журналы с голыми парнями над цветочным магазином вельветовые штаны спущены зеленые змейки под ржавым железом на заброшенной автостоянке старая семейная мыльная опера фосфоресцирующие стрелки часов тикают-тикают тик да так до подвальных стен задние дворы и зольные ямы серебряный серп луны обрезает небо фильма звук пулеметных очередей когда он кончает мальчик поднимает взгляд от руки насмехаясь надо мной из старой книги с золотым обрезом ящик стола заело далекая рука тянется вот она уже здесь к моему плечу сумеречный мальчишка с фиалковыми глазами рассеянный в прах и воспоминания фольга пальцы арахис фильм двадцатых годов старая пленка обрывает СЕРЕБРЯНУЮ УЛЫБКУ.

Малыш Фриско

Фронт-стрит, город Ном, Аляска, 1898 год. На другой стороне улицы – РЕСТОРАН. Я иду по тропинке в сугробах по пояс мимо собачьей упряжки, собачье дыхание клубится в воздухе, – и открываю дверь ресторана: запах китайского рагу и чили, деревянные столы, официант-китаец. Заказываю миску чили и кофе. За столами несколько старателей. Я ем чили, позади меня открывается дверь, и мою шею обдает ледяным воздухом. Кто-то входит и садится за мой стол. Это молодой человек лет двадцати трех с очень светлыми глазами. Он говорит «Привет» и заказывает китайское рагу. За другими столами болтают о собаках,

забастовках и таможенных пошлинах. Я покончил с чили и пью кофе из тяжелой белой кружки с щербатой ручкой. Занавеска между кухней и рестораном колышется от того, что официант ходит взад-вперед. До меня доносится запашок опиума. Его курят в комнатенке за кухней рабочие-китайцы с железной дороги. Молодой человек напротив ест рагу.

Он откидывается на стуле и смотрит на меня.

– Мы раньше не встречались?

– Возможно. Ты откуда?

– Из Фриско.

– Был там как-то раз.

Я предлагаю ему сигарету. Он берет ее, выуживает из кармана спичку, чиркает ей о грязный ноготь. Мы оба глубоко затягиваемся. Официант ставит на стол его кофе. Старатели расплачиваются и уходят. Мы в ресторане одни. Я тыкаю большим пальцем в сторону кухни.

– Дым. Не дает замерзнуть.

Он согласно кивает, глядя мне в лицо, глаза такие светлые, что я словно бы вижу сквозь них то, что позади его головы.

– Меня кличут Малыш Фриско.

– А я Фред Флэш. Из Сент-Луиса. Фотограф.

– Ты где-то остановился?

– Нет, только что приехал.

– Можешь зависнуть у меня.

– Ладно.

Он жил в пансионе миссис Мерфи в соседнем переулке.

– Еще два доллара в неделю, – сказала она, когда Малыш Фриско сообщил ей, что я буду жить в его комнате.

Комната номер 18, третий этаж. Он зажег керосиновую лампу. Стены обиты стальными листами, покрашенными зеленой краской, с рисунком из цветков и завитушек. Из обстановки – начищенный умывальный таз, потускневшее зеркало, двуспальная латунная кровать, два стула, моряцкий рундук у кровати. Щели в узком окне заткнуты ватой и прикрыты видавшей виды красной занавеской. Мы сели на кровать и закурили.

Я крепко затягиваюсь и вижу комнату номер 18 платяной шкаф потускневшее зеркало окно его сигарету видавшая виды красная занавеска его ноготь кровать мое лицо выплывает сквозь глаза за его затылок он кивнул кофе ест чили там была дверь в которую мы вошли а кто-то входит и садится светлые глаза китайское рагу миссис Мерфи комната керосиновый свет его улыбка сквозь сигаретный дым. Тогда я впервые увидел его улыбку. Я растянулся на кровати пускал дым к потолку смотрел как он завивается. Местами на потолке образовалась корка чего-

то белого в разводах ржавчины. Я зевнул.

– Я бы отправился на боковую, если ты не против?

– Конечно, – сказал он. – Зачем выбрасывать деньги на паршивую шлюху?

Он встал, расстегивая рубашку. Стянул брюки. Разобрал постель, и от одеял пахнуло немытым телом. Мы забрались под них и вытянулись бок о бок. Перегнувшись через меня, он задул лампу, и запах фитиля повис в холодной сырости комнаты. Снаружи злые голоса из какого-то салуна, хлопок пистолетного выстрела вдалеке. Потом я вдруг посмотрел в потолок, и комната оказалась залита серым светом, мое дыхание облачком клубилось в воздухе. Я огляделся: лампа на столе, занавеска, окно. Снаружи – тишина, снег заглушил все звуки. Я различил одежду на крючках, умывальник, тусклое зеркало. Я лежал на спине, Малыш Фриско – рядом, закинув ногу мне поперек паха. Под его ногой мой член напрягся и выпирал из трусов. Я повернулся, взглянул на него. В сером молочном свете я увидел, что его глаза открыты, и по спине у меня пробежала дрожь. В сущности, его вообще тут не было. Бледная картинка была, бледная. Я видел сквозь него. Он неспешно раздвинул в улыбке губы и повел ногой взад-вперед. Я судорожно вдохнул и стал двигаться в ритм. Он выпростал из-под одеяла руки, так чтобы я их видел, сжал кулак и сунул в него палец, потом задвигал вперед-назад. Я кивнул. Он опустил руки и стащил трусы. Я сделал то же самое. Мы лежали бок о бок, наше дыхание клубилось в воздухе. Он завел руку мне под плечи. Другой рукой перевернул меня на бок. Сплюнул себе в ладонь и растер по члену. Медленное давление, я сделал глубокий вдох, и он вошел до конца. Десять толчков, и мы кончили вместе, судорожно ловя ртом воздух, его дыхание у меня на спине. Откуда? Из Фриско. Малыш никогда не возвращается. В жизни были когда-то молодые светлые глаза. Легкие выхарканы. Потускневший воздух солнечный свет сквозь занавеску красную занавеску его ноготь улыбнулся поводил ногой взад-вперед…

– Ты где живешь?

– Меня звать Малыш Фриско. Я с Фронт-стрит, город Ном, Аляска, тысяча восемьсот девяносто восьмой год.

– Насовсем?

– Нет… Только приехал… Неплохо бы…

За то запоздалое утро дарю тебе парень лет двадцати трех керосиновая лампа на моряцком рундуке. Улыбка сквозь меня потом я огляделся в комнате номер 18 побывав там мог бы увидеть мое дыхание испаряется на потускневшем зеркале кто-то входит и садится в паху тянущая боль в паху стояк пульсирует прижатый его ногой. Засаживал и вытаскивал палец а я видел

ноготь блестевший от слюны. Стащил трусы мы лежали голые бок о бок он протянул руку провел ладонью по моему животу вниз и почувствовал как напряглось и заболело когда я притронулся к нему дрожь как от электрического разряда тот же размер то же ощущение, которую испытываю я. Кивнул, мол конечно. Он сказал зачем выбрасывать деньги на паршивую шлюху? Перевернул кровать сплюнул в ладонь давление я вдохнул холодный воздух снег наметало тут и там белая корка окно умывальник зеркало. Я бы отправился на боковую, если ты не против? Стащив трусы стоял нагишом на немытого тела с одеял и почувствовал как член входит вспышка серебра за глазами яркий холодный солнечный свет в комнате каждый предмет в резком фокусе. Я различаю одежду в разводах ржавчины боль в паху ощущая тепло ноги прижатой к стояку его бледная улыбка плюнул слюна на моей заднице на боку лицом к стене всаживает в помутневший солнечный свет я сделал вдох двигался в унисон стояк он открыл глаза и взглянул туда и увидел то же что и я что в сущности его здесь нет бледная картинка бледная смотрит на свою ногу. Меня звать Малыш Фриско. Я свалил. Только что приехал. Давай-ка… Запашок изо рта запоздалое утро ноги Малыша Фриско изношенные и смертельно бледные. Сквозь него я увидел как мой член встал под одеялом он улыбнулся пальцем взад-вперед собираясь меня перевернуть запах шелушащейся краски старые города мутное зеркало дрожь по спине и в паху белая корка у него на ноге.

– Если ты не против…

…и стоял нагишом, в комнате было тепло, и я увидел дровяную печку. Он подошел, бросил в нее полено, поставил чайник. Повесил пальто на деревянный крючок, и я сделал то же самое. Он сел на кровать и стащил ботинки, и я сделал то же самое. Он снял рубашку и повесил ее, стянул штаны. Снял чайник с печки и налил горячей воды в начищенный умывальный таз. Намылил лицо и шею и вытерся, стоя перед зеркалом. Сдернул носки, и по комнате разнесся запах ног и мыла. Он поставил таз на пол и вымыл ноги.

– Мыться будешь?

– Конечно.

Он бросил мне полотенце, и я вытерся.

– Тепло тут, – сказал он.

Он буднично снял длинные серые кальсоны, повесил поверх рубашки.

– Если ты не против.

Повернулся ко мне голый. Он стоял и почесывал задницу глядя на меня светлые глаза ощупывали мою грудь живот пах а я

глядя на него увидел что его гениталии такой же величины и формы как у меня и он это тоже заметил. Расстояние между нами несколько футов глядя друг на друга я почувствовал что кровь приливает к паху у меня вставал я ничего не мог с этим поделать его бледная улыбка теперь у нас обоих стояло мы оба смотрели на идентичную эрекцию. Мы присели на край кровати. Он сжал кулак и вставил палец, подвигал взад-вперед.

– Если ты не против.

Я кивнул. Он подошел к платяному шкафу и вернулся с тюбиком смазки. Забрался на кровать встал на колени и сделал движение руками словно вталкивал их. Я повернулся к нему на четвереньках он втер смазку медленное надавливая мы извивались, он поднял меня чтобы я встал на колени давя ладонью на яйца и когда я кончил за глазами возникла вспышка серебра и я вроде как отключился а после надо мной мутное зеркало стояк я посмотрел на него в его трусах вздыбился и я почувствовал наготу.

– Что собираешься делать?

– Я здесь недолго.

Почувствовал как у меня напрягся и зудит, по спине пробежала дрожь.

– Зачем выбрасывать деньги на паршивую шлюху?

Судорожные вдохи мой пах отснятые кадры лужайку улицы

… солнечный свет лица бледная нога.

– Хочешь?

Медленно проводит вниз по моей груди гениталиям запах разделся догола тепло в комнате мы оба со стояками как дерево.

Перед умывальником с тазом намылился вспененное мыло натер обернулся ко мне и кончил.

Потерся ногой о мой живот и к самому паху улыбка палец взад-вперед.

– Ты не против?

Когда член затвердел я не мог ничего поделать он разобрал постель.

– С тобой?

Я кивнул.

– Недавно приехал. Давай-ка. С тобой тут тепло.

Дрожь по спине вспышка за глазами солнечный свет лица это конечно же мы в зеркале со стояками у умывальника в сущности тут нет. Малыш Фриско, он же никогда не возвращается. В следующей жизни дарю тебе тот давний адрес где жил когда-то за то запоздалое утро.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

•Билли Кид спросил: «Quien es[56]?». Пэт Гэррет его убил. Джесси Джеймс сказал: «Эта картина жутко пыльная». Он влез на стул, чтобы сдунуть пыль со «Смерти Стоунволла Джексона». Боб Форд убил его. Голландец Шульц сказал: «Я хочу заплатить. Пусть меня оставят в покое». Он умер через два часа, ничего больше не добавив[57].

•Банка сардин открыта ножницами рожок для обуви использовали как ложку… грязный носок в тарелке заплесневелых бобов… зубная паста размазана по зеркалу над умывальником… окурок раздавлен в холодном омлете…

•Старая разрушенная исходная точка Сент-Луис в Миссури… разбрызгиватели для орошения лужаек летняя площадка для гольфа… чай со льдом и жареный цыпленок в отеле «Грин-Инн»… серебряные звезды классных комнат… пыль юной руки расплывается… мельтешенье ляжки и ягодицы треск пулеметных очередей когда он кончил…

– Смотри, Млечный Путь…

– Но то было давным-давно, а теперь меня вдохновляет звездная пыль небес…

… тусклые подрагивающие далекие звезды ящик письменного стола заело его рука вдалеке вот прямо тут у меня на плече.

•Жена машет мужу улетающему на вертолете. В небе полно вертолетов. Она отдает распоряжения роботу выполняющему работу по дому. В разбомбленных городах бормочущие калеки роются в отбросах.

– Мы выступили в пятницу, двадцать третьего апреля семьдесят шестого года.

– Двадцать пятого июня восемьдесят восьмого Касабланка четыре дня. Захудалая улочка на окраине.

– Третье апреля восемьдесят девятого Марракеш… улицы без освещения машины с карбидными фонарями. Похоже на гравюру конца девятнадцатого века из старого издания дневников какого-нибудь путешественника.

•Часы отбивают время. Смена времен года. Новогодние гуляки распевают «Старые добрые времена» Роберта Бернса. Бьет гонг. Боксеры расходятся по углам. Рефери с хронометром заканчивает футбольный матч.

•Ткань минералы дерево увиденные в электронный микроскоп.

•Звезды и космос увиденные в телескоп.

•Пыль и ветер далеких 1920-х годов.

Мертвое дитя

В площадках для гольфа для меня есть нечто особенное, ощущение, что там должно что-то случиться. Я помню площадку для гольфа в Танжере, но это случилось не там. Помню комнату, где не включался свет, и позднее в Мехико вижу, как стою на улице под пыльными деревьями, а за ветками и телефонными проводами – мексиканское небо такое голубое, что больно смотреть. Я вижу, как прочерчиваю небо, словно комета или падающая звезда, чтобы покинуть землю навсегда. Что меня удерживает? Сделка, из-за которой я вообще нахожусь здесь. Сделка – это тело, удерживающее меня. Мне четырнадцать лет, я худой светловолосый подросток со светло-голубыми глазами. Моя память перескакивает с одного предмета на другой серией бессмысленных, реалистичных стоп-кадров. Вот я стою перед кантри-клубом. У дверей – охранник. Я стою так долго, что он перестает обращать на меня внимание. Если я стою где-нибудь достаточно долго, люди перестают на меня смотреть, и тогда я могу пройти. Люди прекращают на меня смотреть, и тогда я могу… Женщины на рынке называют меня El nino muerto, иными словами, «мертвый мальчик», и крестятся, когда я прохожу мимо. Я не люблю женщин – ни молодых, ни старых. Я не люблю даже самок животных, и суки рычат и скулят при виде меня. Я стою под пыльным деревом и жду. Члены клуба входят и выходят. За воротами – здание, за ним – площадка для гольфа. Я хочу попасть на площадку, но мне незачем спешить. Какой-то мужчина замечает меня, проходя мимо. Он смотрит не на меня, а в негативное пространство, вычленяя мой контур из воздуха. Он останавливается и спрашивает, не хочу ли я сандвич. Я говорю ему «да», и он ведет меня внутрь, а там я сажусь за столик возле увитой вьюнком решетки, и он заказывает сандвич и апельсиновый лимонад.

(Я покупаю мертвому мальчику сандвич. Американский мальчик здесь один. Послушай, я сделал ошибку, найдя ту площадку для гольфа, чтобы говорить «сэр» и притворяться мертвым мальчиком. Путь был, разумеется, перекрыт.)

Лимонад холодит мне горло. Я сижу и ничего не говорю. За

столом еще несколько мужчин. Я вижу размытые обрывки слов, которые они называют своими проблемами. У меня нет проблем. Мне полагается добраться до площадки для гольфа, попасть на площадку для гольфа и оттуда дальше за деревья. Я помню комнату позади этой площадки, куда мне нужно попасть. Маленький блестящий мячик выплывает из моей головы и толкается снизу в виноградную шпалеру, словно воздушный шарик, пытающийся взлететь в небо, но нитка его не пускает. А теперь я снаружи. Жарко. Незнакомец дал мне немного денег. За воротами – киоск, я покупаю еще один апельсиновый лимонад. Другой апельсиновый лимонад. Мне хочется спать. Я оглядываюсь в поисках места, где бы поспать. Я нахожу закуток, где у стены лежат круглые камешки. На круглых камешках хорошо спать, почти как на песке. Я устраиваюсь поудобнее и, уткнувшись коленками в стену, засыпаю. Когда я просыпаюсь, камешки под моей рубашкой прохладные. Надо мной стоит какой-то мужчина. У него розовое брезгливое лицо. Он спрашивает, не я ли тут кэдди, то есть мальчик, таскающий клюшки и подающий мячи для гольфа. Его кэдди не пришел, и вообще что это за клуб такой, где нет кэдди, там, откуда он приехал, клубы работают как следует. Да, говорю ему я, я кэдди.

– Ну тогда пошли, – говорит он.

Нас останавливает швейцар, твердит, мол, я не кэдди в этом клубе. Мужчина спорит. Швейцар говорит, что нам надо обратиться к управляющему. Затем мы проходим. Управляющему все равно. Он дает мне нарукавную повязку с маленьким латунным кружком и номер. Я – номер 18. Мужчина не умеет послать мяч далеко и не видит, куда он закатился. Я легко нахожу ему мячи, и он говорит, мол, я лучший кэдди, кого он встречал, и вообще что американский мальчик делает здесь совсем один? Я говорю ему, что я сирота, хотя это ложь, и он дает мне двадцать песо. После того, как мужчина уходит в здание клуба, я обнаруживаю, что путь мне заступили кэдди-мексиканцы.

– Bueno, gringo… La plata…[58]

До того, как мой отец снова стал колоться морфием, он отправил меня к одному японцу учиться тому, что называют карате. Я быстро обучаюсь таким вещам, ведь я пуст внутри и у меня нет особой манеры двигаться или что-то делать, поэтому мне все равно, так это делать или иначе. Японец говорил, мол, я лучший ученик, какой у него только был. У него в спортзале был душ, и в душе он намыливал меня между ног, чтобы посмотреть, что происходит у меня между ног, когда оттуда бьет белая струя. Если я пообещаю никому не говорить, он научит меня секретам, которые никогда не показывал другим ученикам. То, что

происходит у меня между ног, на мой взгляд, как холодный напиток, в точности как ощущение прохладных круглых камешков под спиной, как солнечный свет и тень Мехико. Я знаю, что другие люди считают это чем-то особенным, что они испытывают к кому-то, и что есть слово «любовь», которое для меня вообще ничего не значит. Это просто ощущение между ног вроде зуда.

Мальчик передо мной разыгрывает сцену, которую видел в каком-то фильме. Он цедит слова углом рта. Сплевывает. Сжав руку в кулак, я наотмашь бью его в нос, кровь брызжет струей. Он прикрывает лицо, и я бью его в живот. Он падает и лежит, хватая ртом воздух. Довольно долго он лежит с синим лицом, потом наконец ему удается перевести дух. Когда я возвращаюсь на следующий день, семнадцатилетний парень – красивый, с белыми зубами и очень красными деснами – говорит, что я его друг, а его друга никто не тронет. Я рад, ведь то, ради чего я здесь, не имеет ничего общего с собачьими драками, а между людьми и собаками большой разницы нет. Я не человек и не животное. Есть здесь что-то, что я должен сделать, прежде чем смогу уехать. В тот день я – кэдди при американском полковнике, который объясняет, что нельзя упускать из виду мяч ни по жизни, ни на площадке для гольфа и что жизнь – это игра и нельзя упускать из виду мяч, он твердит, что мяч где-то здесь, а когда я его нахожу, он недоволен, точно считает, будто мяч должен быть там, где ему хочется, а совсем не там, где он на самом деле был. Я старательно повторяю «сэр» и притворяюсь, будто слушаю, но я допускаю ошибку, слишком быстро нахожу мячи, и он очень мало дает на чай. Это мне урок – не надо находить мяч слишком быстро, теперь я позволяю игроку думать, будто он сам его нашел. Мне дают все больше чаевых, и я откладываю деньги. Я не люблю возвращаться домой. Мой отец колет морфий и постоянно перетягивает руку, он болтает со старым джанки, у которого есть рецепт на наркотики, а мать целый день пьет текилу, и дымят обогреватели на керосине, и запах керосина – повсюду холодным голубым утром. Я снимаю комнату возле клуба и перестаю ходить домой. Теперь, когда у меня больше времени для себя, я могу понять, что меня здесь удерживает. Это не нитка, как я думал, не тонкая нитка воздушного шарика, нитка, которая может порваться и дать мне улететь в небо. Это сеть, которая иногда плотно опутывает меня, а иногда растянута в небе между деревьями, телефонными столбами и домами, но она всегда вокруг, и я всегда под нею.

(Дальше той площадки для гольфа путь перекрыт. Руки зудят. Утренние ноги в Мехико прохладные под моей рубашкой. Я стою под пыльным деревом, и жаркая белая струя бьет на площадку

для гольфа. Благодаря этому чувству я вообще здесь.)

Однажды во второй половине дня я сижу в сарайчике, где мы переодеваемся и принимаем душ. Там парень, который сказал, что я его друг. Остальные ушли, потому что фиеста. Парень скинул рубашку, и тело у него гладкое, как коричневое отполированное дерево. Он чистит апельсин, и запах апельсина заполняет сарайчик. Он разламывает апельсин пополам, дает мне половинку и заставляет меня сесть рядом с ним на скамейку. Он доедает апельсин и облизывает пальцы. Потом кладет руки мне на плечи, и мне видно, как его штаны оттопыриваются между ног.

– Yo muy caliente, Джонни. Ты такой горячий. – Он трется своим лицом о мое. – Quiero follarte[59].

Его тело теплое, как у зверька, я чувствую легкий зуд в животе и говорю:

– Muy bueno.

Мы сбрасываем одежду. У парня на каждом бедре вытатуировано по голубой розе. Его тугие смуглые яйца пахнут мускусом. Он достает маленькую жестянку вазелина, которую всегда носит в боковом кармане, потому что иногда трахает туристов за деньги. Я беру тюбик, натираю вазелином его член, ощущая, как он прыгает в моей ладони, словно лягушка, а он стоит, оскалив, зубы, тяжело дыша…

– Vuelvete y aganchete, Джонни…

Я поворачиваюсь нагибаюсь уперев руки в колени и расслабляюсь когда он вставляет мне я смотрю в маленькое пыльное окошко на площадку для гольфа и солнце на озере словно обрывки серебряной фольги а когда я пускаю струю кажется что площадка для гольфа растягивается а потом резко отдает обратно сталкивая мои яйца друг с другом и я заливаю деревья траву и озеро. Серебряные пятна вскипают у меня перед глазами и в окне темнота.

Я сижу на скамейке, прислонясь головой к стене, а он растирает мне лицо полотенцем.

– Ты отключился, Джонни. – Он касается моей щеки, смотрит на меня, обнажая в улыбке красные десны и обдавая меня запахом апельсина. – С тобой классно трахаться.

Я не помню. Может, это происходило не так. Мы плаваем нагишом в пруду, а потом сидим на запруде. Позади запруды – затененная деревьями ложбина, где теряются мячи, я откидываюсь назад и вижу сквозь листву один мяч внизу. Я показываю ему, и мы спускаемся вниз. Он добирается первым и подбирает мяч.

– Veya otra pelota[60].

Он нашел еще один. Сидя на корточках, он обернулся ко мне

улыбаясь, держа по мячику в каждой руке. Находка возбудила его, глаза сверкают, как у зверька. Мы полностью скрыты в нашей чаше из листьев. Пахнет илом, мхом и стоячей водой. Мы сидим в мягкой грязи, наши колени соприкасаются. Он смотрит себе между ног, наблюдая, как у него встает. Улыбаясь, поднимает глаза.

– Buen lugar para follar, Джонни[61].

Я ощущаю зуд между ног, и у меня тоже встает.

– Esperate un momento[62].

Он выбирается наверх сквозь листья и возвращается с нашей одеждой. Лезет в карман штанов и достает маленькую жестянку вазелина. Открывает ее и, став на колени, натирает себе член. Он делает жест обеими руками, указывая на свой пах.

– Aqui, Джонни[63].

Я опускаюсь на четвереньки, чувствую его палец внутри, мой анус раскрывается, и он входит до конца, его горячее прерывистое дыхание у меня на спине, мы содрогаемся в унисон, и оба кончаем через несколько секунд. Мы сидим голые, сомкнув колени, и передаем друг другу сигарету. Потом он разводит колени и показывает мне, что у него снова стоит, и говорит:

– Otra vez[64], Джонни.

На этот раз он сажает меня сверху и лежит на спине а я подскакиваю на нем как лягушка толчками извергающая струи. Небо протянулось между моими ногами расслабился когда он вставил вечером я был в сарайчике парнишка скинул рубашку ноги вместе сидя на скамейке он натирал он погладил меня по щеке посмотрел и обдав меня запахом апельсинов торчащих между его ног потерся своим лицом о мое в пруду плавая нагишом шагнув в воду он обнимает меня рукой и притягивает к себе «Bailar[65], Джонни» и я чувствую как у него встает упираясь в меня. Потом он ложится в воде на спину и у него стояк в солнечном свете мы лежим на воде бок о бок его рука на моих плечах. Мы переплываем на мелководье он протягивает руку достает штаны вынимает из кармана жестянку вазелина. Вода глубиной фута три нас накрывают ветви ивы он встает на колени в зеленом свете вода доходит ему до тугих яиц. Он вытирает член носовым платком и смазывает вазелином.

– Подними задницу, Джонни.

Я поднимаюсь из воды а он вытирает меня платком и мажет вазелином. Потом подсовывает руки мне под ляжки подталкивая меня кверху мой живот слабеет под водой и он во мне я пускаю струю в холодную воду ощущая внутри его горячие капли. После этого мы так и оставались друг в друге, только сместились туда, где глубина была около фута и я дал себе погрузиться пока мой

живот не оказался в песчаной ложбине с кустами и сорняками где мы сбросили одежду сидя там на корточках я чувствовал как ноют яйца пыльное окошко обрывки серебряной фольги деревья и трава озеро запах апельсинов толкнул меня лицом вниз он расправился с апельсином и облизал свое красное плечо muy caliente такой горячий Джонни мальчик зверек колени касаются стояк между ног сидя на скамейке Джонни он пошарил в кармане штанов и намазал свой лицо его прижато к моему чувствуя его палец чувствуя как у него встает он отвернул крышку вставил в солнечный свет кончил через несколько секунд дергаясь para follar мои ноги раздвинуты vuelvete у aganchete Джонни я повернулся растянутое небо у меня между ног расслабившись внутри когда он вставил ноги расслабился солнце на озере площадка для гольфа я пустил жаркую белую струю серебряные пятна в моих глазах я помню комнату там голый затхлый запах его тугих яиц. Я не знаю. Иногда японец. Это я пока другой намыливал себе между ног он бы мне показал что произойдет.

Моя комната – под крышей. Видны голубые горы по ту сторону долины. Каждый день после работы Кики приходит ко мне в комнату и приносит пакетик griefa[66].

– Muy bueno para follar, Джонни.

Мы сидим на краю крыши, болтая ногами. Я показываю на небо над голубыми горами и говорю:

– Однажды я уйду вон туда.

Он смотрит на меня, морщит лоб по-собачьи и говорит, что я не должен так думать, мол, это muy malo[67]. Я понимаю, что ему грустно ощущать, что нас разделяет небо.

Вскоре он сделался кэдди у богатого англичанина и перестал приходить в клуб. После я видел его только один раз. Он подъехал к клубу в «Ягуаре», в новом костюме и с большими часами на руке. Костюм плохо на нем сидел. Он улыбался, но в глазах у него стояли печаль и страх. Он рассказал мне, что этот человек берет его с собой в Англию. Мы пожали друг другу руки, и он укатил. В конце улицы он обернулся и помахал мне.

Подними свою задницу Джонни несколько секунд подпрыгивал как лягушка руки под моими ляжками приподнимая меня до самого конца на его лице вода и вошел в меня растянутое небо между моих ног расслабившись в холодной воде мы не двигались прижавшись друг к другу я помню маленькую пыльную комнату иногда обрывки серебряной фольги ребенок выходит из душа ощущая его тугие яйца мальчик зверек улыбаясь он вытер меня рывком раздвинул мне ноги его горячие капли внутри кончил туда колени соприкасаются наморщил лоб по-собачьи печаль в его глазах помахал на прощанье из своего «ягуара».

Что делает человека человеком, а кошку кошкой? Там это сломалось. Растягивалось и растягивалось и, наконец, порвалось. Взгляни на эти фрагменты: человек-сколопендра, человек-ягуар, человек в «Ягуаре», известняковый завод взрывается у него между ног, даже боль больше не человеческая.

Это началось задолго до моего появления. Я нашел храм в руинах, стелы разбиты, и никто больше не знал, как пользоваться календарем. Но мертвые жрецы и их мертвые боги удерживали нас магической сетью, и каждый день из разрушенного храма приходил надсмотрщик и говорил нам, что делать, и еще некоторое время мы выполняли его приказания, работали механически, еще слышали, еще чувствовали, мы не могли иначе. Я отличался от остальных. Я наблюдал и ждал. Однажды, когда надсмотрщик пришел со своим магическим жезлом, я поднял глаза и взглянул на него. Я увидел, что его глаза мертвы и в них больше не осталось силы. Каменным теслом я вышиб жезл из его рук. Он не мог поверить в случившееся и стоял, плюясь картинками боли, страданий от рыбьего яда, который обращает кровь в венах в мучительный огонь. Я врезал теслом ему между ног. Он вскрикнул и рухнул, корчась, в сорняки и лианы на просеке. Мой друг Ксолотль посмотрел на него и улыбнулся. Он сделал шаг вперед и поставил ногу на горло надсмотрщика. В руке Ксолотль держал острый колышек, которым делают ямки для зерен. Он крепче сжал колышек, а другой рукой стал раскачивать его вверх-вниз между ногами, словно дрочил – мы называем это «добывать огонь» – и выколол надсмотрщику глаза. Потом он поднял колышек и опустил, налегая на него всем своим весом. Колышек проткнул надсмотрщику живот, пригвоздив его к земле. Остальные столпились вокруг, наблюдали. Ксолотль выдернул из костра горящую палку и развел огонь между ног надсмотрщика. Потом мы пошли к храму. В задней комнате мы нашли старую жрицу, похожую на парализованного слизняка. Из-за ее запаха и зеленой слизи, покрывавшей ее тело, мы не могли к ней притронуться, поэтому обвязали лианами и выволокли наружу. Она умерла еще прежде, чем мы начали ее пытать. Тело мы сожгли. Нас оставалось около тридцати мужчин, плюс пять женщин и несколько младенцев, которые долго не протянут. Большинство из них заразились от старой жрицы страшной болезнью, от которой кости гниют изнутри. Сперва ноги, так что они не могли ходить и ползали, словно слизни, потом позвоночник и руки. Под самый конец – череп. Мы с Ксолотлем собрали полые тыквы-бутыли, каменные топоры и ножи и ушли в джунгли. Мы знали, что если останемся, то подхватим болезнь. И я не хотел оставаться там, где были женщины. Ксолотль и я

пошли в джунгли и жили там охотой и ловлей рыбы. Я умею ставить силки и ловушки для рыбы и для маленьких нежных оленей и прочей мелкой дичи, а животных, у которых есть панцирь, мы ловили руками и убивали, размозжив голову о дерево. Как-то раз я размозжил о дерево тыквенную крысу, и струя крови залила меня с головы до ног. Я бросил тварь на землю, и она завертелась, а острый маленький черный кончик у нее между ног стоял торчком. Ксолотль смеялся, показывая на него, а потом мы показывали друг на друга и смеялись, и я лег на землю, притворяясь тыквенной крысой, и забился в корчах, а Ксолотль поднял мне ноги, и мы добыли огонь, я дергался, как лягушка. Мы лежали долго, пока не наступила ночь и холод охватил наши тела. Потом мы сварили тыквенную крысу прямо в панцире и горстями вынимали нежное белое мясо. На следующее утро я огляделся и решил, что это хорошее место. Тут была чистая голубая речка с глубокими заводями, полными рыбы, и песчаная отмель. Поэтому мы сожгли деревья и кусты, и расчистили место, и соорудили хижину на четырех больших шестах высоко над землей. Кусачие мухи не прилетают на расчищенное место. С нашими ловушками легко было ловить рыбу. Мы ставили силки на оленей, маленьких кабанов и больших крыс, а обезьян и шнырявших по деревьям зверьков убивали из луков или из пращи. Но тыквенных крыс мы больше не убивали. Я знал, что теперь это навлечет беду. Мы ели, плавали в реке, лежали на солнце на песчаном берегу и добывали огонь, когда хотели. Много времени мы проводили, мастеря более совершенные луки, ножи и копья. Я нашел очень твердое дерево и сделал себе длинный нож, чтобы рубить кустарник. Много времени я потратил, чтобы отшлифовать дерево песком, и, когда длинный нож был готов, я мог прорубать себе путь в кустах, а однажды одним ударом убил большую змею. Поэтому я всегда носил длинный нож с собой. Шкуры животных мы коптили и натирали мозгами, чтобы сделать из них одеяла, потому что по ночам было холодно, и мы использовали мозги, чтобы вместе добывать огонь. Однажды ночью мне приснился сон. Мне явился голубой дух и показал лиану, в которой он обитал, и еще показал, как отварить лиану с другими растениями и приготовить зелье. На другой день я нашел лиану и приготовил зелье, как показал мне дух. Когда стемнело, я осушил маленькую тыкву-бутылку и дал другую Ксолотлю. Я почувствовал, как дух входит в меня слабым голубым огнем, и все стало голубым. Мы повалились на землю, воя и скуля, как звери. Я взобрался на дерево и повис на ветке вниз головой. Ксолотль был ягуаром, он толкнул меня вниз на песок, я слышал свой вой… моя голова лопается и улетает как

падающие звезды в небе растянута мягкая магическая сетка когда я выплеснул свои внутренности на песок меня наполнил голубой дух Ксолотль и я стали частью духа и лианы где он жил рыча и скуля в моей глотке. Мы лежали на песчаной отмели и я видел места похожие на поляны храмы множество храмов хижин людей зеленых полей озер и маленьких белых мячей летающих в воздухе…

Когда действие зелья прошло, нас охватила жажда, мы отправились к реке и напились. Потом мы услышали ягуара в джунглях совсем близко, вернулись в хижину и накрылись одеялами, нас била дрожь. После ягуар постоянно бродил поблизости, и по ночам мы не выходили из хижины. Мы поставили капканы и вырыли ямы с кольями, но так и не смогли поймать его, он всегда обходил их, рыча и хрипя, мы видели, как его глаза светятся в темноте. Ксолотль очень боялся ягуара. Он, хныча, прижимался ко мне словно ребенок, когда слышал, как ягуар бродит, принюхиваясь, вокруг нашей хижины. Мы принимали зелье, но не часто, потому что от него болела голова.

Я вижу котелок, полный зелья, на плоском камне посреди хижины. Мы с Ксолотлем на коленях голые перед котелком. Мы зачерпываем из него маленькими тыковками и выпиваем до дна. Зелье действует очень быстро. У нас обоих стоит, мы ждем появления духа. Ксолотль размазывает мозг животного по своей рыбе. Я ложусь на пол, подняв ноги, и в тот момент, когда приходит дух, он вводит свою рыбу в меня, голубая рыбина плавает в моем теле, уплывает в небо, где моя голова лопается, расплескивая звезды. Иногда я делаю это с ним, он распялен в дверном проеме хижины, голова запрокинута, он гортанно поскуливает, когда я вплываю в него, я чувствую свое лицо в его лице, и тут моя рыба касается кончика его рыбы и сияет там слабым голубым огоньком, он выплескивает струю в ночь, в реку, деревья и птичьи голоса.

В ту ночь было полнолуние. Я пошел выставить ловушки на рыбу и оставил Ксолотля в хижине, велев ему не выходить. С собой я взял свой длинный нож. Если ягуар набросится на меня, я всажу нож ему прямо в пасть. Я нахожу глубокую серебряную заводь и опускаю туда ловушку. Но тут я слышу рык ягуара и крики Ксолотля. Я бегу обратно на поляну и там перед хижиной вижу Ксолотля на четвереньках. Он пытается что-то сказать, но вместо этого раздается рычанье, что-то вывернуло его голову назад, что-то внутри не дает ему закрыть рот, и из десен вылезают клыки, а он молит о помощи. Внутри у Ксолотля загорелся желтый свет и погасил его глаза, а после они загорелись в лунном свете зеленым, и передо мной возник,

корчась на земле, рыча и скуля, плюясь ужасной черной вонью из пасти, ягуар. Нож выпал у меня из руки, и я блевал у дерева. Долгое время я пробыл у дерева, во рту – едкий запах того, что я выплюнул. В конце концов я оттолкнулся от ствола и подобрал нож. Ягуар исчез. На следующий день я ушел из хижины. Я не мог там оставаться.

Я побрел в джунгли и поймал несколько рыбин. Вскоре у меня начался жар. Глина, скрепляющая мое тело, иссохла. Порой я был деревом или скалой и при свете и в темноте сидел на одном месте, мне хотелось пить и есть. Иногда я принимал зелье и видел Ксолотля во плоти, я почти мог дотронуться до него и говорить с ним, но когда его не было, я молчал. Спустя некоторое время я не мог больше есть и перестал пытаться добыть пищу. Я ушел от реки и, делая по несколько шагов зараз, добрался до расчищенного места, но по пути упал, запутавшись в лианах. Я не мог подняться, моя нога была сломана, и я увидел, что это та поляна, где был храм. Я дополз до дерева на краю расчищенного места. Я прополз мимо костей надсмотрщика, у него между ног проросла лиана. Наверно, все остальные умерли. Скоро я тоже умру.

Я лежал под деревом и ждал когда в голове появятся картинки которые двигаются меняются исчезают и возвращаются смешавшись с запахами ощущениями и вкусом белого мяса и горького зелья и как меня распороло от живота до горла и я стал Ксолотлем. Я видел его глаза мертвая дичь джунглей. Я выбиваю жезл из руки надсмотрщика нашими руками. Я бью теслом ему между ног. Он вскрикивает острый маленький кончик торчком в сорняках и лианах прогалины смеялся показывал «добывать огонь» мы называли и гасит наши тела. Еще некоторое время мы делали это в наших джунглях. Я не хотел оставаться там где следили и ждали женщины. Я поднял глаза и посмотрел на силки и ловушки. В них не осталось больше силы панцирь мое каменное тесло он не мог там прижав голову к дереву выплевывая картинки боли в мучительный огонь. Ксолотль корчится и сам я дергаюсь дрочу пока не наступила ночь и холод появился в наших глазах. Играючись ночью напрягся в хижине он был гладкий я видел как блестели его глаза когда он кончил. Толика мозгов чтобы вместе добыть огонь я стою голый на коленях перед ногами в ожидании Ксолотль втирает звериные мозги в мое тело на наших руках и коленях лопающиеся яйца рассыпающиеся звезды звери рычащие и скулящие в дверях хижины у меня встал и я вплываю в него словно ягуар голова лопаясь рдеет в небе нежные струи изнутри на песок он извергал лягушек и птичьи трели там моя голова о дерево теперь была ночь и дождь тек по лицу а я вытянул руки и

поймал достаточно чтобы напиться было легко ловить рыбу на песчаной отмели и я видел как дичь и маленькие свинки дергаются и визжат в силках много храмов хижин и людей висящих на деревьях вниз головой. Я вижу котелок полный ночей в хижине. Ложусь подняв ноги ожидая Ксолотля. Он вводит в меня свою рыбу и все было голубое уплывающее в небо и я проделывал это с ним иногда Ксолотль схваченный сзади голова запрокинута хриплый стон в глотке слышал свой вой лицо в его лице вышел в ночь звезды горят слабым голубым огнем когда я пускаю свою реку бегущей воды и лиан. Свет и кусачие мухи на моей ноге я их не чувствую нога как дерево только когда я двигался от его крика острый огонь нога сломана известняковая боль в звериной лапе мертвецы вокруг как птичьи трели дождь на моем лице я не хотел оставаться я вижу котелок и покореженную хижину. Ксолотль мне приснилось как мой друг Ксолотль смеялся на горле надсмотрщика Ксолотль мои ноги прижаты к Ксолотлю дрыгающему ногами небесам. Еще некоторое время моя голова прижата к дереву. Я вытянул руки в них не осталось больше силы голова к дереву моим глазам было холодно луна той ночью во плоти я мог почти дотронуться не мог добраться нога была сломана и клыки вырывались наружу мимо костей на меня умоляя о помощи картинки все раскромсаны нож выпал я лежал там куски меня двигались и сменялись о дерево что я сблевал зеленым когда настал день и туман испаряясь поднялся к вершине высокого дерева как раз под листьями на вершине и глядя вниз я увидел свое тело лежащее там нога вывернута лицо провалилось губы оттянуты обнажая зубы я мог видеть и слышать но не мог говорить без горла без языка солнце луна и звезды на лице внизу черви в ноге сорняки прорастающие сквозь кости.

Я оставался в кронах деревьев. Когда я пытался подняться над деревьями, что-то удерживало меня, я не мог уйти с расчищенного места, чтобы забраться еще выше или в сторону. Без слов нет времени. Не знаю, как долго это продолжалось. Однажды пришли индейцы, построили большую хижину, посадили маниоку и ловили рыбу в реке. Я спустился наблюдать за ними. По ночам, когда мужчины занимались этим с женщинами в гамаках, я было забирался у них между ног, чувствуя, как мягкая сеть притягивает меня все ближе и ближе. Я знал, что, если я проникну в яйца мужчины и он кончит мной в женщину, я буду беспомощен, запутаюсь в сети. Поэтому я оставался в кронах деревьев. Или же я пытался подобраться к мальчикам и юношам, когда они были вдали от женщин. Один раз у реки у двух мальчиков встали члены, они смеялись и показывали друг на друга, провели черту на песке, и, стоя бок о

бок, начали дрочить, я было пробрался у них между ног, но один заметил меня и закричал, и они кинулись назад к хижине. Один старик принял зелье из лианы и сказал, что на расчищенном месте обитает злой дух. Индейцы ушли, и хижина обрушилась.

Тогда я спустился и жил в холодных камнях в лианах в дожде и солнечном свете долгое время я был там и больше не поднимался к вершинам деревьев потому что знал что не могу забраться выше них и я больше не пытался покинуть поляну я остался среди камней и лиан и стволов деревьев возле земли и не мог пробраться дальше поймавшая меня сеть и вылезшие в его деснах клыки я знаю что если я пробьюсь просить о помощи женщины я буду беспомощен в желтом свете проникающем в них кругом мертвецы как птичьи трели беспомощные в сети дроча и я получил руки подрочить немного моя голова видела меня и криками пробрала меня до костей умоляя о помощи под камнями и лианами я видел свое лежащее там пустое тело и я не мог говорить без горла лицом вниз а там черви в ноге вывернута назад два мальчика смеющихся в небо. Я протянул руки. «НЕТ». Бегут назад к хижине. Умоляя о чем-то удерживает меня долго как долго это тянулось… Пыль мертвых богов как паутинки на свету.

Затем приходят картинки, оставляющие следы.

Они приплыли на лодках, сзади которых был мотор. Мужчина, женщина, худой бледный мальчик и с ними шестеро индейцев. С собой они привезли ящики, инструменты, гамаки и палатки, которые они разбили на песчаной отмели. Индейцы вырубают деревья на старой прогалине, и мужчина находит разрушенный храм. Они начинают раскопки и находят горшки, обломки кремня и статуэтки. Мальчишка спит один в палатке. Сперва я остерегался показываться. Он удит рыбу в реке, а я следую за ним. Иногда он резко оборачивается и оглядывается, словно чувствует мое присутствие, и я прячусь в дерево. Он подходит, смотрит на дерево, обходит кругом, трогает его. Этой ночью полнолуние. Я иду к палатке мальчишки. Он лежит голый на койке, у него стояк, он дрочит. Я теперь очень близко, у него между ног, он смотрит вниз, он видит меня. Он открывает рот, и я думаю, что он закричит, но он улыбается, раскорячивается и продолжает дрочить, он хочет, чтобы я смотрел, как он это делает. Я проникаю ему в яйца, протискиваясь в нежные трубочки все туже и туже, пуская струи, тяжело дыша, глядя на горячий белый сок на моем животе, глядя его глазами. Я – мальчишка, лежащий голышом на простыне, дроча, в глазах – прах мертвеца. Раскололись бледные небеса. Предвечерние улицы предместья свет уныло ясный ржавеющий ключ. Я вышел через заднюю дверь

с пылью тысячи лет. Я покупаю мертвому мальчику сандвич. Американский мальчик здесь совсем один. Послушай я сделал ошибку найдя ту площадку для гольфа говоря «сэр» и притворяясь мертвым ребенком. Путь был, разумеется, перекрыт.

Летчик приземляется там была его тень… Кажется он был кэдди… его улыбка с той стороны поля для гольфа… волосы цвета сепии треплет сентябрьский ветер… моча на узких улицах… медленный палец… журналы… изогнувшийся золотыми буквами мальчик сходит со страницы… размытый подергивающийся его член извергается… рассветный запах незнакомого мальчика… голые ляжки и ягодицы… забытые ребра поднимаются на кровати… картинка сепией мальчика трахают в зад на четвереньках в сырой траве колени испачканы далекие губы разомкнуты.

Поздний гость особенная улыбка опытный взгляд с предмета на предмет обычно трудностей не возникало. «А он знает?» «Темновато тут» – сказал врач… утренний запах площадки для гольфа… развалины… летчик приземляется… тут были яйца… смутная тень… пустые глаза… Кажется он был кэдди перепачканным в траве… вода на мальчишеских ногах… тощий паренек у бассейна… дрожащие ноги в голубом утре… чувствуя небесный камень… мерцающий фильм рассвета обрывается… прозрачные руки постепенно расплываясь наклонялись показывая… Ты отключился. Понимаешь? Не мог найти микроволны… площадка для гольфа… развалины… Летчик приземляется на сентябрьском ветру… неторопливые пальцы гладили его ляжки и ягодицы… журналы… страница в разводах… тяжело дыша чувствуя как член встает… прозрачная рука… смеясь сравнивают движения… «А он?»… утренний запах… яйца цвета сепии… рассветный ветер у него между ног… смутная тень пустые глаза изогнувшиеся золотыми буквами… далекие губы скривились в медленной улыбке… цветочный магазин… мерцающие колени… наклонился показывая… тебе знакома боль меняющая очертания? Ты видишь этого мальчика? Забытые ребра тяжело дышат… зубы оскалены… мука в его глазах… картинки войны…

Зовите меня просто Джо

Американский крестовый поход 1976 года… Хор юношеского смеха и пулеметных очередей… Попурри из мелодий 1920 годов… Мальчишеские голоса поют: «Встречай меня в Сент-Луи-

Луисе»[68]… Мерцающие титры на экране… Генерал Льюис Гринфилд в собственном исполнении… В роли майора Уильяма Брэдшинкля – Ишмаэль Коэн… В роли мэра – Зеленый Тони… В роли Агента ЦРУ – Чарльз Ахирн… Двух его помощников играют Генри Койн и Джо Роджерс… В роли молодого лейтенанта – Джерри Уэнтворт… Диких мальчиков играют туземные мальчишки…

Закопченное здание из красного кирпича. 23-й пост национальной гвардии Сент-Луиса, штат Миссури. Сквозь пыльное зарешеченное окно виден гимнастический зал, где бизнесмены за тридцать и под сорок изучают карате, дзюдо и тактику коммандос. Офицеры запаса тяжело дышат, делают выпады и неуклюже швыряют друг друга на пол. Определенно, многим в обозримом будущем потребуется помощь умелых остеопатов. В раздевалках череда отвислых животов и жирных ягодиц, офицеры разной степени обнаженности тренируют захваты…

– Нет, это делается вот так.

Вечеринка в загородном клубе, стол заставлен жратвой и выпивкой. Один офицер нацгвардии перепил. Он подходит к пузатому гостю:

– Я мог бы прикончить тебя за двадцать секунд, Боуард… даже за десять запросто… вот так… Зажимаю локтем твой кадык, бью коленом по левой почке и основанием ладони резко даю тебе под подбородок.

– Эй! Ты что это делаешь?

Покачнувшись, мужчины теряют равновесие и падают, опрокидывая стол с едой. Они катаются по полу, молотя друг друга в мешанине из омаров по-ньюбургски, куриного салата, пунша и торта из мороженого с безе.

– В городах американской глубинки люди средних лет мечтают о великих свершениях, великой миссии. Вождя и выразителя своих чаяний они нашли в генерале Льюисе Гринфилде.

Генерал Гринфилд на белом коне произносит речь с вершины Арт-Хилл. Это напыщенный краснолицый мужчина лет пятидесяти с подстриженными седыми усами.

Щелканье фотоаппаратов.

– Вон там. – Генерал изображает классический жест всех сущих статуй, указывая на восток. – По ту сторону Атлантики – вертеп беззакония… Содом и Гоморра наших дней. Порядочным людям трудно поверить донесениям, составленным нашими разведчиками.

Камера показывает агента ЦРУ, висящий на шее магнитофон

покоится у него на брюхе. На экране мелькают нагие юноши, курящие гашиш.

– Кто-то скажет, мол, то, что происходит в других странах, нас не касается. Но мерзкие щупальца зла проникают в дома порядочных американцев…

Супружеская пара из предместья, в комнате сына школьные флаги на стене. Они читают записку:

«Дорогие мама и папа, я решил присоединиться к диким мальчикам. Когда вы это прочтете, я буду уже далеко. Джонни».

– По всей Америке дети вроде Джонни, соблазненные лживыми обещаниями Москвы, покидают страну и свое великое американское наследие ради жизни в наркомании и пороке. Говорю вам, всякий раз, когда анархия, порок и грязная развращенность поднимают голову и, подобно кобре, раздувают капюшон, чтобы поразить все, что для нас свято, под угрозой самое сердце Америки. Можем ли мы сидеть сложа руки, когда наша молодежь, жизненная сила и кровь великой нации, утекает в чужие клоаки? Можем ли мы сидеть сложа руки, когда смрад морального разложения подбирается все ближе к нашим границам?

Слушатели кашляют и прикрывают лица носовыми платками.

– Эта чума расползается во все стороны, столь же смертоносная в своем воздействии, как любое оружие. Я лично выделяю десять миллионов долларов на экспедицию, которая раз и навсегда сокрушит это непотребство. Разумеется, пресса нас поддержит. Каждый штат посылает офицеров и солдат национальной гвардии. Нам приходится отказывать тысячам добровольцев. Кто эти добровольцы? Что ж, я полагаю, вы могли бы назвать их рядовыми американцами, достойными налогоплательщиками, которые сыты по горло безбожной анархией и пороком. Вы все их знаете, это люди Уоллеса[69], постовой на углу, ваш ближайший сосед.

Сцены кинохроники времен Первой мировой, солдаты прощаются с возлюбленными.

Ура, ура, ура!
Идем мы за моря!
Всех побъем,
в плен возьмем.
Янки идут, янки грядут!
И вернемся мы, лишь
взяв последний редут![70]

Игра в кости на военно-транспортном судне. Парни рады оказаться подальше от жен в атмосфере грубого мужского товарищества. Высадка в Касе: красные ковры, духовой оркестр, мэр с ключами от города. Ужин для офицеров в доме мэра. Мэр держит речь через переводчика.

– Он говорит, он очень рад, что американцы пришли. Он говорит, дикие мальчики очень плохие, потому что много бед. Наша полиция не может что-то делать.

Пока переводчик говорит, на тарелки наваливают стейки, рыбу, индейку, картофельное пюре, ветчину и яйца, кукурузную кашу и кукурузные оладьи, свиные щечки и ботву репы – одно поверх другого без разбору. Камера выхватывает молодого капитана.

Молодой капитан думает: «Почему эти люди хорошие? Только потому что американцы хорошие? Я думаю, хорошие люди одинаковы во всем мире, вот как все просто!»

– Он говорит, что после обеда, когда дамы уйдут, он расскажет вам, что вытворяют дикие мальчики. Он говорит, пришло время для большой чистки. Он говорит, американцы навроде пылесоса.

Переводчик ревет, подражая главе ЦРУ Гуверу. Офицеры вежливо посмеиваются – все, кроме агента ЦРУ и двух его помощников, которые смотрят кисло и подозрительно. Дамы ушли.

– Он говорит…

Саунд-трек к немому фильму.

Музыка из «Послеполуденного отдыха фавна» Дягилева и Дебюсси. Голые юноши курят гашиш. Вводят убежавшего американского мальчика. Он оглядывается и густо краснеет. Голая рука протягивает ему трубку с гашишем. Он затягивается, кашляет, потом начинает смеяться. Одурев от гашиша, он срывает с себя рубашку. Расстегивает ремень.

– Довольно, – резко говорит генерал Гринфилд, теребя усы.

Офицеры переглядываются, потом отводят глаза, смущенно откашливаясь. Разом опрокидывают в себя бренди. Слуги торопятся наполнить бокалы, которые опустошаются снова и снова.

– Что ж, я полагаю, теперь ясно, с чем мы имеем дело, – хрипло произносит генерал. – Боже, подумайте только о порядочных американских детях… Да такое могло случиться с вашим ребенком или с моим!

Глубоко тронутый молодой капитан просит прощения и удаляется в сад. Он думает: «Я же горжусь тем, что я американец!

Горжусь великой и порядочной американской миссией, которую исполняю. Тогда почему, когда я думаю об этих педиках и извращенцах-наркоманах…» Перед ним возникает голый юноша из фильма. Он бешено раскачивается на изгороди из бирючины и порезал себе руку до кости. Смотрит на окровавленную руку…

– Когда мы выдвигаемся к Марракешу, радостные толпы бросают нам под ноги цветы.

За спинами американцев радостные лица становятся холодными и пустыми. Радостные ребята из этого эпизода позднее появятся в роли диких мальчиков. Два английских офицера смотрят парад. Один из них буднично произносит:

– В жизни не видел худших вояк.

– По прибытии… нас встречал в Марракеше мэр, толстый улыбающийся итальянец.

– ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО ДЖО, – ревет он.

– Он разместил офицерский состав на своей вилле. Мне не по себе от того, что на каждом шагу за нами наблюдают охранники с автоматами.

Охранники появляются на кадрах из гангстерских фильмов 1920-х годов, по улицам города носятся черные «Кадиллаки».

– А я все рассказываю ему про макаронников, с которыми мне довелось служить, и как их укокошили во Вьетнаме, и показываю ему все в лицах и умираю на полу, на руках у самого себя, играю за обе стороны, даже макаронники смутились, но вели себя уважительно, я же их переподхалимничал. Потом нам подают отменный обед со спагетти, и я рассказываю мэру про заведение Джо Гаравелли в Сент-Луисе со спагетти и сандвичами с ростбифом после катания на коньках.

Старое разрушенное место рождения – Сент-Луис штат Миссури. Марк и Джон, Фишка, Джимми Проныра, дикие мальчики катаются на роликах под старые шлягеры и вальсы. Звучат «Голубой Дунай», «Над волнами», «Мои голубые небеса», «Невинная маленькая ложь», «Звездная пыль, «Что мне делать, когда о тебе напоминает только фото», «Этой ночью ты принадлежишь мне», «Встретимся в Сент-Луисе». Вращающиеся разбрызгиватели на лужайке загородные клубы летние площадки для гольфа лягушки на шоссе 1920-х годов холодные подвальные туалеты подергивается ступня мальчишки «Учебная нагрузка» Олсона чай со льдом и жареный цыпленок в отеле «Грин-Инн» школьные кабинеты серебряные звезды заезженная семейная мыльная опера… «Когда спускается вечер»… темный город умирающее солнце голый мальчик прижавший к груди колени… «Я спешу к своей…» музыка по ту сторону площадки для гольфа полумесяц разрезает киношное небо… «Голубые небеса»… «В ту

ночь ты мне сказала»… порядочные люди знают что правы… «Невинная маленькая ложь»… невинность и белизна… белизна до куда хватает глаз впереди слепящая вспышка белого по горло сыты безбожной анархией и моральным разложением в хижине воняет взорвавшимися звездами. Издал треск пулеметных очередей когда кончил… «Взгляни на Млечный Путь»… «Но то было давным-давно а теперь меня вдохновляет звездная пыль небес»… дрожащие тусклые звезды ящик стола заело его далекая рука тянется к моему плечу… «Что мне делать если ты далеко»… далекое бледное солнце цветная фотография расстегнул рубашку… «… и я грущу»… цветная фотография и на обороте что-то написано… «Что же мне делать, когда только фото твое»… Vuelvete y aganchete… «напоминает мне о тебе»… пытаясь сосредоточиться вспомнить лицо на грязной подушке… «Если бы фото могло говорить»… «Срочный вопрос привел меня, мистер»… «Я слушал бы ее, всякий раз, когда грущу»… тени улиц в его глазах… «Я устраивал бы по десять шоу в день»… Марк стаскивает трусы… «И полночный концерт»… стоя в темной комнате мальчик сказал: «Я проделал долгий путь»… «Ах! Я знаю, с рассветом ты уйдешь»… пыль юной руки расплываются мерцая ляжки и ягодицы… «Но сегодня ночью ты принадлежишь мне»… рассветная рубашка на кровати запах юных ночей моча в канаве вдалеке стук каблуков… «Встретимся в Сент-Луисе»… Разрушенное место рождения – Сент-Луис штат Миссури журналы с голыми парнями над цветочным магазином штаны долой грустная старая мыльная опера. Джонни входит в душевую. Двое парней оборачиваются понимающе улыбаются. От того что он видит лицо Джонни краснеет он чувствует красные позывы в паху закатные веснушки осенние листья солнце холод на худом пареньке с веснушками серебряная фольга на ветру истрепанные звуки далекого города. Мальчики снимают коньки. Они идут через улицу к заведению Джо Гаравелли. Далекие спагетти ростбиф сандвичи камера стоп-кадр серебряная улыбка Джо.

– Вам понравился бы Джо, – говорю я мэру.

Джо Гаравелли и мэр сидят за кухонным столом. Толстая улыбчивая жена Джо приносит из погреба бутылку красного вина.

– Мне не только от автоматов в коридоре не по себе. Дело в самом Джо. Я встречал его раньше.

Рим, Берлин, Неаполь, Сайгон, Бенгази…

– Вот заявляются немцы, американцы, англичане. Спешно меняем приветственные плакаты.

Willkommen Deutschen[71] спешно снимают, а на их место вешают «Привет, Джонни!».

– Продай свою сестру, свою дочь, свою бабушку.

Сигареты, шоколад и продуктовые пайки переходят из рук в руки.

У меня неприятное ощущение, будто я нахожусь на чужой старой съемочной площадке. Да, я видел Джо раньше.

Улыбающиеся губы, холодный вероломный взгляд.

– Мы выиграем эту войну, – тихонько говорю я французскому comte[72].

(Но достаточно громко, чтобы агент ЦРУ мог меня услышать.)

Le comte поднимает бокал.

– Я пью за славную победу наших бравых американских союзников над маленькими мальчиками, вооруженными рогатками и скаутскими ножами.

Я подумал, что это просто гадко, и объяснил ему, что Америка просто делает работу, которую, как мы все знаем, надо сделать, и мы знаем, что правы, и знаем, что победим, вот так все просто. Le comte разразился резким холодным, противным смехом. Информация о численности и расположении сил противника туманна и противоречива.

Офицеры раздают направо и налево шоколад и сигареты. Мальчики указывают то туда, то сюда. Позднее они появятся в роли диких мальчиков.

– Они где-то к югу. Все сходятся на том, что, стоит нам показаться, и мальчишки сдадутся радостными толпами, лишь бы избавиться от своих русских и китайских эксплуататоров. Это вполне логично. Тем не менее мы разрабатываем тщательный план военной операции. – Генерал Гринфилд изучает карты и показывает: – Вот тут старый форт Иностранного легиона. Там можно расположить базовый лагерь. В трех днях пути.

Мы выступаем в пятницу 23 апреля 1976 года. Солдаты маршируют, распевая «Хинки-динки парле-вю» и «Подводы с амуницией за нами ползут» – бравые песенки времен Первой мировой. Пение становится все менее и менее задорным и, наконец, смолкает вовсе. Очевидно, что солдаты далеко не в форме. У нас уходит шесть дней, чтобы добраться до форта. В трехстах ярдах от форта генерал поднимает руку и останавливает колонну. Офицеры выхватывают полевые бинокли. Ворота открыты, три песчаных лисы-фенька вынюхивают что-то на плацу. Они поднимают морды, видят нас и удирают за бархан.

Форт из «Красавчика Жеста»[73]. Пересохший колодец, чертополох во дворе. Офицеры проходят по пустым помещениям, их шаги приглушает песок. От стены тянет призрачным запахом застарелого пота.

– Вот эта сгодится для офицерской столовой.

«КИЛРОЙ ЗДЕСЬ ДРОЧИЛ»

«Б. ДЖ. МАРТИН»

«Д и Д»

BUEN LUGAR PARA FOLLAR QUIEN ES?[74]

«МАЛЫШ Н.Э.»

Фаллические рисунки… (Два арабских мальчика. Один двигает в кулаке палец взад-вперед. Второй кивает. Они снимают джеллабы.) Трое американских бойскаутов разглядывают рисунки…

– Поиграем, а?

– Ты о чем? – спрашивает третий, что помоложе.

– А мы тебе покажем.

Младший краснеет и облизывает губы, увидев то, чем они занимаются.

Фаллические тени на дальней стене. Камера поспешно перемещается, словно смущенно отводит взгляд. Генерал Гринфилд прокашливается, теребит усы.

– Сержант!

– Да, сэр.

– Назначьте наряд вычистить это место… и… э… побелите здесь стены.

– Есть, сэр.

Генерал планировал оставить половину отряда в форте, а с самыми молодыми и ловкими продолжить марш к югу и завязать бой с противником. Форт он окрестил Портленд-плейс в честь квартала в Сент-Луисе.

Через два часа после того, как мы выступили из форта, на бархане внезапно возникают несколько сотен мальчишек, которые, размахивая белыми флагами, бросаются к нам с криками на ломаном английском:

– Привет, Джонни!

– Ты очень хороший.

– Большое спасибо за одна сигарета.

– За шоколад.

– За тушенка.

– Американцы очень хорошие люди.

– Русские, китайцы очень плохие. – Тут они рычат и плюются.

– Мы вам покажем, где есть вода, где ставить лагерь.

– Какой угодно киф достанем.

– Моя сестра совсем рядом живет.

Молодой капитан думает: «Похоже, наши дела идут на лад. Мальчишки проведут нас к коммунистам-гверилльяс, которые сбили из них отряд, на том все и кончится. Мальчишки темнят насчет местонахождения партизан».

– Нам туда. – Они показывают на юг.

Воду они не находят, но требуют дополнительные пайки за поиски. Места для лагеря, которые они выбирают, похоже, всегда отличаются особыми неудобствами – то гнездо скорпионов, то пещера, полная змей. Мальчишки носятся вокруг, бьют палками змей, опрокидывая палатки, переворачивая котелки с едой, распугивая мулов.

– Мальцы день и ночь путаются под ногами, сдаются сотнями. Сейчас их уже, наверное, не меньше тысячи. Продовольствие превращается в проблему. Но с этими мальчишками что-то не так. У меня ощущение, что они не так уж юны.

Генерал Гринфилд, агент из ЦРУ и майор Брэдшинкль идут по лагерю. Мальчишки вскакивают, заступают им дорогу.

– Привет, Джонни!

Мальчишки выставляют пальцы и изображают пулеметные очереди. Человек из ЦРУ смотрит на них с холодным неодобрением.

– Маленькие ублюдки, – бормочет он.

– Просто дети, – откликается генерал.

Церэушник хмыкает.

– Здесь что-то не так, генерал. Они далеко не юны.

Когда офицеры отворачиваются, юные глаза становятся холодными и настороженными, глядят им вслед с враждебной расчетливостью.

Молодой капитан думает: «Я кадровый военный, и у меня самые серьезные сомнения относительно всей экспедиции. Я ни с кем не делюсь своими мыслями. Если этот ублюдок из ЦРУ занесет меня в черный список, я могу потерять работу. Я слишком много думаю. Всегда так было. Проверки по линии службы безопасности в Вест-Пойнте всегда вызывали у меня головную боль, и я пристрастился к кодеину. У меня хороший запас таблеток, купленных в Касе, в экспедиции это помогает от хронических головных болей. Не впервые зависимость спасала человеку жизнь».

Фотография неглубоких лунных кратеров.

– Это Дом Песчаной Лисы. Хорошо подходит для лагеря.

Агент ЦРУ оглядывается с кислым видом.

– Я не вижу никаких песчаных лис.

– Феньки очень пугливы. Если увидите песчаных лис, значит, рядом никто не жить, – на ломаном английском поясняют мальчики.

Как только лагерь разбит, офицеров вызывают в палатку генерала.

Надо как-то решать проблему мальчишек.

Церэушниук говорит, мол, они явные саботажники и лучше всего перестрелять их из пулемета. Пресс-атташе возражает, мол, такая опрометчивая акция испортит нашу репутацию в глазах общественности.

– Какая там репутация? Пока вы, придурки, накачивались спиртным и набивали животы, мы с Джо и Генри разведали все вокруг. Никто тут нам не симпатизирует. Тот мэр в Марракеше перерезал бы тебе глотку, если бы ты оступился, и продал бы тебе свою мамочку, окажись ты наверху. Говорю тебе, эти ублюдки ведут нас прямиком в засаду.

Генерал поднимает руку, требуя тишины.

– Большую часть мальчишек мы отошлем под стражей назад в форт, а себе оставим несколько проводников. При первом же намеке на предательство сообщим по рации в базовый лагерь, и задержанных расстреляют. Это условие должно припугнуть проводников.

Агент ЦРУ хмыкает.

– Ну тогда, чем скорее мы возьмем их под стражу, тем лучше.

Когда, выслушав решение генерала, мы выходим из палатки, нас поджидает с пятьдесят юнцов.

– У нас очень важная информация о том, где базовый лагерь. Там muchos Chinos[75].

Ребята растягивали глаза, превращая их в щелочки, коверкали звуки, изображая китайскую речь. Эффект на редкость комичный. Затем мальчишки засмеялись. Они смеялись и смеялись… смеялись внутри нас, а с ними засмеялись офицеры, неудержимо хохотали, согнувшись пополам. Мальчишки расчихались и закашлялись. Они окружили агента ЦРУ и начали икать. Он свирепо смотрел на них, а потом сам стал громко икать и никак не мог остановиться. Такое происходило по всему лагерю, отовсюду раздавался хор иканья, хохота, чихания и кашля. Церэушник схватил мегафон и, икая, заквакал, словно гигантская жаба:

– Пуле – ик! – метом – ик! – маленьких – ик! – ублюдков! – и схватился за револьвер.

Мальчишки рассеялись. Из-за икоты его пули полетели куда попало и убили двух наших. Генерал схватил мегафон:

– Солдаты… АПЧХИ, АПЧХИ, АПЧ-ХИ…

– Доброго вам – ха-ха! – здоровьичка! – выдавил Ровер Джонс, один из его старых домашних ниггеров.

Солдаты катались по земле, писали в штаны, а мальчишки вдруг набросились на них, колотя палками, коленями, ногами и локтями. Они похватали оружие, укрылись за ближайшими валунами и открыли огонь в упор. Это была бойня. За несколько

секунд под смертоносным огнем мальчишек полегли сотни.

И зараза быстро распространялась. Хватало одного взгляда на того, с кем случился припадок, и с вами происходит то же самое. Чиханье разносилось ветром, подобно слезоточивому газу. Это вовсе не внушение. Это особый вирус-убийца. По меньшей мере половина боевого состава была поражена, а те, кто уцелел, шарились где-то на ощупь. Человек из ЦРУ получил десяток пуль сорок пятого калибра прямо в жирное брюхо. Он поперхнулся струей крови и рухнул, как мешок с цементом. Генерал еще держался на ногах, старался подавить чиханье, когда пуля из винтовки просверлила ему дыру между глаз. Он хлопнулся вниз лицом и подпрыгнул. По бессмертному выражению Хемингуэя: «Дыра у него в затылке, где вышла пуля, была такого размера, что в нее поместился бы кулак, если кулак у вас небольшой и если вам захочется его туда поместить». Я остался за старшего. Я начинаю выдавливать из себя:

– …тяжкий урок, огромная армия расколошмачена.

Я хватаю мегафон:

– Не теряйте головы, ребята. Все, кто способен двигаться, отступают. Уходите и найдите укрытие. Если ваши товарищи смеются, чихают или кашляют, не смотрите на них и не подходите к ним. Уходите и ищите укрытие.

Дикие мальчики прячутся и поливают нас огнем. Прежде чем мы выбрались из лагеря и нашли укрытие, я потерял уйму людей. Внезапно мальчишки прекратили стрельбу. Надо полагать, они мечутся по лагерю, хватая оружие и любые боеприпасы, какие способны унести. После этого они, скорее всего, отступят и вооружат своих сообщников. Зная, как быстро они способны передвигаться по скалам, нет смысла преследовать их с солдатами национальной гвардии, еще палящими в пустоту. Я приказываю прекратить огонь. Сомневаюсь, что мальчишки потеряли хотя бы одного бойца. Смех, кашель, чиханье на расстоянии звучат как звуки сборища гиен. Через четверть часа все смолкает. Последней стихает икота. Вернувшись в лагерь, мы не обнаружили в живых ни одного человека. Те, кто не был убит пулей, умерли от приступов, захлебнувшись собственной кровью. Это смертельное биологическое оружие, и своим иммунитетом я обязан «божьему лекарству»[76]. Я переворачиваю генерала на спину: надо отдать ему должное, его труп превосходно выглядит. Вопрос о похоронах не стоит, слишком много кругом тел. Поэтому для укрепления боевого духа ребят я наскоро произношу заупокойную молитву, и горнист играет отбой. Мы отходим на милю и разбиваем лагерь. Я пытаюсь связаться с фортом, чтобы получить подкрепление, медикаменты и воду…

– Арт-хилл вызывает Портленд-плейс… Арт-хилл вызывает Портленд-плейс… Ответьте… пожалуйста, ответьте…

Я пытаюсь связаться в течение получаса. Рация в Портленд-плейс молчит. Тогда я разыскиваю лейтенанта Билли Б., Сент-Луисского Энцефалита – по прозвищу и по месту рождения.

– Приберегите воду для тех, у кого есть шанс выжить.

Лейтенантик сглатывает.

– Есть, сэр.

Чем быстрее мы избавимся от раненых, тем лучше. Эти долго без воды не протянут.

Потом разражается эпидемия гепатита. Арабы считают, что желтая болезнь живет в соломе, и я вспоминаю, что мальчишки постоянно приносили в лагерь солому для подстилок. При гепатите нужен постельный режим и фруктовые соки. Такого мы обеспечить не можем. Когда заболевшие слабеют настолько, что не могут идти, мы их бросаем. Больше ничего не остается, а я-то надеялся, возглавив этих недоумков, дослужиться до полковника.

Держась в трехстах ярдах позади и рассредоточившись, дикие мальчики сопровождают нас чертовски метким снайперским огнем. Поэтому к тому времени, когда впереди замаячил базовый лагерь, наши ряды основательно поредели. Издали форт похож на старую съемочную площадку. Мы осторожно приближаемся. Триста ярдов. Я изучаю форт в полевой бинокль. Никого не видно. Никакого флага. Ворота открыты, и я вижу трех песчаных лисиц-феньков, вынюхивающих что-то на плацу. Мы медленно продвигаемся, готовые залечь в укрытии. Двести ярдов. Сто ярдов. Пятьдесят ярдов. Теперь мы стоим перед фортом. Он выглядит в точности как в тот день, когда мы прибыли из Марракеша. Держа оружие наготове, мы входим во двор. Чертополох, пересохший колодец. Ничего и никого. Вместе с юным лейтенантиком я начинаю обход помещений. Песок на полу, тишина и пустота. Мне приходит в голову, что мне не нужны свидетели на случай, если я доберусь до офицерской столовой, а там вдруг завалялись казначейские билеты или что-то в этом роде. Я поворачиваюсь к лейтенанту:

– Дальше я пойду один, лейтенант. А вы возвращайтесь и оставайтесь с солдатами. Если со мной что-нибудь случится, здесь должен быть хотя бы один оставшийся в живых офицер.

Он глядит на меня с восхищением и отвечает:

– Есть, сэр.

Боже, что за дурак! В комнате офицерского состава пусто.

«КИЛРОЙ ЗДЕСЬ ДРОЧИЛ»

«Б. ДЖ. МАРТИН»

«Д и Д»

BUEN LUGAR PARA FOLLAR QUIEN ES?[77]

«МАЛЫШ Н.Э.»

Я вспоминаю, что командовать фортом оставили некоего полковника Макинтоша, аптекаря на гражданке. Он был высоченным и крупнокостным, злобным и тяжелым на подъем. А заместителем ему поставили отвратного, страдавшего запорами религиозного капитана, что был тюремным психологом в Техасе. По фамилии Знай-Наших, если память мне не изменяет.

«КИЛРОЙ ЗДЕСЬ ДРОЧИЛ»

«Б. ДЖ. МАРТИН»

«Д и Д»

BUEN LUGAR PARA FOLLAR QUIEN ES?

«МАЛЫШ Н.Э.»

Никакого полковника, никакого капитана, никакого стола, никаких карт… Ничего. Пустое помещение… вот так… Мурашки по спине, точно маленький зверек с холодным носом только что ткнулся мне в шею сзади. Сами воспоминания о тех двух придурках тускнеют. Я едва могу разглядеть их лица. Два человека, которых я сильно невзлюбил очень давно, так давно, что забыл, как они выглядят. Полковник растворяется в пыль у меня на глазах, обрывки воспоминаний на месте аптеки старого Макинтоша. Какая сила могла сдвинуть с места этот тяжеленный ком застарелой ненависти? Наверное, нечто столь простое, как икота времени. Пустое помещение… вот так вот. Теперь я знаю, что такое крестовые походы. Юные мальчики – существа иной породы. Они не сменят нас при помощи революции. Они забудут нас, будто нас не существовало вовсе. Происшествие в Доме Песчаной Лисы было просто случайной забавой, приправленное точно отмеренной дозой шоу. Демонстрацией. Оставьте нас в покое.

Прислонившись к стене, я нацарапал записку: «Получил приказ вернуться на флагманский корабль. Полковник Макинтош».

Я иду назад во двор и показываю записку лейтенанту, благодаря Господа за его тупость.

– По крайней мере мог бы оставить нам немного воды и провизии, – говорит он.

– Вы подвергаете сомнению действия старшего по званию, лейтенант?

Его кадык ходит ходуном.

– Никак нет, сэр.

– Хорошо. Поднимайте людей. Мы выступаем.

Темнеет (возможно, лишь у меня в глазах), дальше ста ярдов ничего не видать. Полевой бинокль mucho давным-давно.

Чертополох сухой колодец существа иной породы Килрой приказано вернуться на флагманский корабль полковник фаллические Рисунки. Песчаная лиса обнюхивает мою шею.

– Давай поиграем, Макинтош…

Икота времени. Бог такой дурак. Долгое-долгое молчание радио Портленд-плейс.

Вода кончилась. Зато в избытке желтуха. На второй день мы видим деревню, пальмы, бассейн. Я выкрикиваю в мегафон предостережение, но эти дурни кидаются прямо в пекло ружейного и пулеметного огня из деревни. Я отвожу назад выживших. Бесполезно штурмовать деревню, если там укрылись мальчишки. Мы обходим деревню и идем дальше. Из двадцати тысяч солдат, выступивших под командованием генерала Гринфилда, полторы тысячи оборванных желтых безумцев добредают, пошатываясь, до американской базы в Касе. (Le comte разразился резким холодным, противным смехом.) Меня среди них нет. Я знаю, что начальство захочет свалить на кого-нибудь ответственность за катастрофу, и не собираюсь становиться козлом отпущения. А еще я знаю, что какой-нибудь пронырливый ублюдок из ФБР захочет выяснить, что случилось с денежным довольствием. Теперь у меня новое имя и отличный бизнес в Касе.

Ресторан Джо Гаравелли в предместье Касабланки. Добро пожаловать, дикие мальчики.

– ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО ДЖО.

«Мы с Мамочкой желаем знать»

Беспокойная весна 1988 года. По всему западному миру под предлогом наркоконтроля возникли репрессивные полицейские государства. Точное программирование мыслей, чувств и очевидных зрительных и визуальных впечатлений посредством методов, изложенных в циркуляре 2332, позволяет полицейским государствам поддерживать демократический фасад, под прикрытием которого они объявляют преступниками, извращенцами и наркоманами всех, кто выступает против механизмов контроля. В крупных городах действуют подпольные армии, бойцы которых донимают полицию анонимными телефонными звонками и письмами с ложной информацией. К примеру, вооруженная полиция врывается к сенатору – на званый ужин, результатом которого должна стать внушительная сделка по неучтенным самолетам.

– Мы получили наводку, что тут оргия голых наркоманов. Отойдите-ка в сторонку, мальчики, а вы, ребята, не снимайте одежду, а не то я выпушу вам поганые кишки.

Мы поднимаем ложную тревогу на полицейских частотах,

направляя патрульные машины к местам несуществующих преступлений и уличных беспорядков, что позволяет нам нанести удар по другим объектам. Отряды фальшивых полицейских обыскивают и избивают обывателей. Фальшивые рабочие-строители перекапывают улицы, повреждают канализацию и обрезают силовые кабели. Инфразвуковые установки врубают по всему городу охранную сигнализацию. Наша цель – тотальный хаос.

Комната на чердаке, карта города на стене. Пятьдесят мальчиков с портативными магнитофонами записывают с телевизора звуки уличных беспорядков. Все в одинаковых серых фланелевых костюмах. Они привязывают магнитофоны под габардиновые пальто и слегка спрыскивают одежду слезоточивым газом. Потом врываются в толпу в час пик, включая на полную громкость записи пронзительных полицейских свистков, криков, хруста разбитого стекла. От их одежды веет слезоточивым газом. Они рассеиваются, нацепляют карточки корреспондентов и возвращаются, чтобы сделать репортаж «с места событий». Бородатые яппи мечутся по улице с молотками, колотя витрины и окна, вслед им несется пронзительный вой охранной сигнализации. Закончив, они срывают бороды, переворачивают воротнички и превращаются в полсотни чистеньких пасторов, которые швыряют зажигательные бомбы под все до единой машины, – БА-БАХ! – позади них квартал взлетает на воздух. Чтобы довершить начатое, являются с топорами и шлангами их соратники в униформе пожарных.

В Мексике, Южной и Центральной Америке партизанские отряды объединяются в армии, чтобы освободить Соединенные Штаты. Подобные же отряды в Северной Африке от Танжера до Тимбукту готовятся освобождать Западную Европу и Великобританию. Несмотря на разницу в целях и составе участников, подполье едино по основным вопросам. Мы намерены выступить против полицейской машины повсюду. Мы намерены уничтожить полицейскую машину и все ее архивы. Мы намерены уничтожить все догматические вербальные системы. Мы намерены искоренить семейную ячейку и метастазы, которые она запустила в племена, народы и страны. Мы не желаем больше слушать семейную болтовню, материнскую болтовню, отцовскую болтовню, полицейскую болтовню, пасторскую болтовню, провинциальную или светскую болтовню. Попросту говоря, мы достаточно наслушались дерьма.

Я – на пути из Лондона в Танжер. В Северной Африке я хочу установить контакт с группами диких мальчиков, оперирующих на территории от окраин Танжера до Тимбукту. Ротация и обмен

– ключевые элементы подполья. Я везу им современное оружие: лазерные винтовки, инфразвуковые установки, «Оргонный луч смерти». Я обучу их особым навыкам и переброшу отряды диких мальчишек в города Западной Европы и Америки. Мы знаем, что Запад вторгнется в Африку и Южную Америку в масштабной попытке разбить партизанские отряды. В своем четырехтомном трактате о недуге авторитаризма доктор Курт Унру фон Штайнплатц предсказал эти новые крестовые походы. Мы готовы наносить удары в городах противника и оказывать сопротивление на территориях, которые в настоящий момент удерживаем. А пока мы наблюдаем, тренируемся и ждем. У меня тысяча лиц и тысяча имен. Я – никто, и я – все. Я – это я, и я – это вы. Я здесь, там, впереди, позади, внутри и снаружи. Я повсюду, и я нигде. Я есть, и меня нет.

Маскировка – это не фальшивая борода, крашеные волосы и пластические операции. Маскировка – это одежда, осанка и поведение, не вызывающие ни тени подозрений… Американский турист с женой, которую он называет «Мамочка»… Старый педик, жаждущий потрахаться… грязный битник… кинопродюсер-маргинал… Каждый предмет моей одежды и моего багажа тщательно продуман, чтобы производить определенное впечатление. Под таким прикрытием я могу какое-то время действовать без помех. Ровно сколько, сколько надо, и довольно долго. И потому я иду по бульвару Пастера, раздавая деньги проводникам, гидам и чистильщикам обуви. И вот лишь один из моих обыденных поступков. Я покупаю сувенирный мушкет с фитильным замком – из тех, которым явно предназначено висеть над фальшивым камином в Вест-Палм-бич во Флориде, и ношу его с собой в оберточной бумаге дулом наружу. Я навожу справки в консульстве.

– Послушайте, мы с Мамочкой желаем знать.

Это «Мы с Мамочкой желаем знать» открыло мне двери офиса «Американ Экспресс» и роскошного отеля «Минзах», где я достаю из кармана толстые пачки банкнот.

– Сколько им дать? – спрашиваю я у вице-консула, кивая на толпу проводников, притащившихся за мной в консульство. – Вы, случаем, не встречались с моим конгрессменом Джо Линком?

Будьте уверены, никто не раскроет мое прикрытие. Нет лучшего прикрытия, чем занудство. Увидев мою личину, вы допытываться не станете. Вы постараетесь поскорее отвести глаза. Когда ты на задании за границей, ничто так не выручает, как старые добрые фотоаппараты и экспонометры, которыми американский турист обвешан с ног до головы.

– Сколько ему дать, Мамочка?

Я могу пристроиться к любой старушенции, и она улыбнется и закивает, так ей все знакомо… «Наверное, с этим симпатичным человеком мы познакомились в самолете из Гибралтара». Капитан Кларк приветствует вас как старого знакомого и спрашивает:

– А это что за бланк? Я не читаю по-арабски. – Потом оборачивается ко мне: – Мне нужна помощь, Мамочка.

И я показываю ему, как заполнить бланк, а после этого он подойдет ко мне на улице – «ах этот миляга, его все норовят обмануть».

– Что он говорит, Мамочка?

– Думаю, он хочет денег.

– Все они хотят. – Он поворачивается к армии нищих, проводников, чистильщиков обуви и проституток обоего пола и делает тщетный жест. – Пошли прочь! Убирайтесь!

– Один дирхем, ми-и-истер.

– Одну сигарету.

– Хотите большой, ми-и-истер?

А те европейцы и американцы, кто давно тут живет, переходят поскорее на другую сторону улицы. Нет, им меня не расколоть. А на крайний случай у меня уйма особых трюков и личин.

Тип с дико вращающимися глазами и не менее диким взглядом утверждает, мол, трепанация лучшее средство, он вталкивает вас в гараж и пытается на месте проделать это электродрелью.

– А теперь будьте добры сесть сюда.

– Послушайте, что это?

– Одну минутку, и вы вырветесь из сковывающего вас черепа.

Так что слухом земля полнится, мол, от этого типа нужно держаться подальше. Он нужен вам, как дырка в голове.

В моем арсенале есть убийственные старосветские зануды, переводящие Коран на провансальский язык или творящие новую космологию, основанную на «мозговом дыхании». А есть еще любитель животных с экзотическими питомцами. Агент ЦРУ с мокрым от пота лбом подозрительно смотрит на зверька, сидящего у него на коленях. Крупный оцелот запустил в него когти, и всякий раз, как церэушник пытается его стряхнуть, зверек рычит и вцепляется сильнее. Залива Свиней мне, хвала небесам, больше не видать.

Итак, я даю себе неделю на укрепление моей легенды и налаживание связей. Полковник Брэдли знает диких мальчиков лучше любого другого в Африке. По сути, он всю свою жизнь посвятил местной молодежи и, кажется, получил что-то взамен. Поговаривают о сделке с дьяволом, и действительно для

человека, которому за шестьдесят, он выглядит неприлично молодо. Сам полковник объясняет это с подкупающей искренностью:

– Этот мир не для нас. Увидев мальчиков, сами поймете.

Мы едим ланч на террасе его дома в горах. Тенистый сад с прудами и дорожками тянется вниз до утеса над морем. На ланч у нас палтус в сливочном соусе, куропатка, дикая спаржа, персики в вине. Совсем не то, что унылая кормежка кафетериев, которой мучили меня в западных городах, где я выдаю себя за безликого апатичного обывателя, которого на каждом углу задерживает и допрашивает полиция, грабят наглые бандиты, который, добравшись до обворованной квартиры, застает там бригаду наркоконтроля, в очередной раз роющуюся в домашней аптечке. Нам прислуживает гибкий молодой малаец с ярко-красными деснами. Полковник Брэдли указывает на него вилкой:

– Непросто было протащить это лакомство через миграционный контроль. От консульства вообще не было толку.

После обеда мы устраиваемся поудобнее, чтобы обсудить мое задание.

– Дикие мальчики, так сказать, «накипь» североафриканских городов. Процесс начался в шестьдесят девятом. Весна в Марракеше в тот год выдалась неспокойная. Весной в Марракеше всегда неспокойно, день ото дня становится все жарче, плюс сознание того, каково будет в августе. Той весной по мусорным свалкам, переулкам и площадям города рыскали так называемые бензиновые банды: они обливали встречных бензином и попросту поджигали. Они могли ворваться куда угодно. Вот, скажем, симпатичная молодая парочка сидит в своей мещанской гостиной и вдруг… «Эй, вы! Да, вы!» Откуда ни возьмись объявляются эти ребята и обливают их с головы до ног бензином из огнетушителя. Я сделал несколько хороших снимков из шкафа, где предусмотрительно спрятался. Фото мальчика, который зажег спичку. Он дождался, пока его шестерки обольют парочку, потом зажег спичку: лицо – юное, чистое, безжалостное, как очищающее пламя, – поднес спичку достаточно близко, чтобы уловить запашок дыма. Потом от той же спички прикурил сигарету «Плейер», затянулся и расплылся в улыбке. Он слушал крики, а я подумал, бог мой, какая реклама сигарет: пикник на пляже и там МАЛЬЧИК со спичкой. Он смотрит на двух девушек в бикини. Когда он чиркает спичкой, они наклоняются вперед с ЛАКИСТРАЙКЧЕСТЕРФИЛЬДОЛДГОЛДКЭМЕЛПЛЕЙЕРОМ и бойко так ему салютуют.

«МАЛЬЧИК» пошел в рекламе прямо как горячие пирожки. Загадочная улыбка на нежном юном лице. На что, собственно,

МАЛЬЧИК смотрит? Мы же сигареты собрались продавать или что-там еще, за продажу чего нам платят. МАЛЬЧИК оказался жуть как крут, сущий двигатель продаж. МАЛЬЧИКУ храмы воздвигли, его лицо появилось на семидесятифутовых плакатах, и все подростки стали вести себя как МАЛЬЧИК, который глядит на вас мечтательным взглядом – рот приоткрыт в ожидании пшеничных хлопьев «Уитиз». Все они купили рубашки с МАЛЬЧИКОМ и ножи от МАЛЬЧИКА, стали рыскать повсюду, как стаи волков, поджигать, грабить, убивать. В то лето поветрие охватило весь Марракеш. По ночам город сиял и мерцал от человеческих факелов, отбрасывавших тени и блики на стены, деревья, фонтаны – довольно романтично. Можно было определить, какие районы наиболее опасны, просто попивая скотч под звездами у себя на балконе. Как-то я наблюдал, как турист на площади горел синим пламенем, – к тому времени мальчики раздобыли бензин, горевший самыми разными цветами… – Он включил прожектор и подошел к перилам балкона. – Взгляните вон на те маленькие фигурки, растворяющиеся в свете. Правда, похоже на сказочную страну? Если, конечно, забыть про запах бензина и паленого мяса.

Ну так вот, в конечном итоге вызвали военных, полковника Арахнида Бен Дрисса, его люди разъезжали по городу на грузовиках, отлавливали «бензиновых мальчиков», вывозили за городские стены, брили им головы и расстреливали из пулемета. Уцелевшие ушли в подполье или бежали в пустыни и горы, где создали себе новый образ жизни и освоили новые способы боевых действий.

Дикие мальчики

– Они невероятно выносливы. Банда диких мальчишек может проходить до пятидесяти миль в день. Чтобы преодолеть такое расстояние, им достаточно горстки фиников, кусочка сахара и кружки воды. Звуки, которые они издают перед атакой… Я видел, как от шума вдребезги разлетелись стекла оранжереи на расстоянии пятидесяти ярдов. Позвольте вам показать, как выглядит атака диких мальчишек. – Он повел меня в проекторную. – Разумеется, это документальные съемки, но я смонтировал материал в своего рода повествование. Как вам известно, я был в одном из первых экспедиционных отрядов, посланных против диких мальчишек. Позднее я перешел к ним. Я видел атаки с обеих сторон. Вот один из моих первых фильмов.

Полковник осаживает лошадь. Это скверное место. Склоны холмов круто спускаются к узкому руслу пересохшей речки. Он внимательно разглядывает склоны в полевой бинокль. Холмы поднимаются к черному плоскогорью, иссеченному жилами железной руды.

– С самого прибытия в означенный район наш полк обхаживало местное население, твердившее, дескать, они так рады, что храбрые английские солдаты пришли избавить их от диких мальчишек. Женщины и дети забрасывали нас на улицах цветами. Это попахивало вероломством, но мы были одурманены жутким бор-бором, который они подсыпали нам в еду и питье. Бор-бор – наркотик вызывающий женские образы, и говорят, что тот, кто принимает бор-бор, не увидит дикого мальчика, пока не станет уже слишком поздно.

Вот тут, видите, наш полк уже прошел полдолины. Все еще жаркий полдень, воздух угрюмо наэлектризован. И внезапно они возникают по обе стороны от нас, четко видимые на фоне черного плоскогорья. По долине проносится эхо их жуткого боевого клича, эдакого шипящего выдоха, вроде безбрежного: «ХТО-О-О!..» Глаза у них светятся, как у кошек, а волосы стоят дыбом. И они с невероятной скоростью несутся по склону, перепрыгивая с камня на камень. Мы палим, что есть мочи, а они все равно наступают. В них нет ничего человеческого, скорее уж они напоминают маленьких злобных духов. Они вооружены восемнадцатидюймовыми охотничьими ножами с кастетами на рукоятках. Целая их орда хлынула в пересохшее русло реки, они прыгают на нас со склонов, размахивая ножами. Если одного убивают, его тело оттаскивают в сторону, и место занимает

другой. Полк выстроился в каре и протянул… Секунд тридцать.

Я предусмотрительно спрятал свое имущество в пересохшем колодце и залег рядом в зарослях чертополоха, чтобы наблюдать за резней. Я видел, как полковник разрядил револьвер в нападавших и исчез под десятком диких мальчишек. Мгновение спустя они подбросили в воздух его окровавленную голову и принялись играть ею в футбол. На закате дикие мальчишки собрались и побрели прочь. Трупы они раздели догола, у многих отрезали гениталии. Из человеческой мошонки дикие мальчики делают маленькие мешочки, в которых носят гашиш и листья и веточки ката[78]. Заходящее солнце залило искромсанные тела розовым светом. Я ходил, благополучно жуя сандвич с курицей и останавливаясь время от времени, чтобы осмотреть любопытный труп.

Существует множество групп, разбросанных на обширном пространстве от окрестностей Танжера до Голубой Пустыни Безмолвия… Мальчики на парапланах, вооруженные луками и лазерными винтовками, мальчики на роликовых коньках, их – отличительные черты голубые плавки, стальные шлемы и охотничьи ножи. Есть нагие мальчики с духовыми ружьями, эти носят длинные, до середины спины волосы и малайский крис на бедре. Есть мальчики с пращами, есть метатели ножей, есть лучники, есть такие, кто дерется голыми руками, есть мальчики-шаманы, оседлавшие ветер, и те, кто подчиняет себе змей и собак. Есть мальчики, наловчившиеся насылать проклятие, указав на врага костью, а есть такие, кто способен поразить врага, заколов его отражение в тыквенной бутыли с водой. Есть мальчики, умеющие призывать и насылать саранчу и блох, есть пустынные мальчики, пугливые, как лисы-феньки. Есть мальчики-сновидцы, которые умеют проникать в сны друг друга, и мальчики-молчальники из Голубой Пустыни. В каждой группе развились особые навыки, каждая обрела особое знание, пока не превратилась в подвид человечества. Один из самых впечатляющих отрядов – внушающие ужас Бойцовые Муравьи из мальчишек, потерявших в сражениях обе руки. Они носят сандалии и плавки из алюминия, их головы туго стягивают стальные шлемы. Им прислуживают музыканты и мальчики-танцоры, врачи и электронщики, которые носят за ними оружие, ввинчивающееся в их культи, закрепляют на них пряжками плавки, зашнуровывают сандалии, омывают и умащивают их тела мускусом из гениталий, роз, карболового мыла, гардений, жасмина, гвоздичного масла, амбры и слизи прямой кишки. Эта одуряющая вонь – первый признак их появления. Мальчики помладше экипированы острыми как бритва клешнями, которые

могут отхватить палец или подрезать сухожилия на ноге. Бросаясь в атаку, они клацают клешнями. У мальчишек постарше к культям привинчены длинные обоюдоострые ножи, способные рассечь в воздухе шарф.

На экране – прежний полк, тот же каньон, тот же полковник. Полковник беспокойно принюхивается. Его конь встает на дыбы и ржет. Внезапно возникают вспышки серебристого света, солнце играет на шлемах, на ножах и сандалиях. Мальчики налетают на полк словно смерч, у самой земли «Муравьи» помладше подрезают сухожилия, ударные отряды старших обеими руками прорубают себе дорогу сквозь ряды солдат, за ними взлетают вверх отрубленные головы. Все заканчивается в считаные секунды. Из полка не уцелел никто. Дикие мальчики не берут пленных. А после первым делом заботятся о своих тяжелораненых, не имеющих шансов выжить.

Полковник сделал паузу и набил трубку кифом. Казалось, он всматривается в нечто очень далекое и давно прошедшее, и я поморщился, потому что в то время был придирчивым фулбрайтовским педиком, страшащимся вульгарно интимного опыта с эротическим призраком арабского мальчишки. Я думал, как же зануден полковник со своими аляповатыми побасенками в духе старины Лоуренса, на руках у которого умирают верные туземные юноши.

– Как я вам уже говорил, первые племена диких мальчишек возникли из тех, кому удалось спастись от террора полковника Арахнида бен Дрисса. Эти подростки были втянуты в водоворот беспорядков, воплей сжигаемых заживо и пулеметных очередей и выброшены из времени. Кочевые приматы в бензиновой трещине истории. Официальные лица отрицали, что за какими-то несуществующими беспорядками последовали какие-либо несуществующие репрессии. «В марокканской армии нет никакого полковника Арахнида, – заявил представитель министерства внутренних дел. – Не удалось найти свидетелей, которые заметили бы что-то из ряда вон выходящее, если не считать самого жаркого августа за много лет. И «бензиновые мальчики», и полковник Арахнид привиделись пьяному корреспонденту агентства «Рейтер», который лишился рассудка, когда его лакей ушел к англичанину-кондитеру». Как вы могли догадаться, «корреспондентом агентства «Рейтер» был ваш покорный слуга.

…Вот мальчики готовят еду на кострах… Тихая долина у речки, спокойные молодые лица омыты рассветом, предшествующим творению мира. Старые фаллические боги Греции и аламаутские убийцы все еще таятся среди марокканских холмов, подобно печальным пилотам, ждущим, чтобы подобрать

уцелевших. Звуки флейты плывут по улице Сент-Луиса вместе с осенними листьями.

На экране старая книга с золотым обрезом. Заглавие золотым тиснением – «Дикие мальчики». Холодный весенний ветер треплет страницы.

Погодные мальчики с облаками, радугой и северным сиянием в глазах изучают небо.

Планирующие мальчики с розовыми и алыми крыльями парят на голубых сполохах заката, из золотых лазерных ружей рвутся стрелы света. Мальчики на роликовых коньках медленно кружатся по развалинам предместий, полумесяц цвета китайской лазури в утреннем небе.

Голубые вечерние тени на старом катке, запах пустых раздевалок и заношенных плавок. Мальчики сидят кружком на гимнастическом мате, обняв руками колени. На мальчиках только шлемы из голубой стали. Взгляд камеры медленно движется от паха к паху, безмолвно, напряженно, и останавливается на худом смуглом юнце, его лицо усеяно подростковыми прыщами. У него встает. Он выходит на середину и трижды поворачивается кругом. Садится, подтянув к груди колени, лицом к опустевшему месту, где только что сидел. Он медленно поворачивается на пятой точке, глядя по очереди на каждого мальчика. Его взгляд встречается со взглядом одного из них. Легкий щелчок, капля смазки появляется на кончике его фаллоса. Он откидывает голову на кожаную подушку. Избранный мальчик опускается перед ним на колени, внимательно рассматривает его гениталии. Он сжимает кончик, вглядывается внутрь сквозь линзу смазки. Играет тугими яйцами, осторожно пробегает медленным и точным движением пальца вверх и вниз по стволу, размазывая смазку вдоль разделительной линии, нащупывая чувствительные места головки. Мальчик, которого мастурбируют, откидывается назад, прижимая колени к груди. Мальчики в кружке сидят молча, рты приоткрыты, наблюдающие лица безмятежны, как лезвия бритвы. Мальчик содрогается, становясь прозрачным, он наполняется голубым светом, видны жемчужные железы и нежные коралловые очертания позвоночника.

Голый мальчик на хрупких крыльях парит над голубым ущельем. Воздух полон крыльев… планеры, запускаемые с лыж, санок и коньков, летучие велосипеды, небесно-голубые планеры разрисованы птицами, воздушная шхуна раздувает белые паруса, устойчивости ей придают пропеллеры. Мальчики карабкаются на снасти и машут руками с хрупких палуб.

Мальчик на крылатом велосипеде с пропеллерами-стабилизаторами слетает с обрыва и медленно спускается в

юдоль мощеных улиц и темно-синих каналов. В песчаной яме на площадке для гольфа шипят змеиные мальчики, извиваясь, медленно совокупляются под охраной кольца из кобр.

Легенда о диких мальчиках разлетелась по планете, и по всему миру мальчики сбегали из дома, чтобы к ним присоединиться. Дикие мальчики появились в горах Мексики, в джунглях Южной Америки и Юго-Восточной Азии. Бандитские страны, партизанские страны – вот заповедники диких мальчишек. Сеть контактов у диких мальчиков охватывает весь мир, они обмениваются наркотиками, оружием и опытом. Некоторые племена диких мальчишек постоянно перемещаются: они доставляют отборные семена конопли в Амазонию и привозят оттуда черенки яхе для прививки на лианы в джунглях Южной Азии и Центральной Африки. Еще они обмениваются заговорами и зельями. Дикие мальчики говорят и пишут на общем языке, основанном на варьируемой транслитерации упрощенного иероглифического письма. В укромных местах, отведенных для мечтаний и отдыха, мальчики изготовляют такие иероглифы из дерева и металла, камня и керамики. Каждый мальчик создает свой собственный набор знаков-картинок. Моряцкий рундук в чердачной мансарде, парусные корабли на голубых обоях, экземпляры «Приключений» и «Поразительных историй», на стене духовое ружье 22-го калибра. Мальчик открывает рундук и по одному вынимает слова… Эрегированный фаллос в письме диких мальчишек, как и в древнеегипетском, означает «стоять перед» или «предстоять», «противостоять» и «внимательно разглядывать»… Фаллическая статуэтка эбенового дерева с сапфировыми звездами глаз, в кончик фаллоса вставлен маленький опал… две деревянные статуи смотрят друг на друга в кресле-качалке из желтого дуба. Статуи мальчишек обтянуты человеческой кожей, выдубленной в черной амбре, карболовом масле, лепестках роз, слизи прямой кишки, прокопченной в дыму гашиша и осенних листьев… светловолосый мальчик оседлал меднокожего мексиканца, ноги напряжены, мышцы сведены в оргазме… алебастровый мальчик светится изнутри голубым огнем, дудочник с музыкальной шкатулкой, мальчик цвета голубого сланца на роликовых коньках с охотничьим ножом в руке, открыточный мир речек и ручьев, веснушчатый мальчик, голубые отхожие места во дворе, увитые вьюнком и розами, где мальчики дрочат в июльские дни, мерцают на картине Гайсина[79] … короткие шоу калейдоскопов в галерее… мелькают серебряные титры… другие с цветом и запахом, и нагой плотью… тугие яйца свертываются осенними листьями… голубые ущелья… полет птиц. Эти объекты/слова путешествуют по тайным торговым

путям, передаваясь из рук в руки. Дикие мальчики видят, трогают, пробуют на вкус, нюхают слова. Ссохшаяся голова агента ЦРУ… маленький скрюченный часовой с синим от цианида лицом… (Высокопоставленный чиновник наркоконтроля докладывает мрачному президенту: «Феномен диких мальчиков – это культ, выросший из наркотиков, извращений и насилия, он опаснее водородной бомбы».)

У длинного верстака в мастерской при катке мальчики мастерят маленькие ракетные двигатели для коньков. Они куют и шлифуют восемнадцатидюймовые охотничьи клинки, прикрепляя их к рукояткам эбенового и железного дерева из Южной Америки, которое надо обрабатывать металлическими инструментами…

Мальчики на роликах резко сворачивают на широкую, обсаженную пальмами улицу, прямиком в метель пулеметных очередей, солнце сверкает на их ножах и шлемах, рты приоткрыты, глаза горят. Они косят полицейский патруль, выхватывая оружие на лету.

Верстак в джунглях под тростниковой крышей… десятифутовое духовое ружье с телескопическим прицелом, работающее от сжатого воздуха… крошечные духовые ружья с дротиками не больше комариного жала, смазанными сывороткой, разносящей желтуху и диковинные лихорадки…

В плавучих домах и в подвалах, в палатках и в шалашах на деревьях, в пещерах и на чердаках дикие мальчики изготовляют оружие… Короткий обоюдоострый нож, закрепленный на мощной пружине, режет до кости, если повести пружиной из стороны в сторону… крис с вибратором на батарейках в рукояти… нунчаки… штыри из железного дерева выступают между большим и указательным пальцем и по обеим сторонам кулака… утяжеленные перчатки и кастеты… арбалеты и ружья с толстой резинкой, скрытой во внутренней трубке. Эти ружья стреляют свинцовыми пулями из магазина над спусковым затвором. Высокая точность, дальность стрельбы до двадцати ярдов… Шприц с цианистым калием в форме пистолета. Игла отвинчивается с конца ствола, пистолет взводится пружиной, прикрепленной к поршню. Когда губка, пропитанная раствором цианистого калия, вставлена, игла навинчивается обратно. Курок отпускает пружину, и большая доза цианида впрыскивается в тело, вызывая мгновенную смерть. Когда оружием не пользуются, на игле – колпачок луча смерти Бака Роджерса[80]… цианидные дротики и ножи с полыми перфорированными лезвиями… кремневые пистолеты заряжены толченым стеклом и кристаллами цианистого калия…

Мальчики-коты мастерят когти, которые вшивают в тяжелые

кожаные рукавицы, крепящиеся на запястье и на предплечье, в углубление под изгибом когтя набивают пасту из цианистого калия. Притаившись в кроне деревьев, мальчики в зеленых плавках ждут, когда по джунглям пройдет патруль. Они прыгают на солдат, смертоносные когти рвут кожу, вонзаются в тела. Мальчики выдергивают оружие из скрюченных посиневших рук. Смыв кровь и яд в реке, они пускают по кругу трубку с кифом.

Змеиные мальчики в набедренных повязках из рыбьей кожи выходят из вод залива. У каждого вокруг руки обвилась ядовитая морская змея. Неслышно они прибираются через кустарник и пальмовую рощу к находящемуся под током забору офицерского клуба. Сквозь цветущие заросли видны фыркающие и отдувающиеся в бассейне американцы. Мальчики просовывают руки в отверстия в заборе, вытягивают указательные пальцы. Змеи стекают на землю и скользят к бассейну.

Патруль в джунглях Анголы… Внезапно по обеим сторонам тропы с деревьев стремительно сползают, разинув пасти, черные мамбы, ядовитые зубы вонзаются в шеи и руки. Черные, как обсидиан, мальчики-мамбы в повязках из змеиной кожи и с крисами кидаются вперед.

Пять голых мальчиков выпускают кобр на полицейский пост. Пока змеи тихонько скользят вниз, мальчики вертят головами из стороны в сторону. Качаются и напрягаются фаллосы. Вытянув шеи и раскрыв рты, мальчики эякулируют. Из полицейской будки раздаются приглушенные крики. С бесстрастными лицами мальчики ждут, пока не опадет эрекция.

Мальчики забрасывают на вражеский лагерь облако зараженных бубонной чумой блох, – словно сеть с крошечными черными узелками.

Черный рынок младенцев и спермы процветает в коррумпированных пограничных городах, и младенцев мужского пола мы рекрутируем с момента рождения. Можно отнести сперму своего дружка на рынок, связаться с брокером, который позаботится о том, чтобы осеменить женщин, прошедших медицинский контроль. Девять месяцев спустя мужской приплод забирают в какую-нибудь отдаленную мирную общину за линией фронта. Выросло целое поколение, которое никогда не видело женского лица и не слышало женского голоса. В подпольных клиниках беглые специалисты-технари экспериментируют с детьми из пробирок и образцами тканей. Брэд и Грег едва-едва ускользнули от приказа «уничтожить с крайним предубеждением»… И вот у них уже клиника во французском квартале Танжера. Они смеются, сравнивают мальчишек, шеренгой дрочащих в пробирки…

Вот мальчик на пути в операционную. Брэд и Грег объясняют мальчику, что собираются иссечь часть ткани из его ануса, совсем маленький срез, совершенно безболезненно, и чем больше он возбудится во время операции, тем больше шансов, что кусочек ткани «сотворит». Они укладывают мальчика на стол, сгибают ему ноги, заводят под колени резиновые стропы, чтобы ноги оставались раздвинутыми, и накладывают оргоновую воронку на его ягодицы и гениталии. Затем Брэд вводит режущую трубку-вибратор. Прибор из твердой резины и пластмассы с перфорацией в виде крошечных отверстий. Внутри вращающийся нож, приводимый в движение рукоятью. Раскрываясь, сфинктер прижимает ткани к резине, вдавливает их в отверстие, а там их частицы срезает нож. Брэд включает вибратор. Волосы на лобке мальчика потрескивают голубыми искрами, тугие шары выбрасывают в воздух миры, голубоватые, как белок сваренного вкрутую яйца. Некоторые мальчики извергают розово-красные капли оттенка нежной морской раковины, кончают радугой и северным сиянием… Вот в палате пятьдесят мальчишек стоят, нагнувшись и уперев руки в коленях, стоят на четвереньках, лежат, задрав ноги. Грег включает рубильник. Мальчики корчатся и извиваются, скачут, как лемуры, глаза сверкают голубыми безднами, семя ритмично извергается искрами света. Маленькие призрачные фигурки пляшут на их телах, скользят вверх и вниз по их пульсирующим членам, садятся верхом на трубки для срезов…

Маленький мальчик без пупка в классной комнате 1920-х годов. Он кладет яблоко на учительский стол.

– Возвращаю вам ваше яблоко, учитель.

Он подходит к доске и стирает слово «МАТЬ».

С Брэдом и Грегом по бокам он выходит к рампе и отвешивает поклон аудитории из довольных мальчиков, которые грызут арахис и мастурбируют.

Вот уже и в резекции отпала нужда. Мальчики сами создают потомство, известное, как зимбу. Брэд и Грег перебрались в поселение христианской молодежной ассоциации в дальнем захолустье. Зимбу создаются после сражения, когда силы зла отступают…

В первую очередь уделяли внимание тем, кто был так серьезно ранен, что не имел шансов выжить… Рыжего мальчишку с простреленной печенью живо освободили от плавок и сандалий и прислонили в сидячем положении к камню. Поскольку дикие мальчики верят, что дух покидает тело через затылок, умирать лежа считается неблагоприятным. Племя образовало живой круг вокруг умирающего парня, и техник ловко снял шлем. Тогда я

увидел, что шлем представляет собой сложнейший образчик электронного оборудования. Техник извлек из кожаного корпуса восемнадцатидюймовый цилиндр. Цилиндр сделан из чередующихся слоев тонкого железа и человеческой кожи, взятой из гениталий убитых. В центре цилиндра – железная трубка, слегка выступающая с одного конца. Трубку поместили в нескольких дюймах от раны парня. Это уменьшает боль или способствует заживлению ран, поддающихся излечению. Болеутоляющие препараты никогда не применяются, так как эффект подавления клеток мешает душе покинуть тело. На плечи мальчику водрузили хомут, а на голову надели нечто вроде водолазного шлема. Этот покрытый кожей шлем состоит из двух частей, одна прикрывает лоб, а другая – затылок. Техник что-то отрегулировал, и вдруг заднюю секцию отстрелило назад к оконечности хомута, где ее подхватили металлические зажимы. Обе секции сделаны из намагниченного железа, и техник задает направление магнитному потоку таким образом, что, разделяясь, секции выталкивают душу через затылок. После этого поток получает обратное направление, так что обе секции сближаются, но остаются разделенными. Это позволяет душе выйти. Было видно, как из головы мальчика вытекает светящаяся дымка, схожая с маревом на жаре. Пока дымка поднималась в вечернее небо, танцующие мальчики, собравшиеся вокруг умирающего, принялись наигрывать на флейтах Пана завораживающую мелодию… свистки паровозов… запасные пути. Тело обмякло, и мальчик умер. Я видел повторение этого ритуала множество раз. После того, как посредством этих прибора и ритуала умирающих освобождали от их тел, приступали к лечению тех, чьи раны поддавались исцелению. К ране на расстояние дюйма подносили цилиндр, а после водили им вверх-вниз. Я был свидетелем чудесного, почти мгновенного исцеления. Мальчик с рваной раной на бедре уже скоро ковылял по лагерю, а сама рана выглядела так, будто была получена несколько недель назад.

Огнестрельное оружие распределили среди танцующих мальчишек и помощников. Мальчики стали сдирать кожу с гениталий убитых солдат, растягивали ее для просушки или растирали на мази для лекарств. Они потрошили солдат помоложе, извлекая сердце, печень и кости для готовки, а трупы отвозили подальше от лагеря. Закончив с рутинными делами, мальчики расстелили коврики и разожгли трубки с гашишем. Помощники раздевали бойцов, массировали и натирали мускусом их тела. Заходящее солнце обливало их жилистые тела красным заревом, когда мальчики предались похоти. По двое мальчишки занимали места в центре коврика и принимались совокупляться

под бой барабанов в окружении безмолвных голых зрителей. Я насчитал пятнадцать или двадцать таких кружков, где пары совокуплялись, стоя или на коленях, или на четвереньках, с лицами отрешенными и пустыми. Запах спермы и анальной слизи наполнил воздух. Когда кончала одна пара, ее место занимала другая. Не было произнесено ни единого слова, слышались только судорожные вздохи и барабанный бой. Над содрогающимися телами нависла желтая дымка – это растворялась, превращаясь в свет, обезумевшая плоть. Я обратил внимание на большой голубой шатер, в который уходили некоторые избранные техниками мальчики, не участвуя в оргии. Когда зашло солнце, выдохшиеся мальчики заснули голыми кучами, привалившись друг к другу.

Взошла луна, и мальчики зашевелились и стали разжигать костры. Здесь и там тихонько тлели трубки с гашишем. В воздухе витал запах готовящегося мяса, пока мальчики поджаривали печень и сердца убитых солдат и готовили бульон из костей. Пустынный чертополох отливал серебром в лунном свете. Мальчики образовали круг в природном амфитеатре, спускавшемся к песчаной платформе. На этой платформе они разостлали круглый голубой ковер около восьми футов в диаметре. На ковре стрелками были обозначены четыре стороны света, и их положение выверили по компасу. Ковер всех оттенков синего – от нежно-голубого до иссиня-черного – походил на карту, исчерченную белыми линиями. Музыканты образовали внутреннее кольцо вокруг ковра и наигрывали на флейтах ту же печальную и жутковатую мелодию, что сопровождала умиравших в их последний путь. Затем на ковер ступил мальчик, не принимавший участия в недавней оргии. Он стоял обнаженный, втягивая носом воздух и вздрагивая, запрокинув голову и обратив лицо к ночному небу. Потом сделал шаг в сторону севера и призывно взмахнул руками. Тот же жест он повторил в точках юга, востока и запада. Я заметил, что на каждой ягодице у него была вытатуирована крошечная голубая копия ковра. Он опустился на колени в центре ковра, изучая линии и узоры, переводя взгляд с ковра на свои гениталии. Его фаллос начал шевелиться и твердеть. Он откинулся назад, обратив лицо к небу, потом медленно поднял ладони, и его руки извлекли из ковра голубую дымку. Он перевернул руки ладонями вниз и плавно их опустил, притягивая к земле синеву с небес. Вокруг его ляжек заклубилось цветовое пятно. Пятно приобретало смутные очертания, меняя свою окраску с синей на жемчужную и серо-розовою и, наконец, красную. Теперь можно было различить красное существо, лежащее на спине, согнув прозрачные ноги в

коленях. Мальчик опустился на колени, изучая красную фигуру, его глаза вылепливали тело рыжего мальчишки. Медленно он завел руки под колени, поддавшиеся под его прикосновением, и подвел их к подрагивающим ушам из красного дыма. Красный мальчик лежал с раздвинутыми ягодицами, анус – словно трепещущая роза, казалось, она дышит, тело ясно очерченное, но все еще прозрачное. Мальчик медленно вошел в призрачное тело, я видел его пенис внутри другого тела, и пока он двигался взад и вперед, мягкая красная студенистая масса обволакивала его член, ляжки и ягодицы, юная кожа обретала форму, ноги судорожно дергались в воздухе, красное лицо на ковре, губы раздвинуты, тело становилось все тверже. Мальчик наклонился вперед и прижался губами к его рту, изверг струю спермы, внезапно красный мальчик обрел форму, его ягодицы трепетали, прижатые к чреслам партнера, пока легкие обоих дышали одним воздухом, тела слились, и красный мальчик стал материальным и зримым от ягодиц и пениса до дергающихся ног. Так они подрагивали в унисон с полминуты. Красная дымка поднималась от тела красного мальчика. Мне были видны веснушки и волоски на ногах. Первый мальчик медленно оторвался от него. Рыжий лежал, глубоко дыша, с закрытыми глазами. Первый извлек пенис, распрямил натертые колени и уложил новорожденного зимбу на спину. Тут же появились двое помощников с носилками из мягкой кожи. Они бережно подняли зимбу на носилки и понесли к голубому шатру.

На ковер ступил другой мальчик. Встав в центре ковра, он нагнулся, уперев руки в колени и не сводя глаз с узоров и линий. Его пенис затвердел. Мальчик выпрямился, сделал по шагу в каждую из четырех сторон света, при каждом шаге вздымая руки и произнося одно слово, которое я не разобрал. Занялся легкий ветерок, всколыхнувший волосы у него на лобке и пробежавший по телу. Мальчик начал танцевать под звуки флейт и барабанов, и по мере его танца нечто голубое и смутное все больше обретало очертания перед ним, перемещаясь с одной стороны ковра на другую. Мальчик раскинул руки. Блуждающий призрак попытался улизнуть, но мальчик поймал его и, сцепив руки, прижал к себе голубой силуэт. Цвет перешел от голубого к жемчужно-серому в разводах коричневого. Руки ласкали обнаженный бок и гладили пенис, как бы вылепливая его из воздуха, ягодицы прижимались к его телу, пока он плавно вращал тазом, его рот был приоткрыт, зубы обнажены. Обретшее очертания смуглое тело начало судорожно эякулировать, а сперма, попадая на ковер, оставляла белые полосы и пятна, которые впитывались в пересечение белых линий. Мальчик не выпускал зимбу, надавливал ему на грудь в

ритм с собственным дыханием, от которого подрагивала голубая татуировка. Зимбу вздрогнул и снова стал эякулировать. Потом обмяк в объятиях мальчишки. Появились помощники с носилками. Зимбу унесли в голубой шатер.

На ковер ступил мальчик с монголоидными чертами лица и стал играть на флейте, поворачиваясь к каждой из четырех сторон света. Он играл, а вокруг вились призрачные фигуры, складываясь из лунного света, лагерных костров и теней. Вот он опускается на колени в центре ковра, играет все быстрее и быстрее. Перед ним вырисовываются очертания мальчика, стоящего на четвереньках. Он откладывает флейту. Руки начинают формовать и месить находящееся перед ним тело, привлекая его к себе поглаживающими движениями, проникающими в жемчужно-серые очертания, лаская их изнутри. Тело дрожит и трепещет, прижимаясь к нему, пока он формирует ягодицы вокруг своего пениса, поглаживая серебристые гениталии, возникающие из лунного света, сперва серые, затем розовые и, наконец, красные, рот раззявлен в судорожном вздохе, вздрагивают гениталии из лунной дымки, бледный светловолосый мальчик мгновенно обретает ягодицы, ляжки и юную кожу. Флейтист опускается на колени, тесно обвив руками грудную клетку зимбу и глубоко дыша, пока зимбу не начинает дышать сам. Появляются помощники и уносят светловолосого зимбу в голубой шатер.

На ковер ступает высокий мальчик, черный, как эбеновое дерево. Он обводит взглядом небо. Трижды обходит ковер по кругу. Возвращается в центр ковра. Опускает руки и качает головой. Музыка затихает. Мальчики по одному расходятся.

Мне объяснили, что церемония, свидетелем которой я только что стал, устраивается после сражения на тот случай, если кто-то из недавно убитых мальчишек пожелает вернуться, и что те, кто потерял руки, могут пожелать такого, ведь тело возрождается невредимым. Однако большинство душ отправляются в Голубую Пустыню Безмолвия. Они могут захотеть вернуться позже, и дикие мальчики иногда совершают экспедиции в Голубую Пустыню. Зимбу спят в голубом шатре. Картинка в старой книге с золотым обрезом. Картинка в рамке из сплетенных роз… два тела свились бледный призрак светловолосого мальчика губы раздвинуты полная луна кружок мальчишек в серебряных шлемах видны голые колени. Под картинкой золотые буквы. Рождение зимбу. Мальчик с флейтой чарами творящий тело из воздуха. Я переворачиваю страницу. Мальчик с монголоидными чертами стоит на круглом ковре. Он смотрит вниз на свой твердеющий фаллос. Легкий ветерок шевелит волосы у него на лобке. Тугие

ягодицы закругляющиеся внутрь на дне двух кратеров круглая голубая татуировка миниатюра ковра на котором он стоит. Я переворачиваю страницу. Танцующий мальчик перед ним колышется силится ускользнуть блуждающий призрак. Я переворачиваю страницу. Блуждающий призрак в его объятиях обретает очертания светящиеся голубые глаза дрожащие ягодицы прижатые к его телу он крепко прижимает зимбу к груди. Его легкие служат органами для зимбу пока тот не начинает дышать сам подрагивает голубая татуировка дети с заброшенных железнодорожных веток розы вечернее небо. Я переворачиваю страницы. Рассветная рубашка обрамленная розами рассветный ветер между его ног далекие губы.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

1. Моток медной проволоки удаляется вытягивая плоть Одри потоком желтого света мелькание душей ягодицы мыло видны волосы на ногах шепчущие фаллические тени в раздевалке… «Хочешь попробовать кое-что приятное, Одри?.. молочный запах фантомной спермы.

2. Два мотка медной проволоки удаляются, сдирая слои старых фотографий, словно мертвую кожу… Дом на дереве на обрыве над долиной. Если присмотреться, видно, что это переделанный плавучий дом, пришвартованный между ветками гигантского дуба, для надежности заякоренный о верхний сук. Ветки чуть шевелятся на ветру, создавая ощущение качки. Стоя у штурвала, Одри смотрит на слащаво-открыточную долину, где речушка вьется мимо деревни: кирпичные домики под шиферными крышами, вдалеке поезд. Кики, мальчишка-мексиканец, живущий у железнодорожных путей, помог Одри собрать плавучий дом наверху. Здесь есть камбуз и душ. Часто мальчики проводят там уик-энды. Кики сворачивает самокрутки с травой, что растет вдоль путей. От этих самокруток на Одри нападает смех, а заодно у него встает. Цветочный запах юной эрекции, два парня под душем. Кики поцеловал Одри в губы, вставил мыльный палец ему в задницу. После у Одри вошло в привычку нагибаться над штурвалом, и Кики трахал его до самых небес.

3. Три мотка медной проволоки удаляются… в деревне поселился рыжий мальчишка по прозвищу Пинки. Его отец был художником, и мальчик делал наброски и писал акварели. Одри пригласил Пинки провести ночь на дереве. Пока они забираются по приставной лестнице наверх, Кики вставляет средний палец

Пинки в задницу. Мальчик краснеет и нервно смеется. Наверху они моются под душем. Они чистят апельсины и пьют содовую. Кики пускает по кругу самокрутку с травой. Он косится на Пинки сквозь дым и вдруг задает вопрос. Пинки краснея смотрит на свои босые ноги…

– Да. Иногда.

– А волосы у тебя вокруг члена рыжие?

– Конечно.

– Сними штаны и покажи.

– И вы тоже снимайте.

– Ты первый.

– Ладно.

Пинки снимает рубашку. Ухмыляясь стягивает штаны и трусы и стоит красный от возбуждения его качающийся член твердеет. Кики и Одри раздеваются. Солнечный свет на лобковых волосах рыжих черных русых. Нежно, аккуратно Кики трогает член Пинки.

– Поди порули, Пинки. – Он подводит Пинки к штурвалу. – Нагнись и обхвати руками… Вот так… раздвинь ноги.

Дрожащий Пинки подчиняется. На глазах у Одри Кики раздвигает ягодицы, смазывает обнажившееся отверстие вазелином. Пинки делает глубокий вдох, и его анус раскрывается словно в трепещущей плоти всплыл розовый моллюск.

– Он твой, Одри…

Одри голубые глаза сияют пристраивается к Пинки Кики никогда ему не давал это будет его первый раз видны рыжие волосы в заднице нежная плоть всасывает его играет тугими яйцами Пинки легко проводит пальцем вверх и вниз по стволу Пинки стонет и елозит прижимаясь к нему пальцы Кики раздвигают ягодицы Одри и Кики ему вставляет.

4. Четыре мотка медной проволоки удаляются… Сверху выглядит как обложка «Сатерди Ивнинг Пост»… Пинки машет далекому поезду. Одри смеялся в послеполуденном небе окно хохот сотряс долину.

1. Моток медной проволоки приближается… обрызгивает голое тело Одри мелкими пузырьками света которые лопаются и звенят его анус раскрывается в потоке желтого света смех скачет фаллические тени солнце лижет тела голые ноги шепчущий свет.

2. Два мотка медной проволоки приближаются…

– Дай-ка на тебя посмотреть…

Он облизывает губы ощущая давление раздевалки в паху неконтролируемо понимающий взгляд спускает штаны и трусы качающийся член твердеет глаза сияют наброски и акварели его задница раскрывается розовый штурвал нежное прилипание Одри

всаживает ему на всю длину.

3. Три мотка медной проволоки приближаются…

– Я вроде видел тебя у Уэббер-пост?

Слабо различимый я мальчик дитя лежит на исподнем трет себе пах моя комната и я в ней выцветшие розовые занавески желтые обои три наброска. Тело открывает безмолвную дверь.

4. Четыре мотка медной проволоки приближаются… Мы собираемся отдать тебе последнего мальчика… желтый свет вечереет дрочит в моей комнате и я в ней спустил штаны и трусы глаза сияют от возбуждения… «Я вроде бы видел тебя у Уэббер-Пост?»… Слабо различимый я фигура мальчика, слащаво-открыточной дороге расплывающаяся улица воспоминаний голубой свет застиранное… «Видишь это?»… Смутно на безмолвной двери в потеках… «Он твой, Одри»… дом на дереве цветные картинки вижу рыжие волосы на заднице ягодицы карболовое мыло в реке по стволу смех двух мальчишек вызывает воспоминания ребенок дрочит свои штаны давление качается розовые занавески и желтые обои полуденные холмы шепчущая пыль морские раковины в чердачной комнате увиденное может быть с поезда… последний мальчик.

Закатное солнце освещает мертвое обожженное лицо Одри.

Полковник Брэдли посоветовал мне установить контакт с бандами роллеров и велосипедистов, орудующими в пригородах Касабланки.

– Они довольно близки к регулярным отрядам гверильяс, так что вы сможете сориентироваться. Через них можно договориться и пройти специальную подготовку, чтобы связаться с более закрытыми группами. Некоторые из диких мальчиков вообще не говорят. Другие научились использовать как оружие крики, песни и слова. Слова у них такие, что режут, как циркулярная пила. Они знают слова, создающие такую вибрацию, от которой разжижаются кишки. Холодные странные слова, которые падают на разум ледяными сетями. Слова-вирусы, которые разъедают мозг, оставляя лишь ошметья. Идиотские мелодии, которые застревают в голове и в глотке, так что бормочешь их круглые сутки: «…здесь я, ЗДЕСЬ Я здесь Я ЗДЕСЬ я я ЗДЕСЬ ЗДЕСЬ Я». Слышали, как заговариваются сотрудники ЦРУ? Видели, как агенты бюро наркоконтроля отплясывают идиотскую мамбу? Видели, как ученый-китаист пытается выцарапать слова из горла? Как-то не по себе становится, знаете ли. Чтобы установить контакт с этими мальчишками, вам понадобится специальная подготовка… Когда доберетесь в Касу, ступайте в кафе «Азар» на Ниньо Пердидо, туда, где раньше был отель «Фелл-Бридж». Ваш

связной – мальчик – чистильщик обуви. Проходит под кличкой Фишка.

Из-за дефицита горючего здесь нет воздушного сообщения и очень мало автомобилей. Вернулись более примитивные средства передвижения: дилижансы, воздушные шары, караваны верблюдов и мулов, паланкины, рикши, крытые повозки. Есть несколько паровых железных дорог, все частные, все принадлежат богачам, живущим в феодальной роскоши в огромных поместьях. Если вам надо куда-то попасть, отправляетесь в Фонд путешествий, обычно его бюро находится на площади, окруженной постоялыми дворами и борделями. Осматриваетесь. Всегда найдется способ добраться, куда надо. Вот, например, грузовик с паровым котлом вместо мотора, который выглядит так, словно вот-вот взорвется. Я обхожу его сторонкой. Вот несколько явно смертоносных ракетных кораблей, компания из двадцати шведов с рюкзаками держит путь к Атласским горам, принадлежащий гверильяс караван мулов направляется в Гильямин. Капитан в кепи яхтсмена покрикивает на сонного араба, латающего воздушный шар.

– Чертовски хороший южный ветер, – говорит он мне.

Я решаю, а чем черт не шутит, попробуем воздушный шар Капитана, и устраиваюсь на ближайшем постоялом дворе: ждать придется долго. Около четырех пополудни араб выкатывает газовый резервуар, к пяти шар готов, и мы взлетаем. Из течи в шаре со свистом вырывается воздух, вдребезги пьяный Капитан пошатывается в корзине и курит сигару. Из-за течи мы приземляемся пятидесяти милях к северу от Касы. Я покидаю Капитана и остаток пути проделываю в дилижансе.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

•Ученые-ядерщики из Чикаго утверждают, мол, атомную бомбу нельзя использовать ни при каких обстоятельствах.

•Атомная бомба взрывается над Хиросимой, рассеивая радиоактивные частицы.

•Старый магнат сидел на высоком балконе в шезлонге, темные очки загадочно сверкали на послеполуденном солнце. Он был одержим бессмертием и потратил огромные суммы на секретные исследования. Он не собирался делиться результатами с жалкими простолюдинами. Сыворотки, замена износившихся частей тела – лишь импровизированная отсрочка. Он хотел большего. Он хотел жить вечно. Если бы достичь скорости света или хотя бы приблизиться к ней… Его раздражали ученые,

говорившие, мол, это невозможно.

– Я плачу им не за то, чтобы они болтали, дескать, чего-то не могут… Ба, да если ракете придать достаточное ускорение…

Он не любил слышать слово «СМЕРТЬ», не любил, чтобы его произносили в его присутствии, а мальчишеские голоса вдруг запели:

– Черви вползают и черви выползают!

Поднявшись, он увидел, как на полуденном ветерке к нему несется флотилия планеров, управляемых юнцами в костюмах скелетов. С неба дождем посылались серебряные стрелы.

•Одри был на восточном базаре. Крутые деревянные пандусы головокружительно и круто уходили вниз – как американские горки, обрамленные овощными прилавками. Он сидел за рулем тяжелого деревянного кара с железными колесами и бампером. Кар набрал скорость, вилял, врезался в прилавки и расшвыривал фрукты и овощи, которые катились вниз по пандусу. Из-под колес бросались врассыпную собаки, куры и дети. «Плевать, на кого я наеду», – думал он. В него вселился уродливый дух разрушительной скорости. Сбоку от пандуса он заметил большую кобру и крутанул руль, чтобы ее раздавить. Извивающиеся ошметья полетели ему в лицо. Он вскрикнул.

•Бронированные автомобили с воющими сиренами съезжаются к ракетной установке.

Слишком поздно. Ракета отрывается от земли, за пультом управления безумный магнат. В кильватере вздымается земля. Пока корабль набирает скорость, он кричит: «ЭЙ, ТАМ, СЕРЕБРО, УХ-ТЫ-Ы-Ы!» Он мчится, недоступный полицейским броневикам, швыряет через плечо динамитные шашки. Острый запах ковыля из старых вестернов.

•Дом Полководца, город Решт в Северной Персии, 1023 год от Рождества Христова. Полководец сосредоточенно склонился над картой, он планирует экспедицию против крепости Аламут. Для Полководца Старец Горы олицетворяет чистое, демоническое зло. Определенно, этот человек совершил ужасный грех, который Коран называет попыткой уподобиться Богу. Вся секта исмаилитов была сущим проклятием, скрытая, затаившаяся, готовая нанести удар, неповинующаяся властям… «Истины нет. Позволено все».

– Кощунство! – орет, вскакивая, Полководец. – Человек создан, чтобы служить и повиноваться.

Разыгрывая решающую схватку с этим супостатом, он меряет шагами комнату, теребя украшенную драгоценными камнями рукоять меча. Он не может вернуться к картам. Не переставая бормотать проклятия, он выходит в сад. Под апельсиновыми

деревьями старый садовник срезает сорняки, останавливаясь время от времени наточить нож о камень, его руки, словно темный шелк, неторопливые и уверенные. Он проработал здесь садовником десять лет, и Полководец давным-давно перестал обращать на него внимание. Он такая же часть сада, как апельсиновые деревья и оросительный канал, сверкающий на солнце подобно мечу. Дом Полководца стоит на высоком холме. Рощи апельсиновых деревьев и финиковых пальм, кусты роз, пруды и заросли опийного мака тянутся до массивных стен. Вдали блестит Каспийское море. Но сегодня Полководец не может обрести покой в своем саду. Старец Горы смотрит на него сквозь апельсиновую листву смеющимися голубыми глазами и глумится над ним из оросительного канала. Забыв про слугу, Полководец грозит кулаком далекой горе восклицая:

– Сатана, я уничтожу тебя навеки!

Сидя на корточках перед точильным камнем, садовник проверяет лезвие ножа на большом пальце. Старый садовник проверял лезвие десять лет год за годом, неторопливые глаза видели Полководца в ослепительном белом свете. Он выпрямляется, изо всех сил напрягая согнутые колени, и вонзает нож под ребра Полководцу, целя в далекую точку позади его обмякшего тела, ЕГО НОЖ ВСПЫХИВАЕТ иглой компаса, целящей из самого Аламута.

Дикие мальчики улыбаются

25 июня 1988 года, Касабланка, четыре часа пополудни. Кафе «Азар» располагается на захудалой улочке на окраине, похожей на ту, каких десятки в Форт-Уорте, штат Техас. «КАФЕ АЗАР» красными буквами на зеркальном стекле. Что происходит внутри, скрыто от улицы за выцветшими розовыми занавесками. Внутри несколько европейцев и арабов пьют чай и безалкогольные напитки. Подходит мальчишка – чистильщик обуви и знаком показывает на мои ботинки. Он голый, если не считать грязных белых плавок и кожаных сандалий. Голова обрита, на макушке пробивается пушок. В каких-то иных времени и месте его лицо было красивым, но теперь оно искорежено и изломано под действием некой силы, черты перекошены, тело иссушено давним голоданием. Он садится на свой ящик и смотрит на меня, вздернув курносый нос и расставив ноги, скребя пальцем в плавках. Кожа белая, как бумага, черные блестящие волосы плотно прилегают к тощим ногам.

Пока он ловкими точными движениями начищал мне

ботинки, от его тела на меня пахнуло чем-то затхлым. В углу кафе я заметил зеленую занавеску, перед которой стаскивали одежду двое мальчишек. В том углу, по-видимому, в полу было какое-то углубление, потому что я видел их только выше колен. Один из мальчишек разделся до розовых трусов, топорщившихся в паху. Другие посетители не обращали внимания на происходящее. Чистильщик кивнул на этих двух актеров, которые теперь трахались стоя, раскрытые губы безмолвно ловили воздух. Он приложил палец к глазу и помотал головой. Остальные посетители просто не способны их видеть. Я протянул ему монету. Он проверил дату и кивнул. Фишка проверил дату скрюченных крапивных ног измененным диском.

– Давненько никто не использовал прыгалку, – сказал он.

Волосы на ногах покрыты плесенью. Дуло подергивается, исковерканное скрюченное тело, лицо под водой, солдатское удостоверение личности, донельзя исхудалый на фотке.

– Я тоже. – Он показал на свое худое тело.

Он поднял свой ящик. Я пошел за ним через зал кафе.

Когда я иду с Фишкой, меня никто не видит. Ягодицы гладкие и белые, как старая слоновая кость. Угол за зеленой занавеской оказался утопленной известняковой площадкой на две ступеньки ниже пола кафе, тут витал сухой затхлый запах пустых залов ожидания, вдоль стены – истертая деревянная скамья. В каменный пол вмонтирован железный диск футов пяти в диаметре, по окружности высечены деления градусов и цифр, медные стрелки обозначают стороны света. Это своего рода компас, покоящийся на гидравлической подушке. И действительно, в центре диска – морской компас в гнезде из тикового дерева. Две пары поношенных сандалий, лоснящихся и черных от пота, закреплены на пружинах высотой в восемь и на расстоянии восемнадцати дюймов друг от друга, так чтобы центр диска и компас оказались точно между стоящими в них людьми. Пружины были привинчены болтами к поршням, выступавшим на планках из металлического диска. Сандалии были на разных уровнях. Очевидно, их можно было регулировать, поднимая или опуская планки. По знаку мальчишки я сбросил одежду, ощутил прикосновение гладких пальцев, мне пришлось нагнуться и упереться руками в колени. Мальчишка извлек из своего ящика сантиметр с маленьким узелком на конце. Он измерил расстояние от моего ануса до пола. Круглым ключом отрегулировал в опорных стойках уровень сандалий на пружинах. Затем встал и снял плавки, теребя вздыбленный член.

Встал на опоры застегнул ремешки сандалий удерживая равновесие на пружинах яйца тугие и упругие фаллос следовал за

иглой компаса диск поворачивался пока не обратился к зеленой занавеске которая слегка шевелилась словно за ней был какой-то проем стрелки на заднице обозначают стороны света ступни привкус металла во рту номер 18 пенис плавал я сунул ноги в сандалии сзади колени его худые руки и я видел происходящее со стороны с разных точек мягкая машина моя задница ржавый цилиндр жемчужные железы электрический щелчок голубые искры мой позвоночник в его я нагибаюсь и упираюсь вибрируя на пружинах металлический запах анальной слизи пролетает по небу рывок извергающий нежные дорожки далекий подергивается дуло солдатские таблички покрыты плесенью его улыбка сквозь слезы боли прищур курносый руки прикрывают пах изношенный металлический запах оружия когда мои ступни коснулись железного диска слабый разряд пробежал по ногам до промежности. Пенис плавал. Я встал на «ходули» перед мальчишкой и он подтянул ремни сзади. Я нагнулся уперся руками в колени. Он сцепил худые руки у меня под мышками волосы на ногах перепутались медленное давление смазки и я видел происходящее со стороны прозрачная мягкая машина задница ржавый цилиндр фаллос поршень накачивающий жемчужные железы голубые искры и мой позвоночник со щелканьем встроился в его потом вперед его голова в моей глаза пробираются в лабиринт турникетов. Стоп. Щелк. Старт. Стоп. Щелк. Старт. Прочерчиваем по небу мазком боли подергивается дуло деревья дорожки поросшие сорняками ржавый удостоверение личности диск покрыт плесенью. Щелк. Зеленая шторка в спальном вагоне. Щелк. «Хочешь кое-что покажу?» Щелк. Пенис плавал. Щелк. Ветер и пыль далеких 1920-х годов. Щелк. Обрывки серебряной фольги на ветру в парке. Щелк. Летний день на сиденье автомобиля до тонких загорелых коленей. Щелк. Его улыбка с дальнего края площадки для гольфа. Щелк. Щелк. Щелк. Смотри на обороте я каждый раз хочу сказать место размытое подрагивающее далекое. Шторка чуть колышется. Щелк. Острый запах сорняков. Шторка исчезла. Ощущение у меня в животе когда скоростной лифт останавливается мы очутились в бетонной будке у заброшенной железной дороги засохшее говно моча инициалы

«ЗДЕСЬ ДРОЧИЛ КИЛРОЙ» «Б. ДЖ. МАРТИН» «Д & Д»

BUEN LUGAR PARA FOLLAR QUIEN ES? «МАЛЫШ Н. Э.»

Мы расстегнули сандалии, сошли с пружин. Диск проржавел, и по краю ржавчина запачкала камень.

– Давно прыгалкой никто не пользовался, – сказал мальчишка, указывая пальцем.

Я увидел свою одежду в углу, она покрылась плесенью.

Мальчишка покачал головой и протянул мне белые плавки из своего ящика.

– Одежда тут плохо. Одежду легко видеть. Очень трудно видеть это. – Он показал на свое худое тело.

Тут меня обуяла жажда, собственное тело показалось мне сухим и хрупким, как опавший лист.

– Прыгалка забирает последнюю воду, ми-и-истер. Мы искать родник.

Над будкой склон холма уходил круто вверх. Мальчишка двинулся через кустарник, который, казалось, расступался перед ним, образуя туннель из веток и листьев. Он опустился на колени и раздвинул плети вьюнков. Там из известняковой расщелины бил глубокий черный родник. Мы зачерпывали руками чистую холодную воду. Мальчишка отер рот. Со склона холма были видны железнодорожный мост, река, разрушенные предместья.

– Это плохое место, ми-и-истер. Там патрули.

Сунув руку в ящик, мальчишка достал два свертка в промасленной бумаге, перевязанные бечевкой. Он развязал бечевку и вытащил два тупорылых револьвера тридцать восьмого калибра, ударники спилены, рукояти орехового дерева укорочены, стволы с насечками блестят как отполированные. Револьверы можно было использовать только как самовзводные. Рукоятка доходила мне до середины ладони, упиралась в то место, где сходились холмики, она почти превращалась в продолжение руки. Револьвером мальчишка указал под мост, где проглядывала вдоль реки тропинка, по которой мы пойдем в город. Кругом никаких признаков жизни, виллы разрушены, пустые кафе и дворы затянули плющ и вьюнки. Мальчишка шел впереди. Он мчался с бешеной скоростью футов пятьдесят или около того, потом останавливался в задумчивости, принюхиваясь и вздрагивая. Мы двигались по тропинке возле белой стены.

– ЛОЖИСЬ, М-И-ИСТЕР!

В стену ударила пулеметная очередь. Я рухнул в канаву, заросшую крапивой. Боль обожгла руку, словно ее обдали упругой струей из брандспойта, дернулось дуло. Трое солдат в сорока футах от меня скрючились и упали. Мальчишка встал, из дула его револьвера вился дымок, тело было в красных полосах от крапивы. С невероятной скоростью он добежал до солдат. Я выстрелил дважды. Он – четыре раза. Все пули попали в жизненно важные точки. Один солдат лежал на спине, подвернув ноги, во лбу – дыра. Второй, еще живой, бился в конвульсиях, кровь била струйкой из раны на шее. Третьему три пули попали в живот. Он лежал ничком, прижав руки к животу, его пулемет еще дымился, в трех ярдах завитки белого дыма над травой. Эта улица

разделяла кварталы: лужайки, пальмы, бунгало, по другую сторону заброшенная автостоянка, такое можно в Палм-Бич во Флориде встретить: десятилетия заброшенности, сорняки, ветки пальм на проезжей части, окна разбиты, никаких признаков жизни. Мальчишка проворно и умело обшарил карманы: нож, документы, сигареты, пачка кифа. У двоих солдат были карабины, у третьего – пистолет-пулемет.

– Нехороший чешский пушка-смазка, – сказал мальчишка и отшвырнул его в сторону, сперва вынув магазин.

Карабины он прислонил к пальме. Мы оттащили тела в канаву. Боль придавала нашим движениям маниакальную силу и точность. Мы метались, спеша натаскать пальмовых листьев, чтобы накрыть тела. Мы не могли остановиться. Мы нашли рождественскую елку, в ее побуревших засохших иголках запутались обрывки серебряной фольги, и бросили ее на мертвых солдат. Мы остановились, переводя дух и дрожа, и посмотрели друг на друга. У меня рябило в глазах кровь стучала в затылке и гениталиях плавки словно уменьшились жаркая тяга в желудке в кишках приглушенный взрыв и обжигающий понос хлынул по нашим дрожащим ляжкам «Правила бойскаута» плыло по летнему дню оборванный фильм голос видел происходящее со стороны я рылся на полке зная что ищу вдоль мощеной тропинки ноги словно деревянные колоды волочащие черное маслянистое дерьмо это должно быть кухня дверь открыта ржавая плита заплесневелое блюдо с чили ящики с едой серебряная фольга знал что ищу роясь на полках одеревеневшие пальцы напряжение в моих гениталиях словно поллюция и я знал что времени очень мало нашел банку соды высыпал в фарфоровую вазу для фруктов с розами нет воды серебро пироги задыхаясь в красном тумане время на исходе выбежал в разоренный сад маленький пруд стоячая вода зеленый ил прыгнула лягушка мальчишка сдирал с себя плавки я сел и сорвал свои его плавки сползли с бедер колышущийся член встал мальчик потерял равновесие упал на бок я стянул плавки с его ног он перевернулся на спину задрал колени тело изогнулось напряглось дернулось шея распухшая задыхаясь я налил воду и зеленый ил в миску обеими руками замесил пасту намазал пастой его шею и грудь до сердца он эякулировал на вздрагивающий живот я набрал еще пасты размазал себе по бокам на пульсирующую шею потом на грудь теперь легче дышать я смог наложить больше пасты на живот и ляжки до его ступней перевернул его намазал ему спину там где ее исполосовала крапива он вздохнул ухмыльнулся тело расслабилось он снова кончил. Я встал и растер пасту по своему телу боль и онемение проходили. Я плюхнулся рядом с

мальчишкой и провалился в глубокий сон.

«Пятеро индейских юношей из деревни сопровождали нас в качестве проводников. Но их, казалось, совсем не интересовала местность, которую мы пересекали, и большую часть времени они проводили, охотясь со старым дробовиком, заряжаемым с дула, более опасным для охотников, чем для добычи. Через пять дней после того, как мы вышли из Кандиру, в верховьях Баббунсассхола, им удалось ранить оленя. Преследуя раненое животное, в диком азарте они пронеслись по зарослям крапивы. Выбрались они, с головы до пят покрытые пульсирующими рубцами, похожими на чайные розы. К счастью, они носили набедренные повязки. Казалось, от боли они стали проворнее и энергичнее и еще одним выстрелом уложили оленя. Они набросились на умирающее животное с пронзительными победными криками и отсекли ему голову мачете. Но внезапно они замолчали, уставились друг на друга, и тут их разом пробил неудержимый понос. В горячке похоти они сорвали набедренные повязки, лица у них распухли, а глаза заплыли, они безостановочно эякулировали и испражнялись. Мы смотрели, не в силах им помочь, пока китаец-повар, выказавший редкое присутствие духа, не замесил соду с водой. Он наложил юношам пасту на шею и на грудь до области сердца. Таким образом он сумел спасти двух юношей, но трое других погибли в эротических конвульсиях. Трудно сказать, было ли дело в особой разновидности крапивы или симптомы явились результатом избытка муравьиной кислоты, циркулировавшей в их крови из-за необычайного напряжения. Быстрое облегчение, наступающее при наложении щелочной пасты, подсказывает, что симптомы являются результатом какой-то формы отравления кислотой». Это цитата из заметок Гринбаума, одного из первых путешественников в этих краях.

Проснулись мы на закате. Мы были покрыты сухой коростой из говна, соды и зеленой слизи, словно умащенные для какой-то церемонии или жертвоприношения. На кухне мы нашли мыло и смыли коросту, чувствуя себя линяющими змеями. Мы пообедали луковым супом, холодным крабовым мясом и персиками в коньяке. Мальчик отказался спать в доме, сказав лишь, что это «очень плохое место». Поэтому мы притащили матрас в гараж и спали там с карабинами наготове, положив под руку тупорылые револьверы. Если надеешься успеть добраться до пушки, никогда не держи ее под подушкой. Держи ее под рукой у паха, тогда сможешь стрелять прямо сквозь одеяло.

На рассвете мы отправились в путь через разоренные предместья, не подававшие признаков жизни, день выдался

безветренный, сам воздух казался мертвым. Время от времени мальчишка останавливался и принюхивался по-собачьи.

– Сюда, ми-и-истер.

Мы свернули на длинную улицу, заваленную пальмовыми листьями. Внезапно в воздух поднялись тысячи дроздов, сотни их поселились в разоренных садах и на крышах пустых домов, плескались в птичьих купальнях с дождевой водой. Мимо нас промчался мальчишка на красном велосипеде. Он сделал широкий разворот и остановился на тротуаре рядом с нами. Одет он был лишь в красные плавки, ремень и мягкие черные ботинки, тело у него было цвета терракотовой глины, юношески чистая кожа туго обтягивала скулы, глубоко посаженные глаза казались чернее ночи, и черные волосы прилегали к голове как шлем. На ремне у него висел восемнадцатидюймовый охотничий нож с кастетом на рукояти. Он не произнес ни слова приветствия. Он застыл, спустив одну ногу на тротуар и глядя на Фишку. Его оттопыренные уши слегка подрагивали, а глаза блестели. Он облизнул губы и произнес одно слово на неизвестном мне языке. Фишка буднично кивнул и повернулся ко мне.

– Он сильно завестись. Ехал три дня. Сейчас трахаться, говорить потом.

Красный мальчик прислонил велосипед к тротуару. Снял ремень и нож и положил на скамейку. Сел на скамейку и стянул плавки, не снимая ботинок. Вывалился его член, твердый и выделяющий смазку. Мальчишка встал. Под худыми красными ребрами равномерно билось его сердце. Фишка сорвал плавки, у него тоже встал. Он перешагнул через плавки и бросил парню баночку с вазелином, которую достал из своего ящика для чистки обуви. Мальчишка поймал ее и смазал вазелином член, пульсирующий в такт с ударами сердца. Фишка шагнул к нему, а мальчишка схватил его за ляжки и развернул. Фишка раздвинул руками ягодицы, наклоняясь вперед, и красный пенис толчками вошел в него. Тело мальчишки, обеими руками державшего Фишку за ляжки, ходило ходуном. Его уши вибрировали, губы раздвинулись, открывая длинные желтые зубы, гладкие и твердые, как старая слоновая кость. Его глубоко посаженные черные глаза загорелись красным огнем, а волосы на голове встали дыбом. Тело Фишки выгнулось, извергая струи жемчужных капель в спертый солнечный свет. Несколько секунд оба содрогались, потом мальчишка оттолкнул Фишку, словно сбросил одежду. Они пошли через лужайку к бассейну, обмылись, вернулись и надели плавки.

– Это Джимми Проныра. Он курьер спецдоставки.

Они обменялись несколькими фразами на языке,

представлявшем собой транслитерацию пиктографического языка, известного всем диким мальчикам в этих краях.

– Он говорит, впереди барьер времени. Очень плохо.

Из корзинки, закрепленной на руле велосипеда, Проныра достал плоскую коробочку и протянул ее Фишке.

– Он дает нам киногранаты.

Открыв коробочку, Фишка показал мне шесть маленьких черных цилиндров. Проныра оседлал свой велосипед, покатил по улице и исчез в сполохах цветущего гибискуса. Мы двинулись дальше на север через предместья. Дома становились все меньше и неказистее. Угроза и зло туманом нависли над пустыми улицами, в воздухе появился холодок. Мы завернули за угол, и от резкого ветра Фишка покрылся гусиной кожей. Он беспокойно принюхался.

– Мы подходим к плохому месту, Джонни. Нужна одежда.

– Давай поищем, вдруг здесь найдется что-нибудь.

За пустырем стоял просторный дом, какие строили на ранчо, этот явно возвели до того, как предместье пришло в упадок. Через дыру в изгороди мы пробрались во двор, миновали развороченную площадку для барбекю. Боковая дверь была открыта. Мы очутились в помещении, служившем кабинетом. В ящике письменного стола Фишка нашел тупорылый револьвер тридцать восьмого калибра и коробку с патронами.

– Ух ты! – заорал он и сунул находку в ящик для чистки обуви.

Мы пронеслись по дому словно смерч: Фишка вытаскивал из шкафов костюмы и спортивные пиджаки, прикладывал их к себе перед зеркалом, открывал выдвижные ящики, хватал, что нравилось, а остальное вываливал на пол. Его глаза сияли, а возбуждение росло, пока мы бегали из комнаты в комнату, бросая одежду, которая могла бы нам подойти, на кровати, стулья и диваны. Я ощутил в паху напряжение, как перед поллюцией, будто во сне собираю вещи, и до отплытия всего несколько минут, и ящиков с одеждой, которую надо упаковать, все больше и больше, а пароход уже гудит в гавани. Когда мы переступили порог маленькой гостиной, я погладил белые гладкие ягодицы Фишки, который шел впереди, и он обернулся ко мне, скребя у себя в паху.

– Это очень меня заводит, ми-и-истер.

Он сел на кровать и стащил плавки, и его член поднялся, выделяя смазку.

– Ух ты! – Он лег на спину, опираясь на локти и дрыгая ногами. – Подрочи мне.

Я сбросил плавки и сел рядом с ним, втирая смазку в головку

его члена, и через несколько секунд он кончил. Мы приняли душ и отобрали одежду, или, точнее, одежду выбрал я, поскольку Фишке по вкусу пришлись в основном яркие спортивные куртки, широкие галстуки и соломенные шляпы. Я отыскал для него голубой костюм, в котором он выглядел как школьник 1920-х годов на каникулах. Для себя я выбрал серый костюм из королевской шотландки и мягкую шляпу зеленого фетра. Запасное оружие и патроны мы упаковали в портфель вместе с киногранатами, которые дал нам Проныра.

Рыбные запахи и мертвые глаза в дверных проемах, запущенные кварталы забытого города, улицы занесены песком. Я начал вспоминать лавки скупщиков краденого, пушки и медные кастеты в пыльной витрине, дешевые меблирашки, мексиканские закусочные, холодный ветер с океана. Впереди шеренга полицейских обыскивает стоящих лицом в стену семерых мальчишек. Слишком поздно поворачивать назад, нас уже заметили. И тогда я вижу множество операторов, гораздо больше, чем привлек бы обычный обыск. Я незаметно прячу в ладони киногранату. Перед нами останавливается коп. Я выдергиваю чеку и поднимаю руки, швыряю гранату высоко в небо. Черный взрыв скрывает от нас съемочную площадку, и мы бросаемся бегом по темной улице к барьеру. Мы все бежим и бежим и, наконец, выскакиваем из черного серебряного тумана на предвечернюю солнечную улицу предместья… асфальт в трещинах и терпкий запах сорняков.

Калейдоскоп в галерее игровых автоматов

Голые мальчики стоят возле родника на фоне саванны, вдалеке голова жирафа. Мальчики разговаривают рычаньем и ворчаньем, мурлыканьем и повизгиванием, они скалят друг другу зубы, как дикие псы. Двое мальчишек трахаются, стоя, сжимая друг друга, клыки обнажены, волосы на загривках стоят дыбом, на ногах рябь гусиной кожи, они скулят и подвывают.

В садах гнилой плоти вялые чернокожие мальчики с гадкими улыбками скребут эрогенные нарывы, болезненные, гнойные, сладкие, их голые тела выделяют сепиевую дымку азотистых паров.

Зеленый мальчик-ящерица у речки с застойной водой улыбается и медленно скребет пальцем поношенные кожаные плавки.

Тусклый уличный свет на грязной одежде, там стоит голый мальчик, в одной руке – рубашка, другой он чешет задницу.

Двое голых юношей с курчавыми черными волосами и острыми ушами Пана играют в кости у мраморного фонтана. Проигравший нагибается, глядя на свое отражение в чаше. Победитель пристраивается сзади, как фаллическое божество. Большими пальцами он цепко раздвигает гладкие белые ягодицы. Губы раздвигаются, обнажая острые белые зубы. Смех сотрясает небо.

Мальчики на планерах парят на красных крыльях на фоне заката и пускают с неба дождь стрел. Мальчики с пращами скользят над долиной на черных пластмассовых крыльях, сверкающих на солнце, как слюда, рваная одежда бьется о твердую красную плоть. К запястью каждого мальчика привязана кожаным ремешком тяжелая рогатка. На поясах у них кожаные сумки с круглыми черными камнями.

Мальчики на роликовых коньках скатываются вниз с холма в вихре осенних листьев. Они прорезают полицейский патруль. Кровь обагряет кружащие мертвые листья.

Экран взрывается лунными кратерами и брызгами кипящего серебра.

«Дикие мальчики совсем близко».

Тьма опускается на разоренные предместья. Где-то лает собака.

Тусклые дрожащие звезды проносятся в пустом мерцающем небе, дикие мальчики улыбаются.

Уильям С. Берроуз
17 августа 1969

notes

Примечания

1

Соседи *(исп.)*. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Педераст *(исп.)*.

3

Это педик поет *(исп.)*.

Не могу, пока этот педик поет *(исп.)*.

5

Педик похабный, твои ебаные волосы летят нам в еду! *(исп.)*

Мамочка! *(исп.)*

Добрых глаз *(исп.)*.

8

– Добрый день, сеньорита. – Чего хотите? – «Трибьюн»… американскую «Трибьюн»… *(исп.)*

– Сколько? – Семьдесят сентаво *(исп.)*.

10

Сеньор… Послушайте… *(исп.)*.

11

Мертворожденный *(исп.)*.

12

Вот так, сеньор, больше спасибо *(исп.)*.

13

Бедненький мальчик *(исп.)*.

14

Нет, сеньора… это от меня *(исп.)*.

15

Ты что своими глазами вытворяешь, полоумная ты старуха? Ты же от этого ослепнешь *(исп.)*.

Гипнотическими внушениями *(исп.)*.

17

Выживших нет *(исп.)*.

18

Скончался на месте *(исп.)*.

19

…мертвый мальчишка *(исп.)*.

20

Ужасное происшествие *(исп.)*.

21

Кастрат! Кастрат! Кастрат!

22

Старая пьяница задохнулась *(исп.)*.

23

Обуглившийся труп… обуглившийся труп… обуглившийся труп… обуглившийся труп… *(исп.)*

24

Поскользнулась на обмылке и с балкона свалилась *(исп.)*.

25

Пьяной *(исп.)*.

26

Бандитам *(исп.)*.

27

Сеньор прокурор *(исп.)*.

Хозяина *(исп.)*.

29

Кровь Христова *(исп.)*.

Обслуживание не включено! *(фр.)*.

31

Мы нариков не обслуживаем *(исп.)*.

32

Да, да, поддельный рецепт на наркотический препарат *(исп.)*.

33

Преступники. Гомики. Бродяги *(исп.)*.

34

Грузовик задавил собаку *(исп.)*.

35

Графа *(фр.)*.

36

Любишь ли ты шорох шагов по мертвым листьям, Симон? *(фр.)*

37

Реально существующая международная религиозная организация, основанная американским проповедником Фрэнком Бухманом.

38

Программа грантов Фулбрайта финансируется Государственным департаментом США с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других стран.

39

Сверхроскошь (*фр.*).

Непринужденно *(фр.)*.

41

Аяуаска, она же «лоза духов» – лиана, растущая в джунглях Южной Америки, используется местными племенами для изготовления слабогаллюциногенного напитка; маджун – конфеты с марихуаной, корицей, медом, тмином и мускатом, распространенные в странах Магриба.

42

Яхе айяуаска… очень хорошая… очень крепко забирает…

43

Очень горькая, да, Джонни.

Повернись *(исп.)*.

45

Псевдомарки, которые на Рождество наклеивали на почтовые отправления, собранные от их продажи средства шли на благотворительность, в конечном итоге эти псевдомарки стали ассоциироваться со сбором средств на борьбу с легочными заболеваниями.

46

Из «Осенней песни» джазового пианиста и певца Нэта Кинга Коула.

47

Персонаж Берроуза, кочующий из романа в роман.

Повернись и нагнись (*исп.*).

Еще, Джонни… Еще (*исп.*).

50

Раздвинь ноги (*исп.*).

51

Что ты со мной делаешь, Джонни? *(исп.)*

Раздевайся, малый (*исп.*).

Хорошо, Кики, давай (*исп.*).

Давай искупаемся (*исп.*).

Да что с тобой, малый? А у тебя стоит (*исп.*).

Сколько-сколько? (*исп.*).

57

Билли Кид (1859–1881) – американский преступник-одиночка, убийца, ставший символом Дикого Запада. Джесси Джеймс (1847–1882) – американский грабитель, совершавший со своей бандой налеты на дилижансы и поезда. Голландец (Датч) Шульц (1902–1935) – американский гангстер, занимался бутлегерством во времена Сухого закона и организацией подпольных лотерей; один из излюбленных персонажей Берроуза (см. «Последние слова Голландца Шульца», 1969). Все трое давно уже стали персонажами американской массовой культуры.

Ладно, гринго… Деньги…

59

Хочу тебя трахнуть (*исп.*).

Вон другой мяч (*исп.*).

61

Хорошее место для ебли (*исп.*).

Подожди минутку (*исп.*).

Сюда, Джонни (*исп.*).

Еще раз (*исп.*).

Потанцуем (*исп.*).

Анаша (*исп.*).

Очень плохо (*исп.*).

68

Песня из одноименного киномюзикла с Джуди Гарланд.

69

Джордж Уоллес (1919–1998) – в 60-е годы губернатор Алабамы.

Так же как и упоминаемые ниже «Хинки-динки парле-вю» и «Подводы с амуницией за нами ползут», «За моря» – реальная маршевая песня американских солдат времен Первой мировой войны.

71

Добро пожаловать, немцы (*нем.*).

Графу (*фр.*).

73

Роман Персиваля Кристофера Рена. На русском языке роман издавался под названием «Похороны викинга», трижды экранизирован, в советском прокате фильм шел под названием «Красавчик Жест», вероятно, имеется в виду версия 1939 г. с Гари Купером, хотя, возможно, и версия 1966 г. с Гаем Стокуэллом.

Где хорошее место, чтобы потрахаться? (*исп.*)

Много китайцев (*исп.*).

76

Этот эвфемизм сэр Джордж Ослер, канадский врач, считающийся отцом современной медицины, придумал для опиума и его производных.

77

Где хорошее место, чтобы потрахаться? (*исп.*)

78

В странах Восточной Африки и Аравийского полуострова свежие или сушёные листья ката используют для жевания или заваривания как чай в качестве наркотика-стимулятора, вызывающего утрату аппетита и эйфорию.

79

Гайсин Брайон (1916–1986), писатель и художник, друг У. Берроуза.

80

Супермен, персонаж американской массовой культуры 50–60-х гг.; лучи смерти как оружие пришли в художественную литературу и массовую культуру из романа Г. Уэллса «Война миров».